

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Иные берега

Иные берега

2 (13) 2011

Журнал Объединения русскоязычных литераторов Финляндии
Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden lehti

Хельсинки 2011
Helsinki 2011

Главный редактор – Ольга Пуссинен
Päätoimittaja – Olga Pussinen

Редакционная коллегия – Леонид Корниенко, Марина Крошнева
Toimitusneuvosto – Leonid Kornienko, Marina Kroschneva

Составитель – Людмила Яковлева
Tekijä – Ludmila Jakovleva

Корректор – Марина Главатских
Korrehtuurinlukija – Marina Glavatskikh

Компьютерная верстка – Ирина Глебова
Tietokoneenmuotoilu – Irina Glebova

Иллюстрации – Анатолий Туманов
Kuvitus – Anatoli Tumanov

Журнал выходит два раза в год, весной и осенью.
Aikakauslehti ilmestyy kaksi kertaa vuodessa, keväällä ja syksyllä.

Подписка на журнал принимается по e-mail:
Lehti tilaus e-mail:

inyeberega@gmail.com

Информация о журнале расположена на сайте:
Tiedonanto lehdestä:

<http://finlito.tk>

Тексты для публикации принимаются по электронной почте:
Julkaistavia kirjoituksia otetaan vastaan osoitteessa:

inyeberega@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
Присланные материалы не рецензируются.
Издатель: Объединение русскоязычных литераторов Финляндии.

Lähde mainittava kirjoituksia lainattaessa.
Lehden kanta ei välttämättä ole sama kuin kirjoittajan kanta.
Lähetettyjä aineistoja ei arvioida.
Julkaisija: Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden yhdistys ry.

© Иные Берега 2 (13) / 2011

© Inye Berega, 2 (13) / 2011

Издание осуществляется при финансовой помощи Министерства образования Финляндии и посольства Российской Федерации в Финляндии.

Julkaiseminen tapahtuu Suomen opetusministeriön ja Venäjän suurlähetystön rahallisella tuella.

Рубрики

- ✓ Поэзия
 - ✓ Проза
 - ✓ Критика и публицистика
 - ✓ Переводы
 - ✓ Воспоминания
 - ✓ Книги наших авторов
-

Otsikot

- ✓ Runoja
- ✓ Proosaa
- ✓ Kritiikkiä ja lehtikirjoituksia
- ✓ Käännöksiä
- ✓ Muistelmia
- ✓ Kirjoittajemme kirjoija

Содержание
Sisältö

Содержание	3
	<i>Поэзия и проза</i>
	<i>Runoja ja proosaa</i>
Ольга Пуссинен. Стихотворения <i>Olga Pussinen. Runot</i>	
Родина <i>Kotimaa</i>	7
«Упаси меня, Боже, от этих мостов...» « <i>Pelasta minut, Luoja, näistä silloista...</i> ».....	8
Алексей Ланцов. Стихотворения <i>Aleksej Lantsov. Runot</i>	
Литературное кафе <i>Kirjallisuuskahvila</i>	9
В поезде <i>Junassa</i>	10
Александр Мелихов <i>Aleksandr Melihov</i>	
В обители блаженных. Фрагмент из романа «Интернационал дураков» <i>Autuaiden kodissa. «Hassujen internationaali» romaanista katkelma</i>	11
Ирина Глебова. Воспоминания о Скандинавии. Стихотворения <i>Irina Glebova Skandinaviasta muistia. Runot</i>	
«Саксофон, играющий джаз...» « <i>Jazzia soiva saksofoni...</i> »	24
Закат <i>Auringon lasku</i>	24
Норвежское утро <i>Norjan aamu</i>	25
Галия Мавлютова. Рассказ <i>Galia Mavljutova. Kertomus</i>	
Лунное одиночество <i>Kuuyksinäisyys</i>	26
Наталья Мери. Стихотворения <i>Natalia Meri. Runot</i>	
Касабланка <i>Kasablanka</i>	31
«Как зерно прорастает зеленым ростком...» « <i>Niin kuin jyvää itää vihreäksi iduksi...</i> »... 31	
«Любимый мой, мы станем солью...» « <i>Rakkaani, meistä tulee suolaa...</i> ».....	32
Роберт Ямб. Рассказы <i>Robert Jamb. Kertomukset</i>	
Шляпа чиновника <i>Virkailijan hattu</i>	33
Из воспоминаний о митингах <i>Vastalausekokouksien muisteista</i>	35
Иван Волосюк. Стихотворения <i>Ivan Volosjuk. Runot</i>	
«Тяжело мне. На пахнувшей гнилью...» « <i>Mieleni on raskas. Laholta haisevalla...</i> »	38
«Эту сажу мук не стереть с лица...» « <i>Tätä tuskien nokea ei saa pyyhkiä kasvoilta...</i> ».. 38	
«Это только контур русской речи...» « <i>Se on vain ääriiviiva venäjän puhetta</i> »	38
«Нам в этом мире – тесно...» « <i>Meille on tässä maailmassa ahdasta...</i> ».....	39
«Здесь боль и смерть моя смолистая...» « <i>Tässä on minun kipua ja tervakuolema...</i> ».....	39
«Две случайные фразы...» « <i>Kaksi satunnaista lausetta...</i> »	40

Марина Крошнева. Стихотворения <i>Marina Kroshneva. Runot</i>	
Москва <i>Moskova</i>	41
«Небрежно серебром покрылось небо...» « <i>Taivas on peittänyt hopealla välinpitämättömästi...</i> ».....	41
Московская ночь <i>Moskovan yö</i>	41
Евгений Гузеев <i>Evgeni Guzeev</i>	
Капля мозга товарища Сталина. Параисторическая повесть. Окончание. Начало в № 1 (12), 2011 <i>Toveri Stalinin tippa aivoa. Parahistoriallinen pienoisromaani. Loppuosa. Alku on nrossa 1 (12), 2011</i>	42
Алексей Филимонов Стихотворения <i>Aleksei Filimonov. Runot</i>	
Рыбье море <i>Kalojen meri</i>	57
Ангел-сердце <i>Enkeli-sydän</i>	57
«Две птицы на корме...» « <i>Kaksi lintua peräkeulalla...</i> ».....	58
Вечная битва <i>Ikuinen taistelu</i>	58
Людмила Яковлева. Рассказы про Марину Петровну <i>Ludmila Jakovleva. Kertomukset Marina Petrovnasta</i>	
Толпа <i>Väkijoukko</i>	59
Мечта <i>Haave</i>	59
Танец <i>Tanssi</i>	61
Выстрел <i>Laukaus</i>	62
Компьютерная смерть <i>Tietokoneellinen kuolema</i>	63
Владимир По <i>Vladimir Po</i>	
Город уснувших надежд. Отрывки из поэмы <i>Nukkuneiden haavien kaupunki. Runoelmasta katkelmia</i>	65
Ася Пеконен. Рассказ <i>Asja Pekonen. Kertomus</i>	
Невеста из Петербурга <i>Morsian Pietarista</i>	67
Татьяна Кивинен. Стихотворения <i>Tatiana Kivinen. Runot</i>	
«Когда рассыплются все замки на земле...» « <i>Kun kaikki linnat maailmassa hajoavat palasiksi...</i> ».....	71
Роберту Винонену <i>Robert Vinoselle</i>	71
«Кто-нибудь мне скажет про любовь...» « <i>Joku sanoo minulle rakkaudesta...</i> ».....	72
«Я хочу раствориться – это ведь не расстаться...» « <i>Minä haluan sulautua, sehän ei tarkoita erota...</i> »	72
<i>Критика и публицистика</i> <i>Kritiikkiä ja lehtikirjoituksia</i>	
Рамиль Сарчин <i>Ramil Sarchin</i>	
Лед и пламень. О стихах Татьяны Кивинен <i>Jäätä ja tulta. Tatiana Kivisen runoista</i>	73
Роберт Винонен <i>Robert Vinonen</i>	
Воскрешение темы <i>Teeman herättäminen</i>	77

Переводы
Käännöksiä

Венди Коуп. В переводе Натальи Крофтс *Wendy Coupe. Käännös Natalia Crofts*

Замкнутый круг <i>Sulkeutunut ympyrä</i>	85
После обеда <i>Iltapäivällä</i>	86
Два средства от любви <i>Kaksi keinoa rakkauden vasten</i>	86
Потеря <i>Menetys</i>	86
Английская потешка <i>Englannin huvike</i>	86
Триолет <i>Trioletti</i>	87
Тич Миллер <i>Tich Miller</i>	87
Имена <i>Nimet</i>	87
Триолет в девять строк <i>Yhdeksäsrivien trioletti</i>	88

Воспоминания
Muistelmia

Борис Рыжий – вспоминают очевидцы. Материал подготовлен Алексеем Мельниковым
Boris Ryzhi – muistavat silminnäkiät. Materiaalien valmistelu – Aleksei Melnikov..... 89

Книги наших авторов
Kirjoittajemme Kirjoija

В анонсе:

А. Ланцов, Л. Корниенко, Л. Яковлева, О. Сванберг, М. Розенблит

Ilmoittamassa:

A. Lantsov, L. Kornienko, L. Jakovleva, O. Svanberg, M. Rozenblit..... 100

Ольга Пуссинен
Olga Pussinen

Поэзия

Поэт и ученый-филолог. Родилась в Мордовии, защитила кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербурге, откуда уехала в Финляндию. Живет в Хельсинки с 2001 года. В настоящее время пишет докторскую диссертацию по вопросам билингвизма в хельсинкском университете.

Литературные публикации – в журналах «Иные берега», «Северная Аврора», «Нева».

Родина

То ли рай, толь не рай, то ли просто сарай,
Деревянный сарай и солома.
Эй, ямщик удалой, ты гони-поспешай
До родного забытого дома!..

До сиротских, покинутых, горьких тех мест,
Где поля разрезают овраги,
Где на кладбище сгнил старый прадеда крест,
Где ни сказки, ни были, ни саги

Не осталось уже, все развеяно в прах,
Поросло ковылем да бурьяном...
И лишь привкус полыни горчит на губах
Знойным полднем, дурманным и пьяным.

Разгулялся опять серый злой суховея
По холмам, где мы жили да были,
И свистит, и поет финский мне соловей:
«Ты ли русская? Русская ль ты ли?..»

И чухне не чухной, и мордве не мордвой,
Мы – осколки советской эпохи,
Только Павлик Морозов глядит, как живой,
Да Ильич на знаменах такой молодой, –

С ними скачем по миру, как блохи.
Мать-и-мачеха Русь – перелетная грусть,
Этот стон у нас песней зовется.
Ты жива ли, старушка?.. Я скоро вернусь,

Чтоб напиться воды из колодца,
В ту деревню, где ползает пара калек.
Остальным уж водицы не надо, –
Все ушли за тобою, мой вещий Олег,

Со щитом ко вратам Цареграда.
Жди меня – я вернусь, по росе, на заре,
В черном джипе, телеге, на дрогах.
Спелый яблочный Спас, долгим летом прогреет,
Накидает мне яблочек к порогу,

И кудрявая яблоня дрогнет листвою
У дверей деревянного рая,
Прошептал: «Вот и свиделись снова с тобой,
Дождалась же тебя, дорогая!..»

2011, Хельсинки

* * *

Упаси меня, Боже, от этих мостов,
На которых плывет вольный город Петров.

Упаси меня, Боже, от этой воды, –
Заглядишься, а там – далеко ль до беды?..

Упаси же ты, Боже, от этой реки,
Что размочит меня до последней строки.

Упаси ты, мой Боже, от этой любви,
Что растет, как репей, на костях и крови.

Упаси, я прошу, и от этого дня, –
Что, я знаю, придет, – он покинет меня.

И еще, не забудь, – упаси от стихов,
Что сжимают мне душу железом оков.

1996, Санкт-Петербург

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke extending to the right.

Алексей Ланцов
Aleksej Lantsov

Родился в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета. С апреля 2006 года живет в Финляндии, в городе Сало. Автор книги стихов «Русская тоска».

Поэзия

Литературное кафе

Литературное кафе –
Клиенты вечно подшофе
И дым подпотолочный.
Здесь переводчик и поэт
Меню (закажем-ка обед!)
Читают, как подстрочник.

А чтоб в радушии таком
Не есть? Вон дым под потолком –
И тот такой домашний.
Идет опять официант...
– Все вкусно так, но вот цена...
– Что ж, обойдемся кашей.

Литературное кафе!
Гастрономический эффект
Помножить на культурный
Хозяйка ловко так смогла,
Что хорошо пошли дела –
Пошла к ней клиентура.

... А под прожекторным лучом
Блестит эстрады пяточок
И столик, на котором
Стоит – пустой сейчас – сосуд,
Чтоб каждый мог, читая тут,
Смочить сухое горло.

Литературному кафе
Название «Афанасий Фет»
Подходит всех удачней,
А назвала бы «Львом Толстым»,
Глядишь – стояло бы пустым,
А «Горьким» – так тем паче!

2009

В поезде

Попутчики в поезде «Москва – Хельсинки». Молодожены. Дагестанцы.
Он чем-то торгует, богат, давно уже обосновался в Европе.
Она – этакая Бэла лет двадцати шести, впервые так далеко от дома.
Он, по временам переходя на русский, рассказывает, как хорошо им будет на новом месте.
Хорошо бы.
Да и что у нее в Дагестане? Да нет, как же: там родные, дом, большой аквариум, два фикуса на втором этаже, домработница плакала, прощаясь... Ты помнишь мою комнату?...

Пограничники аккуратно ставят два штампа в ее новенький загранпаспорт и в его, выдавший виды, и в мой тоже. Но мой получает еще одну отметку – маленькое коричневое пятнышко, когда джигит неловким движением расплескивает принесенный проводницей кофе.
Качает.

2009

Александр Мотелевич Мелихов (Мейлахс) родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил математико-механический факультет ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, автор книги «Диалоги о мировой художественной культуре» и нескольких сот журнально-газетных публикаций, заместитель главного редактора журнала «Нева». Произведения А. Мелихова переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки.

Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с про- статитом». Роман «Любовь к отеческим гробам» вошел в шорт-лист 2001 года премии «Русский Букер», а также получил премию «Студенческий Букер», роман «Горбатые атланты» – в список трех лучших книг Петербурга за 1995 год. Премия интернет-конкурса «Тенета-Ринет» (2002) в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премии им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за романы «Чума» (2003) и «Интернационал дураков» (2009), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо». Премия журнала «Полдень, XXI век» (2008). Премия фонда «Антифашист» за статью об идеологии немецкого фашизма, опубликованную в журнале «Дружба народов».

Александр Мелихов

Aleksandr Melihov

В обители блаженных

(фрагмент из романа «Интернационал дураков»)

Проза

Откинув колючий меховой полог, я вышел в нежный светящийся вечер, все переходящий и переходящий в сравнительно еще белую ночь. Вполне нездешнюю из-за того, что я оказался в каком-то призрачном Петрограде, – гранитный чухонский модерн, но как-то вдесятеро гуще. Как будто я наконец добрался до какого-то ускользающего аромата, до того самого цветка, чарующий запах которого на меня уже много лет наносило то одним, то другим ветерком. Каменные рубленые порталы, уводящие в недоступные пещеры горного короля, свиноподобные хари гранитных троллей, добродушные медведики, пригорюнившиеся с гранитными факелами в неуклюжих лапах, какие-то рунические орнаменты...

Люди за границей уже давно не кажутся мне волшебными – с тех пор как я понял, что мне нет места в их грезах. Но в финнах я ощущал что-то трогательное: они жили в Женином городе...

Александринкату, и пониже, ее же имя, этой улицы, со шведской концовкой «гатан» – былых завоевателей не стерли с лица отвоеванной земли, но лишь поставили строчкой ниже. Северное, хладно блистающее море, приподнявшие над водой черные черепаши спины каменные острова, луды, как их зовут на Белом море, – а над горизонтом еще одно море огненных барашков; ведущая прочь от причала узенькая улочка Софианкату, уютные провинциальные окошки кафе «Samovar», и – моему изумленному взору открылся призрак николаевского Петербурга: вознесшийся ввысь белый Исаакий, необыкновенно постройневший в своем инобытии, окружившие площадь неясно различимые классицистские здания... Ах, как радостно и больно видеть их в краю чужом... Уже родном для меня.

А перед призраком Исаакия – тоже необыкновенно стройный и строгий император-Освободитель. Со всей положенной свитой у постаменты: дева-воительница с мечом и щитом (Lex), присмиривший лев, вечные рабочий и колхозница, музы с лирой и глобусом... Везите во дворец, там умереть...

Мне уже казалась волшебной даже унылая фаб-

ричность транснациональных стекляшек, когда мне открылось еще одно суровое чудо северного модерна – божественный вокзал города Хельсинки, вход в который сторожили две пары крестьянских жилистых гигантов с подрубленными длинными волосами. Гранитные стражи, однако, держали в руках не мечи, но многогранные светящиеся глобусы. Их матовые отсветы я разглядел даже на далеком силуэте стройного всадника с остренькими ушками на макушке – отец нации, Маннергейм, благоговейно догадался я.

Зато памятник самому главному отцу народа, Лённроту, был погружен в люминисцентный полумрак... Но моему духовному взору открывалось все до последней мелочи – коих, впрочем, и не бывает в искусстве, в мире миражей. Могучая фигура – старый верный Вяйнемейнен в стекающей бороде водяного возложил величественную длань на кантеле из челюсти гигантской щуки, печальная Кюллики – девица-цветик, присевшая у самого краешка взявшегося гранитной рябью постамента пара гномиков в шляпках-грибочках, и в центре всего – давший им жизнь скромный сельский лекарь со шкиперской бородкой на шее: сюртук с жилеткой, галстук-бабочка, сапоги с отворотами...

Он готовился занести в тетрадку, твердую, словно палитра, еще тридцать-сорок строк – тридцать-сорок тысяч новых кирпичей в растущий не по дням, а по часам собственный дом растущего не по дням, а по часам из нащупываемой собственной химеры новорожденного народа. Выбил искру Вяйнемейнен, высек пламя Ильмаринен...

И тут у меня перехватило дыхание: гномик у постамента зашевелился и что-то протянул другому, тот тоже ожил и принял – банку с пивом! Запрокинув голову-грибочек, гном сделал несколько глотков, и оба вновь обратились в камень.

Я перевел дыхание, – это была парочка хиппующих юнцов, – и только тут мне пришла в голову дельная мысль: а я не потеряюсь?..

12
Ответ был ясен: я уже потерялся. Я ведь не шел, а парил, не разбирая и не запоминая дороги. Черт, я ведь даже не знаю Жениной фамилии... Тем более конторы, где она работает. Конечно, в гуманной республике Суоми человеку пропасть не дадут – на худой конец прикинусь умственно отсталым, – их здесь любят... Дьявол, у меня ведь и паспорт остался в автобусе!..

Сделалось не по себе: меня страшили надвигающиеся бессмысленные дни, когда мне будет некого отражать, когда я буду никто.

И тут возникла *она* – едва различимая ассирийская гривка, поблескивающие очки, – моя нежность, удесятренная благодарностью, на миг перехлестнула через край: я на мгновение прижал ее к себе и тут же выпустил, но все же успел отметить, что она ничуть не воспротивилась.

– Я сразу догадалась, где вас искать! – словно сообщник сообщнику, сообщила мне она, радостно вскидывая кукольную головку.

* * *

Точно так же, словно маленькая девочка, торопящаяся с папой на какой-то праздник, вышагивая своими длинными ножками в пустоватых розовых джинсиках, она доверчиво запрокидывала головку под фонарем на огромного пузатого директора этой обители блаженных в краю тысячи озер, в полнощной бездне одного из которых все еще догорал последний уголек вечерней зари. Среди черных сосен темнели погасшие корпуса, каждый с непременно (Сталин думает о нас) горящим окном – все это походило на пионерлагерь.

Только, разумеется, не квартира для «навестителей», куда меня поселили в качестве почетного гостя, остальных рассредоточив во тьме, – это был как бы, выражаясь по-современному, двухкомнатный люкс, без лишних понтов, но с отличной кухонной инфраструктурой. Спать в роскошной двуспальной кровати мешала лишь неумеренная бдительность противопожарного грибка на потолке гостиной, всю ночь жалобным писком звавшего на помощь, – однако чистая совесть – лучшее снотворное.

Я даже и проснулся от щебета пташек – так мне привиделся, вернее, прислышался этот противопожарный писк в моих снах. За огромным окном сиял необъятный солнечный день – с пушечными стволами сосен, беззвучно салютующих пышными кронами космически синему небу. Влюбленность – прежде всего самовлюбленность: мне чудилось, что и весь мир счастлив обрести роль в моем спектакле.

Меж солнечных сосен – запах, запах, тысячу лет я прожил в мире без запахов – навстречу мне блеснула стеклышками и безоглядной, немножко клоунской улыбкой Женя – и меня обдало таким счастьем, словно нам опять по восемнадцать, и мы сейчас же, упоительно щебеча, вспорхнем и полетим к золотым днепровским пескам, – и впервые за годы и годы новая женщина не отозвалась во мне спазмом тоски по старой, вернее, вечной Жене. Не в силах сдержать улыбок, утоптанной песчаной дорожки под собой не чуя, мы вступили в столовую, до звона переполненную солнечным блеском, – и я узнал этот зал: это был пионерский лагерь, а за столами вновь расположились все мои лагерные кореша до гроба. Только неистребимый запах пригорелого молока куда-то улетучился.

Да еще мои дружки с подружками ужасно постарели и покорежились – седины, морщины, складки, отечности, обвислости, – это был пионерлагерь пенсионеров. И это бы еще ничего: над каждым из них крепко поработал какой-то разнузданный тролль, уже не способный даже на злобные выверты – он просто тупо мял, рвал, вытягивал, плющил, обращал глаза в прорези или в пузыри, носы в башмаки, хоботы или олады, нижнюю губу оттягивал до кадыка, рты стаскивал к ушам, одно скомкав в пельмешек, другое оттянув в лопух, – черепами же заниматься ему и вовсе было недосуг: помял да и бросил...

Однако здесь никто на подобные мелочи не обращал внимания, и прежде всего я сам. Ну, вываливается разноцветная кашица изо рта, ну, раскачивается человек за едой, ну, кружится... Или сразу двое... Или десятеро, словно камыш под ветром. Подумаешь. Ну, кто-то грохнул об пол поднос с кашей и салатом – но всю эту смесь тут же сметают, смывают мамки-няньки.

Женщин не помню – моя возвышенная натура не позволила мне опознать их в таком обличье. Зато по одежке пациентов было не отличить от воспитателей – все были одеты по-простому, по-летнему.

– Это в России воспитатели, – с достоинством поправила меня Женя. – А здесь помогатели. Или как по-русски?.. Помощники.

Только один темный костюм двинулся нам навстречу – зато сразу в полтора человеческих роста и в два человеческих пуза. Темные прилизанные волосы президента Рейгана, могучие распахнутые ноздри, похожие на дырки в роскошном французском сыре, добродушно распростертые объятия, от которых Женя без церемоний уклонилась, – и без того ничуть не расстроенный ее чопорностью директор окончательно утешился тем, что на четверть оборота провернул в ноздре большой палец, а после дружески протянул мне неохватную пухлую руку: Юсси.

Демократия, блин. Властелин не должен слишком отличаться от своих подданных.

Юсси, Юкси... Меня уже обдавало нежностью от этих звуков...

Теперь я знал, к чему ведет брезгливость, и потому жевал как ни в чем не бывало. Только не помню что. Стараясь также не ощущать вкуса. Особенно запаха. Хотя все было очень доброкачественное, как в хорошем санатории. И видеть старался только Женю. Но откуда-то волоком притащил табурет Леша Пеночкин и, пристроившись в торце стола, принялся изучать меня в профиль, и я невольно косил на него непослушным глазом.

Внезапно сидевший рядом с ним пенсионер медленно завалился набок и принялся так же без лихорадочной спешки потряхивать головой и руками на чистом бежевом линолеуме. Среди сонмища моих воспоминаний-истязателей прячется и такое: идущая передо мною приличная дама в светлом плаще вдруг остановилась и со всего роста

грянулась навзничь, и по асфальтовой слякоти потекла кровь с молоком из осколков в ее авоське. А она с полной невозмутимостью вот так же потряхивала кистями, словно пытаясь определить, много ли мелочи собралось в невидимых копилках. В тот раз я вызвал скорую, а сейчас... Все продолжали есть, и я продолжал. Только Леша Пеночкин, склонившись, принялся пристально изучать эти содрогания да какая-то помогательница подложила припадочному под голову веселую зеленую подушку. Один Лев Аронович развил бурную деятельность: сунул под подушечку свой свернутый пиджак и, колено-преклоненный, встряхивая сосульчатými седи́нами, принялся ловить подпрыгивающие руки, пронизательно щупать пульс...

– Как будто без него не знают, что делать... – в нос пробормотала Женя. – Давайте пересядем.

Уклониться от такого соседства казалось мне недостойным чистоплюйством, но если профессиональная сиделка...

– Куда?! – с презрением воззвал нам вслед Лев Аронович. – Дезертируете, не нравиться?!

– Конечно, не нравится, – не оборачиваясь, бросила Женя, а я лишь втянул голову в плечи.

Все-таки не мне его, а ему меня удалось вовлечь в свой спектакль...

Зато мы с Женей начали подвигать друг другу стулья, тарелки, ложки с особой предупредительностью, переходящей в сострадание: ведь и нас отделяла от этого ужаса всего только полупрозрачная пленка, готовая разлететься брызгами при любом серьезном прикосновении... И я прямо-таки с сердечной болью вдруг разглядел, какая тоненькая у нее шейка, с совершенно младенческими поперечными морщинками на горле... (Серебряные нити в волосах я уже давно воспринимал как изысканный дизайнерский прием.)

После завтрака Юсси, набриолиненный человек-гора, повел нас в обдающие больничным морозцем сверкающие гигиенические недра, а затем, оставив меня в совершенно больничном холле, увел Женю в какую-то дверь. «Проконсультировать», – ласково посветила она мне улыбкой и очками.

Может быть, я затосковал слишком быстро, но мне показалось, про меня забыли. Я сначала легонько поцарапался, а затем заглянул внутрь. На белом пластмассовом кресле-каталке сидела обнаженная русалочка, с которой смывал мыльную пену бравый молодой мойщик в просторной зеленой робе. Он помогал струям из сверкающей кольчатой змеи ладонью, заботливо оглаживая красивые грудки, намыленный животик в детских складочках, пах, вскипевший мылом, словно советская кружка пива... А она своим неотчетливо прорисованным личиком вглядывалась сквозь кафель в ей одной открытые грезы, в которых проплывал не ведающий о ее существовании прекрасный принц, светилась недосыгаемая бессмертная душа, манили недоступные маленькие ножки вместо тех зачаточных ластов, которые свисали с кресла на бескостных хоботках...

Юсси совершенно буднично разговаривал с Женей: кукси, пукси... Она тоже отвечала вполне по-деловому: кукси, пукси, – я едва не защемил себе голову дверью.

Женя тут же вынырнула следом.

– Видите, он даже перчатку не надевает, – страдальчески прошептала она. – Им всем дают противозачаточные таблетки, и все равно каждый месяц кто-нибудь беременеет. Здесь сложнее, а в наших-то пнях сразу аборт делают без разговоров. Хоть за ними и следят: я вам пообнимаюсь, руки оторву... Но не могут уследить за всеми.

– Сильна как смерть... – пробормотал я.

– А за персоналом еще труднее уследить...

– Да неужели кто-то может?..

– Ого! Еще как! Беззащитность всех провоцирует. Даже с виду приличных. Я в Сюллики как-то ночью задержалась в палате, а один лежащий все время что-то мычал, дергался – санитарка зашла и как даст ему по морде: ты, сволочь, долго будешь надоедать! И тут увидела меня, там же был полумрак... И как вылетит. Потом долго от меня шарахалась... А с виду никогда не подумаешь, приличная тетка.

Я вздохнул: не хотелось расставаться с зародившейся сказкой о мире, в котором слабых защищает не сила, но доброта. Ну, пускай порядочность.

Хотя спрашивал я о другом, не о том, «неужели у кого-то хватит совести?», а о том, «неужели у кого-то встанет?» Видно, и впрямь сильна как смерть...

В автобус я ее подсаживал с такой трепетностью, словно дни ее были сочтены. И она уже села рядом со мною.

И пока мы ехали мимо карельских сосен и скандинавских зданий, каждый из нас обращался с другим так ласково, будто сопровождал его на эшафот.

Зато на скрюченных, раздутых, перекошенных, вислогубых, косолобых обитателей еще одного особняка блаженных, рассаженных в креслах-каталках за столиками, по которым были разложены горки новеньких болтиков, шайбочек, гаечек, мы смотрели с грустными растроганными улыбками, словно на счастливых, завидовать которым все-таки невозможно. Хотя они нисколько не скучали, медленно и старательно раскладывая по прозрачным пакетикам четыре болтика, четыре шайбочки, четыре гаечки, четыре болтика, четыре шайбочки, четыре гаечки, четыре болтика...

Зарабатывали себе на хлеб.

Интересно, что совершенно одинаковые болтики были сложены не в одну, а в четыре кучки: сортировальщики не умели считать до четырех, но брать по одному из каждой кучки умели. А за окном за черепичными кристаллами стильных кровель чухонского модерна сверкало море, разукрашенное черепаховыми спинами гранитных луд, и наш уголок блаженных тоже был расписан текучими лилиями югенд-стиля...

А на первом этаже у разинутой жаркой пасти веселые дауны в поварских колпаках сажали в печь огромные противни с будущими солеными сухариками, которые жители финской столицы расхватывали, как горячие пирожки. Здесь зарабатывали даже и на пиво.

* * *

Но подлинная обитель блаженных прилегла у подошвы могучего гранитного купола с заросший цирк величиной. Суровый край – его красам, пугаясь, дивятся взоры... А в холле они встречают обширный овальный стол с горкой муляжных фруктов, которые какой-то нетерпеливец все-таки попробовал, пухлые кресла, скромный буржуазный камин, объемный аквариум с шустрилками в оранжевых тельняшках среди степенных черного бархата лоскутов-призраков, здоровенный телевизор... Приют убогого чухонца.

За телевизором внимательно наблюдает через профессорские очки крошечная, почти карлица, шуплая женщина с седеющим коком и огромным ртом, в котором видны неровно, велотреком, сточенные зубы. Женя вполголоса переводит мне с такой скоростью, что я, мне кажется, уже понимаю финскую речь.

– Смотрите, смотрите, они обнимаются, они занимаются любовью! – время от времени вскрикивает карлица, указывая на экран, и висящий на ее шейке ключ возбужденно подпрыгивает.

Молодая, молочной спелости финка по имени Ённа благодушно кивает: да, мол, занимаются, занимаются, все в порядке.

– Кто меня боится, кто меня боится? – допытывается у Ённы другой обитель обители блаженных, радостно скаля торчащие козырьком зубы.

– Все, все тебя боятся, – успокаивает его Ённа, словно добродушная мамаша, и он обнажает свой зубчатый козырек еще шире.

– Ты не оставишь меня, ты не оставишь меня одного? – добивается третий.

– Нет, нет, никогда не оставлю, – благодушно кивает она и третьему.

Приходит с прогулки еще один кругленький мужичок с синдромом Дауна, при чеховской бородке и набоковском сачке, с ним похожая на него как две капли воды, только без бородки, маленькая даунесса в полосатой оранжевой футболке, напоминающей осу. Уверенно подходят, знакомятся за руку (руки у них удивительно мягкие и шелковые), располагаются очень по-домашнему.

– Смотрите, смотрите, голых мужиков показывают! – выкрикивает дамочка с седющим коком. – Но мне никто не нужен! Я обручена с Юханом – он *ужасно* меня любит!

Почему она здесь живет? «Здесь *ужасно* хорошая еда!» Раньше она жила за городом, там были овцы, лошади и куры, с ними заставляли много возиться. А здесь она живет спокойно, поет в хоре. Работать приходится только в своей комнате, наводить порядок.

– Без согласия ее опекунов ее нельзя расспрашивать о ее личной жизни, – деликатно указывает мне Ённа, но женщина с коком сама стремится к общению. «Ваш Саддам Хуссейн совсем сошел с ума! – восклицает она, узнав, что я из России. – Только и знает, что стрелять! Ельцин был лучше». Они политикой не очень интересуются, потихоньку извиняется Ённа, только когда видят стрельбу, спрашивают, это у нас или еще нет? Ну и слава богу.

– Ённа *ужасно* умная! – выкрикивает женщина с коком. – Она такая умная, что просто удивительно! А вы, – обращается она ко мне, – переезжайте ко мне в комнату, у меня есть свободная кровать! Я живу в комнате Микко! Он умер! Когда он умер, я к нему переехала!

Ённа благостна, как рыба в теплой воде, – у нее еще в школе был подшефный умственно отсталый. Они тоже люди как люди – дружат, влюбляются, расходятся, страдают. Интимные отношения? В принципе бывают, но сейчас нет. У них романы, как и у нас, чаще служебные – вместе собирают какую-нибудь ерунду, что-то строгуют, строчат – Эрот всегда порхает рядом с Гефестом.

– А они вас никогда не раздражают?

– Люди всегда чем-нибудь раздражают. Тогда надо шутить, с собой и с ними. Зато когда что-то получится, очень приятно. И им, и мне.

Мне тоже было приятно, но грустновато. Какими вы не будете...

– Во всех странах Восточной Европы интернаты уже расселили – создали центры дневного пребывания, патронажные службы, – казенной скороговоркой мне на ухо ябедничала Женя, и мне оставалось только вздохнуть и томиться: неужели мы и правда хуже всех?..

* * *

Что обидно – они и работали не больше нашего. Я ведь мантулил и в шахте, и на траулере, и на сплаве, и на лесоповале, и раскидывал раскаленный асфальт на азиатском солнцепеке – любой белофинн через час объявил бы бессрочную забастовку... Да и мои папа с мамой с работы сутками не вылезали, а пришла пора получать наследство – одни треснутые чашки без ручек и без блюдец. А в Женином центре... Когда-то он назывался Союзом слабоумных, затем Центром помощи людям с интеллектуальными нарушениями, но это имя было тоже сочтено неполиткорректным, и центр посвятили людям с ограниченными возможностями. Однако и это было слишком прозрачно, и тогда на смену пришли люди с особыми потребностями. Но ведь и признание особенностей – первый шаг к дискриминации, так что теперь Женя работала в центре помощи кое-каким людям. И в этом центре в рабочий день царили тишина и уют, половина кабинетиков с компьютерами стояли пустые, и громадный стол на вылизанной кухне тоже простаивал, невзирая на дармовой кофе со сливками и сухариками.

Одна умственно отсталая прислуга с исковерканными физиономиями бродила в своих чистых синих фартуках и высматривала, чего бы еще прибрать. Особенно усердствовал один белобрысый малый с кубической головой размера так семьдесят шестого – каждый раз, когда Женя выходила из своего кабинета, он тщательнейшим образом сматывал в клубок ее шнур от черного зарядного нароста, – кажется, она разматывала дольше, чем он сматывал! (Чистенькая ординарность ее кабинета со стандартным монитором и вращающимся креслом уже казалась мне пронзительно трогательной – как любые земные приметы неземного существа.)

При этом он всякий раз необыкновенно приветливо со мной здоровался, так что, когда Женя повела меня представляться директору, я оторопел, узрев этого самого белобрысого гидроцефала с кубической головой за директорским столом. Это был апогей либерализма!.. И гидроцефал оказался достоин сиять в этом апогее – холодно кивнув, немедленно завершил аудиенцию.

Зато через пять минут, снова попавшись мне в коридоре, вновь закивал с невыразимой любезностью. А потом снова заглянул в Женин кабинет и в пятый раз принялся сматывать шнур... Лишь воротившаяся Женя разъяснила мне, что директор и уборщик – два совершенно разных лица: директор – полный дурак, с увлечением может говорить – зато по полчаса, не меньше! – только о том, как правильно жарить рыбу, а от уборщика мало того, что намного больше пользы, но и в компании он куда более приятный собеседник, на всех вечеринках больше всех хохочет, только секунд на десять позже других (директор вовсе никогда не смеется), затем напивается, как свинья, потом его кто-нибудь отвозит домой, а наутро он снова на вахте – уже высматривает, что бы еще привести в порядок.

Блаженны нищие духом...

* * *

Их царствие уже погрузилось в светящийся полумрак, когда мы с Женей решили прогуляться к недвижному озеру, на неоновом сиянии которого березовые плети чернели с неправдоподобным изяществом и четкостью. Женя наотрез отказалась пересечь десятиметровую полосу черной невозделанной травы: там могут быть змеи, – и у меня зануло в груди от умиления.

– Говорит хозяйка Похьи: ты вспаши гадючье поле, взборзди пустырь змеиный, змей перебери руками...

– В этом озере два года назад один аутист утонул, – своими очками она плеснула в меня две ложечки расплавленного перламутра. – И никому ничего за это не было. Даже режим не изменили.

– Суть либерализма – свобода выше жизни...

Я вдыхал воскрешенный из небытия запах мокрого песка и ночной воды, расплавленный перламутр переливался у наших ног, вершины елей на другом берегу были вычерчены на немеркнущей заре с поистине дюреровской четкостью, и мы с Женей при всей нашей беспредельной незащитности все-таки были прекрасными и бессмертными.

* * *

Как это было мудро – дать своему новенькому музею имя *Атенеум*! И наполнить его собственными образцами всего, что уже канонизировали народы-первопроходцы, – здесь были и богатыри югенд-стиля, и проводы покойника на лодках, и что за беда, если все это было подражательно: то было подражание высоте, а не подражание пустоте, безостановочно извергаемой на наши незащитные головы гремящими столицами всемирного шарлатанства. Честные финны и в предательстве высокого оказались на высоте. Нужны бессмыслицы вместо богатырей и рыбаков? – мы и бессмыслиц наштамбуем как у самых образованных иностранцев. Мне на плечи кидается век-шарлатан, но не

лох я по крови своей, хотел сказать я Жене, поджидая ее у бронзового Лённрота, но Женя слишком уж обмерла перед памятником, приоткрыв свои пересохшие вишневые губки.

– А где гномики?.. – наконец с ужасом выговорила она и не просто ткнула, а прямо-таки вдавила очки в переносицу. – Здесь же гномики сидели, у постамента?!

И окончательно ахнула, обомлело всплеснув руками:

– Украли!..

– Цветной металл, ничего не попишешь, – обезоружено развел я пальцами.

– На машине подъехали, вон след остался!..

Мне сделалось совестно.

– Это была какая-то хипповая парочка. Они здесь пиво пили.

– Правда?.. А я уже и след от машины разглядела... Прямо отпечатки видела! Вот здесь. И вот здесь.

* * *

– Я пойду крашусь... – в своем жирафьем платьишке она отпрашивалась у меня, будто робкая умничка школьница, испуганным тычком старающаяся понезаметнее поправить очки.

– Разрешаю, – милостиво кивнул я, любуясь ею из-за столика, на котором свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду.

Я знал, что никогда не забуду этот вечер, эту черную в огненных змеях гавань под прозрачной стеной, этот невесомый белоснежный корабль, горящий тысячами окон, словно многоэтажный ночной Вавилон (тьма и белоснежность, громада и невесомость), этот укрытый тьмою замок на острове – звуки *Суоменлинна* чаровали мой слух даже еще пленительнее, чем грозный *Свеаборг*. Бастионы, капониры, куртины, трава на откосах, булыжная кольчуга, кордегардии... Спускаясь в проникнутый отсыревшей химерой замка Иф каземат, осторожно, чтобы не спугнуть, мы прощупывали друг друга в том главном, что объединяет и разделяет людей, – что такое красота? По-еврейски, робко пробует она неожиданно крепенькой ножкой мою глубину, жизнь – это всегда красота, безобразна бывает только смерть, даже всякие вещества становятся некрасивыми, только когда отделяются от человека, ведь это нас и коробит: живой человек – и от него отделяется что-то мертвое... Не в этом дело, осторожно возражаю я, нас коробит несоответствие идеала и реальности, а греза в христианской культуре всегда бесплотна... «Это в христианской, а евреи специально благодарят бога за то, что он сотворил отверстия в нашем теле...»

Мы избегаем смотреть друг на друга, но все-таки становимся все ближе и ближе. На острове *Коркеасаари*, где львы и лани мирно соседствовали на выпуклом гранитном лбу, – я с глянцевыми некошерными сосисками, она с относительно кошерной картошкой-фри на беленькой невесомой тарелке – мы удобно расположились с видом на море, – и вдруг на нас с истошными воплями обрушилась такая сверкающая туча чаек, что мы, не сговариваясь, ринулись под навес, – чистый Хичкок... Зато свалывшимися раздолбайскими медведями и утопающими в сонной войлочной мудрости зубрами мы любовались так, словно они были нашими детьми. Особенно головастики лошади Пржевальского.

Я и ее разглядывал, словно любимую маленькую дочку (настоящая моя дочь никогда не была маленькой), когда она вновь появилась перед моим столиком в огромном гулком зале, где мы были вдвоем, если не считать сотни статистов, рассаженных вдоль длинной прозрачной стены исключительно для жизнеподобия. Ее уменьшенные прелестными стеклышками арбузные глазки были обведены едва заметным трауром, подчеркивавшим, однако, вовсе не грусть, а только несмелость. А в обведенных золотой каемочкой стеклышках сияло столько отраженных огоньков, что они напоминали новогоднюю елку. Сквозь которую грустные глазки различались совершенно отчетливо.

– Теперь гораздо лучше, – милостиво одобрил я, и она жалобно улыбнулась своими миниатюрными губками:

– Издеваетесь?..

Но она видела, что я ею люблюсь.

Я чувствовал себя властителем, и клацанье сверкающих кусачек Командорского¹ наконец-то покинуло мой израненный слух. В последний раз они клацнули в низенькой темной банке на лесистом острове *Сеурасаари* – скромных финских Кижях, – я всего лишь хотел подать ей руку, но предостерегающий щелчок враз стеснил мое дыхание. Однако сейчас я взял ее за кругленький девичий локоток и усадил напротив себя без всяких последствий. Чему-то, наверно, помогла и сеурасаарская белочка, взбежавшая по мне с такой непосредственностью, как будто я был деревом, и я наслаждался микроскопическими укольчиками ее коготков. «Вам все доверяют», – почему-то грустно указала мне Женя. «Только те, кому я сам доверяю», – уточнил я. «Так вы всем и доверяете», – вздохнула она почему-то совсем уже безнадежно, и я понял, что это правда: я действительно верю, что люди только притворяются сволочами, что все низкое лишь маска высокого.

Под прозрачной стеной я ощущал острокирпичные торговые ряды, где царило не прохиндейство, а чистота, левее, у черной огненной воды – Обелиск Императрицы, *Кейсареннанкиви*, с золотым двуглавым орлом, усевшимся на шаре, за ним опустелый приморский базар, днем заваленный промытыми шампунем мехами и точеным многослойным деревом, серебряными рыбинами и аметистовой морошкой имени Командорского, от которой меня впервые не передернуло... Дальше по набережной я угадывал фабричную готику старинной таможни, стеклянную чистоту морского терминала, и все-таки прекраснее всего снова были звуки: *Катаянокка, ХаканиEMI, Кайвопуйсто...*

Ланилахти... Не то само вылизанное необъятное кладбище, не то залив, вдоль которого оно распростерлось. Корректные финско-шведские надгробия, и вдруг – новгородский храм со звонницей отзывается Двенадцатью апостолами на пропасть, близ которых в пятиэтажном блочнобетонном тереме выплакала по мне все глазоньки подзабытая мною Василиса Прекрасная... Но спазм сострадания, грусти смыли родные русские буквы – ах, как радостно и больно видеть их в краю чужом: МОРЯКАМ РОССИЙСКОГО ФЛОТА, СЛУЖИВШИМ ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА. Купеческий прикащик Павел Михайлович Береговой. А Василий Павлович Береговой уже коммерции советник. Ekaterina Ushanov. Истомин. Bolodin. Jakko Bascharov с супругой. Они пугают, а мне не страшно. Сегодня я бессмертен.

Я вызвал в воображении многострунный орган, превратившийся в дерево, а может быть, и дерево, обращенное в орган, – памятник Сибелиусу, – и выбрал рыбу по нездешним звукам: батрахонидия обыкновенная, как-то так... Или анабас тестудинеус необыкновенный. Если только не сурифаринокс пелеканоидес неслыханный. Никак было не распробовать, на что же это похоже, да и не нужно: я еще студентом загнал в вильнюсском вокзальном сортире наручные часы на кожаном браслете, чтобы опрокинуть стаканчик ремарковского *кальвадоса*, – потом отплеваться не мог, а заесть было уже не на что. Здешняя-то водка, *коскенкорва*, была легка, как дыхание огня...

Женя, жалобно взблескивая на меня своими стеклышками, которые мне уже невыносимо хотелось покрыть поцелуями, выслушивала по мобильнику ворчливые разъяснения своей многоопытной подруги, что же за рыба мне досталась. Китос, китос, умиротворяюще приговаривала Женя, а в заключение игриво сказала: ху́яри. Осторожно глянула на меня и все-таки слегка прыснула:

¹ Командорский – фигура из предыдущих глав романа, олигарх, пытавшийся оскотить героя за флирт с его женой.

– Это совсем не то, что вы думаете. Это значит «обманщица». Она говорит, что я вечно напиваюсь и звоню ей с дурацкими вопросами. Она говорит, что это рыба с ногами, она когда-то вылезла на сушу и сделалась предком человека. Хорошо бы, она на нас посмотрела – ей, наверно, было бы ужасно приятно, что у нее такие потомки – умные, могучие...

– Еще бы, нами да не восхищаться... А вот как заставить полюбить глупых и слабых?..

– Да никак. Я этим либеральным враньем уже наелась по уши. Глупых и слабых всегда будут любить только те, кому некуда деваться.

– Не только. Гениальный политехнолог Иисус из Назарета понял, что люди всегда будут поклоняться только красоте. То есть воплощению своих же собственных грез. И объявил слабость и уродство новой формой красоты: что высоко перед людьми, то мерзость перед богом. Маркс был всего лишь жалким подражателем. Вернее, вульгаризатором. Красоту он опустил до корысти, а высоту до победы. Зато он, правда, первым догадался, что в наше время сказки следует преподносить под маской науки, этим он проложил путь всем будущим шарлатанам.

Я пытался говорить сухим тоном диагноста, но черный в огнях залив под прозрачной стеной, но волшебные имена Хаканиеми и Катаянокка... Но коскенкорва с ее легким огненным дыханием... Я ведь всегда готов для звуков жизни не щадить. Теперь я старался придать голосу пародийно-ораторское звучание, раз уж педантизм мне никак не давался.

– С какой стати я должен хоть чем-то служить человеку только за то, что он немыт, необразован, нищ?.. Но если объявить, что именно ему открыта какая-то высшая истина, что именно за ним будущее, это меняет дело! Тогда я служу не лузеру, а завтрашнему победителю, двигаюсь не вниз, а вверх... Нет, Маркс был все-таки голова! Вот и мы с вами должны сделаться Марксом и Энгельсом олигофренов. Создадим интернационал дураков, выбросим лозунг «Олигофрены всех стран, соединяйтесь!», «Олигофрения – светлое будущее всего человечества!»...

– Лева этого и хочет, – ее тронутые бессильным трауром арбузные глазки блестели так же радостно, как и прячущие их стеклышки. – Как-то он поймал меня по телефону в Эрмитаже и прямо заскрежетал: ах, ах, какие мы культурные – да мой Максик в тысячу раз красивей любой мадонны!.. Вот Лева бы с радостью вступил в ваш интернационал...

– *Наш* интернационал.

– ...В наш интернационал, если только он будет называться как-то по-другому.

– Конечно, мое название только для внутреннего пользования, для посвященных.

– Лева же уверяет, что его Максик поумнее любого Эйнштейна.

– Все правильно, блаженны нищие духом... Вот мы и назовем: интернационал блаженных. Главное, не настаивать ни на чем проверяемом, только сказки под маской науки, только биополя, экстрасенсорика: они общаются с космосом, они умиротворяют преступников, исцеляют больных... От них же снижается инфляция, они первыми открыли Америку и принцип относительности... И Эйнштейн был олигофреном, и Рембрандт... Не говоря уже о том, что олигофрены умеют предсказывать будущее. Все эксперты цэрэу были олигофрены, а Советский Союз опирался на интеллектуалов, вот и проиграл в холодной войне. Две-три таких телепрограммы, и мир у наших ног. На телевидении ведь уже давно сидят наши люди, только этого еще не знают. Продвигают астрологов, колдунов, а главных своих собратьев по разуму не замечают. Мы это дело поправим. Ведь очевидно только невероятное. Ибо все вероятное слишком ужасно. Человек никогда не полюбит другого человека, вечного своего конкурента на всех путях – он может полюбить лишь свою грезу о человеке. Придумаем сказку о слабоумных – любят и слабоумных.

Ее очки поблескивали слишком уж внимательно, и я попытался еще на пару градусов понизить уровень серьезности.

– Искусство должно сделаться частью общепоголетягского... пагдон, общеолигофгенического дела. А из всех искусств для нас важнейшим...

На поясе завибрировал телефон.

Василиса Прекрасная. Я собрал в кулак всю свою доброту.

– Ты где? – в небесном голосе печаль и безнадежный укор.

– Да тут... В Финляндии по одному делу. А как ты? – вопрос опасный, но не спросить такая же черствость, как и спросить: я что, сам не знаю, как у нее все плохо – дочь спасает душу в скиту на Алтае, торговля перебивается с лифчика на трусики, сама она никому не нужна...

– Что «как я» – кому до этого дело... Мышка умерла. Я понимаю, что тебе это смешно, но это была единственная родная душа. Она была такая умненькая, никогда не кусала, только покусывала...

Эта преданная мышка приходила к хозяйке терема только тогда, когда я бросал ее на произвол судьбы, – я ощутил спазм боли – до того стало жалко и бедную мышку, и приручившую ее узницу. Но... В ее мольбах о помощи всегда таится ядовитое жало упрека, а я не умею одновременно и защищать, и защищаться.

Великодушие, великодушие, она женщина, она несчастна!.. Лихорадочно подыскиваю слова утешения и каждый раз мгновенно предвижу ту ядовитую стрелу, которую я получу в ответ. «Ты приручишь новую»? – «Это тебе ничего не стоит менять тех, кого приручил». «Я ужасно тебе сочувствую»? – «Если бы ты мне сочувствовал, ты бы не бросил меня одну». «А от чего она умерла»? – «Не все ли равно, тебя всегда интересуют какие-то ненужные подробности». Говорят, женщинам на все случаи годится универсальное заклинание: «Я люблю тебя», – однако и на это абсолютное противоядие у нее имеется неотразимая отравка: если люди любят друг друга, они хотят быть вместе.

Мое затянувшееся на три-четыре секунды молчание тоже казус Белли: «Ну, ладно, я вижу, это тебе неинтересно. Всего хорошего». Трубка и, в сущности, перчатка брошена, но я не могу оттолкнуть женщину. Особенно несчастную. А счастливым я ни к чему. Большеглазая тень в сером ватнике первой лишила меня мужского достоинства – кусачки Командорского лишь поставили материальную точку. Я уже много лет не имею права на гордость.

Но я не впусую претерпеваю все эти измывательства: ей именно это и требуется – получить руку помощи и оттолкнуть ее. А значит, я никогда не смогу отказать ей в этой услуге, чего бы это ни стоило моему изжаленному самолюбию.

Женя смотрела на меня через столик сквозь ответственные золотые очки с неким профессиональным состраданием:

– Я так и знала, что у вас сложности с женщинами.

Я хотел было повалить ваньку – с чего, мол, вы взяли, что это женщина, да еще со сложностями, но – внезапно мне открылось, до чего я устал.

– Сложность одна. Женщины все хотят утилизировать. На облаках перевозить мебель.

– А... А почему вы это терпите? Они, наверно, очень красивые?

– Не обязательно. Все равно ведь мы любим не человека, а свою сказку о нем. Но о красивых сказку сочинить, конечно, легче. Из уже готового полуфабриката.

– А эта... которая сейчас звонила? Она красивая?

– Да. Почти неправдоподобно. Я иногда даже нарочно пытался найти в ней какой-нибудь изъян и не мог. Даже мочка уха, даже мизинец на левой ноге – хоть в музей. Может, поэтому ей труднее, чем другим. Жизнь всех обманывает, но ей она выдала уж слишком большие авансы.

– Вы думаете, некрасивые менее требовательны?

– Хочется думать... Я мечтаю о какой-то кроткой горбунье со страдальческими глубокими глазами. Чтобы для нее всякое внимание, всякая ласка уже превышали все ее грезы.

С горбуньей я мог бы уже не думать про кусачки Командорского, чуть не раскололся я. Золотые очки психолога проницательно блеснули.

– Она может вас та-ак послать!.. Чтоб уж разом расплатиться за все унижения.

– Возможно... Вы отняли у меня последнюю надежду.

Мы замолчали. Нужно было либо расходиться, либо двигаться еще дальше. Но дальше не пускали... кусачки. И я пошел на попятный из интимной сферы в общекультурную.

– Какой все-таки чудесный город – Хельсинки. *Гельсингфорс...*

– Когда я в первый раз сюда приехала с моим бывшим супругом, нас прямо на вокзале встретил его дружок, он тоже работал в России. Я тогда в первый раз оказалась за границей – все такое необычное, все так чисто, ярко... Люди такие приятные... А он нас сразу повел в секс-шоп: вы же, мол, русские дикари, не видели настоящей цивилизации! Я как увидела все эти гадости, сразу выскочила, и весь город сразу стал как оплеванный. Но я была такая дура, я не знала, что имею право открыто сказать, что гадость это гадость, может, думала, это с моей стороны ханжество, *совковость*... Даже поехала к этому гаду на квартиру смотреть видео. У него было такое хобби – он сходился с какими-то русскими женщинами – с нормальными женщинами, не шлюхами!.. И потихоньку записывал себя с ними *в это время*. А потом показывал друзьям. Но тут уже я не выдержала, я им обоим сказала, что это такая невероятная подлость, низость, гадость... Мой бывший супруг, к чести его, сразу все понял и меня увел. Но город просто на годы оказался как будто в каких-то помоях, я прямо видела, как на нем висят какие-то арбузные корки, прокисшие макароны... Правда, этого дружка потом таможня засекла с его пленками, и ему навсегда закрыли въезд в Россию. Или на какой-то большой срок. Хоть за это спасибо.

Я не поднимал скорбных глаз от костей нашего предка, с облегчением чувствуя, что мне дарована возможность отступить без потери лица: после того как гадость была открыто названа гадостью, любые эротические поползновения смотрелись бы бестактностью.

* * *

– Надеюсь, сегодняшний вечер смое с этого чудного города последние следы макарон? – пряча под галантностью искреннюю надежду, спросил я, минуя скромно поблескивающего отраженным светом двуглавого орла, *Кеисареннанкиви*, но ответить она не успела – с черного открытого моря хлестнул ливень, и ее светлый плащ разом потемнел и обвис. А в следующий миг ее облепил и едва не опрокинул бешеный порыв штормового ветра.

Зазвенели, забренчали, загрохотали все плохо пригнанные металлические части, словно на мчащемся по кочкам и рытвинам грузовике, и в его захлестываемом ливнем кузове, полуприкрытая мною от взбесившегося ветра, она перепугано призывала на помощь такси по мобильному телефону: укси, какси, а раздухарившиеся морские духи черпали все новые и новые ушаты холодной балтийской воды и с размаху, словно в горящий дом, шарахали в нас заряд за зарядом. Когда, съезжившиеся, облепленные, мотающиеся под ударами ветра, мы перебрались через поверженную в ничтожество торговую площадь, обдав наши ноги, словно катер, дополнительной пенной волной, к нам подкатило, чернее ночи, сверкающее такси, по которому молотили и разлетались молниями яростные струи. «Садитесь, я вас подвезу» – жалобно пыталась перекричать бурю Женя, облепленная раскисшими языками волос, тщетно отыскивая в себе хоть какой-нибудь сухой кусочек, чтобы вытереть залитые стеклышки. «Ничего, ничего, мне тут рядом», – я почти силой усаживал ее в изумительно теплую и сухую машину, пото-

му что и сам выглядел не лучше. Катер дал «полный вперед» и тут же исчез в хлещущих струях. А с цепи сорвавшийся шторм гнал по тротуару серебряную водяную вьюгу, загоняя обратно на берег потоки воды, тщетно стремившейся вернуться в море, из которого она была только что извергнута.

Не могу сказать, что контрастный душ сколько-нибудь меня охладил. Развесив мокрую одежду по стульям, я сидел, завернувшись в простыню, у скромного буржуазного камина, в котором безмятежно переливались бутафорским огнем электрические уголья, и тосковал о том, как славно было бы нам сейчас оказаться здесь вдвоем, в простынях, если бы какой-то добрый волшебник снял с нас наконец проклятие утилизации, убийственного долга всякую мечту конвертировать в удовольствие. Как упоительно мы сейчас водили бы друг друга по садам наших сказок, спросив в наш уютный приют горячего чаю с ромом, а если бы захотели, могли бы и полежать обнявшись, обмениваясь самими сладостными ласками — невинными, бесцельными. Но увы, наша культура-убийца не терпит бесполезности: сказавший «л» должен сказать и «е»...

А потерявшие последний стыд балтийские тролли все швыряли на крыши и стекла бадью за бадьей и, сговариваясь на счет три, лопающимися от напряжения щеками выдавали шквальный залп за залпом, пытаясь задуть город, словно именной торт, — черепицы брэнчали, будто ксилофоны под руками идиотов, кровельное железо гремело канонадой, и все резные каменные медведи, съжившись на своих приступочках, тщетно умоляли гранитных троллей призвать наконец к порядку их распоясавшихся сородичей. Только бронзовый Лённрот, не обращая ни малейшего внимания на ливень, высекавший из него электросварочные искры, все заносил в свою тетрадку руны Вяйнемёйнена, который все воспевал несуществующую страну, а Кюллики, девица-цветик, все не могла очнуться от навеянных его кантеле чар. И маршал Маннергейм все въезжал в Гельсингфорс на бронзовом жеребце победителем в гражданской войне, которую у него достало ума тут же переименовать в освободительную, ибо победу закрепляет не оружие, но слово. Изобразить побежденных чуть ли не боевыми друзьями — высший секрет государственной мудрости.

И все-таки тролли понемногу начали устывать, бешеные виляющие струи на черном стекле сменились обильными смирившимися слезами, а слезы — стайками торопливых светящихся головастика; канонада стала удаляться в лапландские тундры испытывать на прочность саамские сейды, хотя и без лопарской мудрости мне было ясно, что счастье наше всегда висит на волоске, — но вопреки очевидности какая-то зародившаяся сказка в моей душе продолжала нашептывать, что мы все равно сильнее и долговечнее всех беснований бессмысленной мертвой материи.

Ибо где-то под такой же крышей, в такое же черное заплаканное окно сквозь трогательные стеклышки в тонкой золотой оправе смотрела на бегущих светящихся головастика украшенная серебряными нитями Чио-Чио-сан из города Ежовска.

Ирина Глебова

Irina Glebova

Поэзия

Стихотворения из цикла
«Воспоминания о Скандинавии»

* * *

Саксофон, играющий джаз
Возле церкви Святой Марии.
И дома повторяют на раз
Музыкальную эйфорию.

Деревянных скамеек ряд
Расправляет пустые плечи.
Перекупщик мой ловит взгляд,
Не узнав чужестранной речи.

Лейтмотив продолжая петь,
Попаду, от дождя продрогнув
В узкогорлых проулков сеть
К заглянувшим друг в друга окнам.

Белобрысый спешит варяг
Мне навстречу, в ладонь зевая,
И глотает мой тихий шаг
Бесконечная мостовая.

Закат

Прошлый, будущий миг размежив
В безвремяе позволь остаться.
Солнце медленно ляжет в пролив,
Будет в стылой воде купаться.

Позолотой рассыплет вокруг
На оградах и шпилях играя,
Будет чайка стонать на ветру,
Дух мой чуждый в себя вбирая.

В горле острой слезой запершит,
И лучей истончатся спицы –
Можно долго бродить среди чужих.
Было б, милый, куда возвратиться...

Ирина Глебова родилась в Саранске. Окончила факультет иностранных языков МГУ им. Н. П. Огарёва. Второе образование – музыкальное. Автор двух поэтических сборников – «Каммертон» (2003) и «Другие» (2008).

Член объединения русскоязычных литераторов Финляндии, лауреат международного конкурса литературных эссе и художественно-публицистических статей, посвященных 65-летию победы в Великой Отечественной войне (Австрия, 2010), бронзовый призер Международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира-2011». С 2010 года сотрудничает с Санкт-Петербургской певицей Ларисой Лустой, как автор музыки и текстов.

Норвежское утро

Седое солнце прячется в тени.
На Лисе-фьорд², в лучах его багряный,
На лес махровый в отблесках зарниц
Лениво опускаются туманы,
Причесанные частым гребешком
Какого-то бродяги-исполина.
И звезды пешествуют тайком
Лесной дорогой, сумрачной и длинной.

Вдруг загремит вдали рассветный гром,
Перепугает хулиганов-троллей,
Бормочущим расстелется дождем,
Пройдя вокруг земной моей юдоли.

И ветреный покой, и быт иной –
Как будто здесь прошествовал мессия.
Я наслаждаюсь сказочной страной
И вспоминаю о моей...

² Лисе-фьорд (Lisefjord) - находится в регионе Рюфьольке, недалеко от городов Хаугесенд и Ставангер. Это один из самых диких норвежских фьордов, окруженный отвесными скалами высотой до километра.

Галия Мавлютова

Galia Mavljutova

Лунное одиночество

Проза

Подполковник милиции в отставке, член Союза Российских писателей, член Литфонда России. Автор тридцати книг, изданных в 2000 – 2011 годы.

С подругами всегда сложно. Дружишь, любишь, открываешь душу и никогда не знаешь, когда тебе нанесут удар из-за угла. Кинжалом или каким-нибудь другим смертоносным острым предметом. Симпатия и антипатия – вещи, понятное дело, несовместимые. Антипатия спасает нас от нелицеприятных знакомств, предупреждая о скрытой опасности. Нечаянно ухватишь левой ноздрей неприятный запах от собеседника и все, аппетит к новому знакомству начисто пропадает. Как ножом отрезало. Или в словах очаровательного визави почудился вдруг тайный подвох – идентично, интерес к нему навсегда угаснет. Но однажды антипатия меня подвела, не предупредила, что за ближайшим поворотом скрывается опасный уклон. На какой-то презентации, устроенной в честь профессионального праздника известным питерским медиамагнатом, я познакомилась с приятной девушкой. Приятной, сказать мало – великолепной девушкой. Бывшая фотомоделль. Длинноногая, хрупкая и стройная, и все это славно уместилось в милой мордашке, улыбчивой и прелестной. Мы нежно прильнули друг к дружке и уже не отлипали до окончания мероприятия. По завершении презентации я, без особых размышлений, уехала с фотомоделлью к ней на дачу. Мы ехали в роскошном «Понтиаке» и всю дорогу болтали. Дома выпили вина, разговорились, и она мне рассказала – по секрету, как часто водится между девочками, что ее недавно бросил муж-подлец. Почему-то на жизненном пути мне слишком часто встречаются девушки, которых подло оставили мужья, но всех почему-то оставляют со средствами к существованию и немалыми. Сначала я подумала, что девушка шутит. Выпила вина, ну и перебрала малость, всякое бывает. Красивая женщина может позволить себе некоторые вольности в поведении. Оказалось, не перебрала, совсем наоборот. Ну, а дальше пошло-поехало. Нет, девушка не оказалась на мою беду лесбиянкой и алкоголичкой. Представьте, она даже не пила свежую кровь по ночам, предварительно отравив, или перекусив жилку на шее у своей наивной жертвы. Но она испытывала на прочность мое ангельское терпение в течение полугода после нашего знакомства. По этой причине мне пришлось некоторое время скрываться у мамы в Сосновой Поляне. Обычная послепрезентационная вечеринка за городом обернулась квартальным кошмаром. Бывшая фотомоделль привязалась ко мне. Цену за сердечную привязанность потребовала необъемную. Она преследовала меня, изводила звонками, требовала встреч, свиданий и уйму драгоценного времени. На нее нужно было тратить бесценные минуты и секунды, а их-то у меня как раз и не было в запасе. В этот период на фирме отработывали сложный и дорогой заказ, я носилась по городу, как взмыленная лошадь, вся в цветах и пене, а в это время фотомоделль плакала в мой мобильный телефон, смачивая своими горючими слезами мое великое сожаление об утраченных центах и долларах. Через неделю я уже понимала, причем, без комментариев дорогостоящих специалистов – почему ее бросил муж. Я бы тоже ее бросила, если бы фотомоделль нечаянно оказалась моей женой. В обычной жизни Лариса, так звали мою фотомоделль, не разговаривала – она кричала, переходя на

сплошной и непрерывный визг. Истерические нотки в ее тоне явственно говорили об отклонениях от нормы. В первый раз я не заметила никаких отклонений. Я видела симпатичную мордашку, чувствовала отзывчивое сердце, грелась в лучах уморительной улыбки. Чужая красота сшибла меня с ног, лишила на время разума, а моя антипатия в это время, видимо, спала глубоким сном. А когда она проснулась – уже было поздно. Фотомодель вошла в роль. Она принялась мной командовать, учить меня, как правильно накрасить ресницы, какое надеть платье, какую купить сумочку. Я едва успевала выслушать один совет, как за ним уже следовал второй, третий, и если не выполнялся первый – тут же начиналась жуткая истерика. Первой заподозрила неладное моя мама. Она прислушалась к слезам и советам, глухо барабанившим, как запоздалый осенний дождь по другую сторону мобильного, и наострила уши. И сразу встала в стойку. Мама всегда чувствует опасность. Даже если сидит у себя в Сосновой Поляне и читает детективы в пестрых супербложках.

– Кто это? – прошипела мама, прикивая ухом к мобильному.

Моему мобильному, между прочим. Из него доносился истошный вопль. Я отставила руку с телефоном как можно дальше от всеслышащего мамино уша и яростно помотала головой.

– Отстань, мам, – прошипела я, слушая отголоски истеричного голоса.

Пронзительный визг низким туманом стелился над северным городом. Мне стало страшно. Но совесть и воспитание не позволили мне бросить трубку или отругать привязчивую девушку, оставшуюся на белом свете круглой сиротой. Муж оставил ей огромное состояние в обмен на собственную неприкосновенность. Откупился от бывшей супруги и забыл прошлую жизнь, как страшный сон. Родных у фотомодели почему-то не было, вместо близких родственников в пустом загородном доме гуляли три собаки. Весь день она сидела в обнимку с догами и бультерьерами или посещала дорогие косметологические салоны. Других забот у моей новой подруги не было и не предвиделось. И тогда она решила взяться за мое воспитание. Почему я не смогла сразу распознать ее и прогнать прочь со своей жизненной дороги? До сих пор не могу понять. Зато моя мама отреагировала мгновенно. Она вступила в тайный сговор с другой моей подругой – Юлей Наумовой. Благовоспитанную маму не остановили приличия и правила. Родная кровь оказалась выше условностей. Побратавшись с Наумовой на доверительной почве, мама принялась ограждать меня от назойливого внимания внезапно возникшей подруги. И впрямь, новая подруга образовалась, как онкологическая опухоль, она встала на моем пути, как непреодолимое препятствие. Форс-мажорная подруга вообще не понимала человеческих слов. С ней можно было разговаривать на английском, русском, чукотском – результат все равно оказался бы равным нулю. Фотомодель воспринимала жизнь нервными окончаниями. Но ощущения не всегда радуют женщину правильными решениями. А нервные чувства легко заведут в тупик. Призвав на помощь собственную совесть, я решилась на героический поступок. Отклонив братскую помощь сыщицкого синдиката «Наумова энд мама», я наконец-то собралась с духом и сказала фотомодели, слегка искажая голос, от волнения, разумеется: «Лариса, займись делом! Только не скули. Пожалуйста».

– Каким? – сухо квакнула Лариса.

Истерические нотки в голосе мгновенно исчезли. Фантастическая реакция. Экологическая катастрофа больше не угрожала нашему городу. – Каким делом?

– Свяжи кофточку. Почитай что-нибудь. Найди себе работу.

Смешно сказать – найди себе работу. А кто возьмет к себе в офис эту дивную красавицу – бывшую модель шоу-бизнеса? И что она будет делать на той работе – развлекать клиентов-скупердяев, переключая их внимание на насущные нужды компании, носиться по городу в поисках клиентов, как я? Лариса после моего вопроса вяло отключилась. Обиделась, наверное. И, слава богу. Целых две недели я славилась

неведомого бога за то, что он спас меня, наконец, от навязчивой бездельницы. В разгар молитвенного экстаза резко зазвонил телефон. Это была Лариса. Теперь она разговаривала лягушачьим голосом, наверное, от избытка чувств. Разумеется, я понимала, Лариса осталась без дела. И без жизни. Она превратилась в покойницу. Меня передернуло, скажите, кто-нибудь хочет дружить с выходцами с того света? Что-то я ни разу не слышала о женщинах-некрофилах. Этим редким заболеванием страдают особи лишь мужского пола. Подруга номер два – Юля Наумова все-таки придумала выход, как спасти мое духовное начало в целостной оболочке. И моя нескладная подруга избавила меня от преследований богатой бездельницы. Юля тайком от меня поехала к этой капризной и взбалмошной даме и высказала ей всю жестокую правду прямо в красивое и прелестное лицо. Наумова уперла руки в бока, немного наклонилась, чтобы удержаться на ногах даже при залповых ударах боевого комплекса ПВО «Тунгуска». Юля сказала просто и ясно, дескать, ты, Лариса, бездарно прожигаешь свою жизнь, тратишь ее безрассудно, бессмысленно. Эпилогом страстной речи послужил логический довод, сравнимый по степени убедительности и краткости разве что лишь с марксистскими тезисами: «Если не оставишь Анжелику в покое – будешь иметь дело со мной!».

Лариса озадаченно уставилась на нелепую Наумову и призадумалась. Она понимала, что ей больше не удастся затянуть меня в тоскливую тину заброшенного болота. Таких дураков на свете больше нет. Была одна дура – Анжелика Казанцева, но у нее есть подруга-активистка. После штурмового удара Наумовой, Лариса отстала от меня, не выдержав натиска. Звонки и преследования прекратились. И все равно я до сих пор нервно вздрагиваю, если на приемах ко мне подходит очаровательная особа с милой и приветливой улыбкой и протягивает мне бокал рубинового вина. Теперь я знаю, что прячется внутри неземной красоты. Там могильный мрак и липкая паутина.

Ларисиною мужа мне привелось встретить в фитнес-клубе. Несколько лет назад я случайно затесалась в ряды поклонников модного спорта. Сначала ходила, отдавая дань модным веяниям, дескать, и я тоже некоторым образом причастна к здоровому образу жизни. Потом мой интерес к спорту немного угас. И лишь после того, как моя карьерная кривая резко вознеслась вверх, волей-неволей пришлось вменить себе в обязанность ежедневное посещение тренировочного зала. Изредка я испытываю свою волю на пробу. Выдержит – не выдержит. В клубе в тихом укромном уголке примостилось вкусное кафе с дивными ароматами. Перед тренировкой я всегда присаживаюсь возле кафе, чтобы проверить собственную выдержку. Чаще побеждают ароматы. Иногда – выдержка. Короче, кто кого переборет. Как на ринге. В один из вечеров, когда я мучилась от вожделенного амбре, за соседний столик присел вполне симпатичный парень. Длинные волосы, светлые, прямые, а я не выношу длинноволосых мужчин. Но парню прическа подходила по стилю. И весь он был какой-то слишком стильный. Мое сердце подсказало мне, что это и есть бывший муж моей навязчивой подруги, хотя я больше я не доверяла собственной интуиции. Слишком часто она меня подводит. Но в этот раз я знала – я не ошиблась. В парне было что-то страдальческое, глубоко запрятанное, тщательно скрываемое от всех, но выпирающее острыми концами наружу, и эти концы делали выражение его лица слишком приметным. Мой взгляд сразу уцепился за эту приметность. У нас очень маленький городок. Здесь можно встретить кого угодно в самом неподходящем месте. Я поежилась от неудобства. Вдруг стало зябко. Вкусные запахи вмиг улетучились. Моя выдержка победила. Можно было идти на занятие, минуя раблезианские соблазны. Кроме гопака в начале века в моду вошел танец живота. Женщины бросают все на свете – семьи, детей, мужей, любовников – лишь бы посетить хоть один сеанс знаменитого танца. Я тоже решила уподобиться массам. Надо же испытать на себе воздействие восточной методики.

- Вы – Анжелика? – спросил парень.
- А-а, вы – Никита? – вопросом на вопрос ответила я.
- Никита, – грустно признался парень, и сразу превратился в пуделя.

Сидит этакий заброшенный пудель с грустными карими глазами. Сидит и выслеживает Анжелику – маркизу ангелов.

- Вы – муж? – зачем-то добавила я еще один риторический вопрос.

– Муж, – согласился Никита, отбрасывая прядь волос со лба.

– Вы бы навестили Ларису, она совсем плоха, – сказала я, вспоминая мобильные рыдания брошенной красавицы.

– Зачем? – он брезгливо приподнял верхнюю губу и осторожно опустил ее на место.

– Вы же любите ее. Ведь любите? – я подалась в его сторону, стараясь рассмотреть выражение его глаз.

Никита вновь сбросил волосы на лоб, закрыв от меня лицо и глаза.

– И что из этого следует? Что? Скажите мне, пожалуйста, – спросил, а может, констатировал Никита.

Ларисин муж, как и я, тоже знал все ответы на поставленные им вопросы. Отличная получилась у нас беседа. Мы что-то спрашивали. У себя. И сами себе отвечали. Как в детстве: «На золотом крыльце сидели – царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой – выходи поскорее. И не задерживай добрых людей!»

– Она пропадает без вас. Ей плохо. Вы ведь специально меня подкарауливали в клубе, чтобы узнать, как она себя чувствует? Так?

Почему-то я не могла придумать ничего умнее. Со мной такое бывает иногда. Я могла лишь заглядывать ему в глаза и задавать ему те вопросы, на которые заранее знала ответ.

– Так, – нехотя согласился он, скрывая лицо за маской из волос и непроницаемости.

– Вы не можете без нее? И не можете с ней?

Я спрашивала, а он молчал. Никита смотрел на пепельницу, как будто в ней сконцентрировалась вся его жизнь, наполненная тлеющими окурками. В фойе клуба уже поставили новогоднюю елку, крохотные лампочки разноцветно подмигивали мне, будто подсказывали выход из создавшегося положения. Но выхода не было. Где-то далеко от нас выл от одиночества заблудившийся человек. И мы ничем не могли ему помочь. Муж, преданно любящий жену и подруга, разуверившаяся в чужой красоте – мы не могли указать этому человеку правильную и безошибочную дорогу. И вдруг я поняла, почему Никита искал меня, ждал, когда я появлюсь в клубе. Никита изнывает от ощущения собственного бессилия. От чувства беспомощности. Потому, что он не знает, как помочь Ларисе. И он был уверен, что я знаю, как это сделать. Но он увидел, что и я не знаю. Не могу. Я тоже слабый и беспомощный человек. Как все обычные люди. Лишь Всевышний может протянуть руку помощи заблудившемуся человеку, чтобы помочь ему выбраться из трясины, если, конечно, захочет помочь одинокому страннику.

– Никита, не мучайте себя. Лариса сама должна найти выход. Ее никто не сможет вытащить из болота. Тащить человека из трясины против его воли – занятие неблагодарное. И никчемное. Будем надеяться на помощь свыше. Оставим пока все это. Пусть жизнь сама расставит все точки и запятые. День за днем. День за днем. День за днем. Постепенно рана затянется. Или болезнь обострится. Мы с вами скоро об этом узнаем. Мы – не боги, Никита. Мы – обычные люди. Мы ошибаемся, совершаем опрометчивые поступки, исправляем их, если хватает на то ума и опыта, стараемся жить благостно и целеустремленно, а что у нас получается из этого – покажет время. А люди подскажут, в каком месте мы наследили. Ларисе нужно время. Она должна понять – если хочешь жить в обществе – люби не только свое совершенное тело и

красоту, но и других людей. Нужно совсем немножко. Ведь она вас, Никита, не любит. И меня не любит. Она любит в нас собственное отражение. Лариса смотрит в нас, как в зеркало. И хочет видеть себя в наших глазах прелестной и забавной. Но жизнь не любит показухи.

Никита подавил внутри себя какой-то глухой звук. Это не был плач. И это не стон. Из нутра Никиты вырывалось наружу выражение глубокой муки. Он поднялся и вышел из клуба – в тренировочной майке, в кроссовках, с развевающимися светлыми волосами. Больше я его не видела. И Ларису не видела. И даже ничего о них не слышала. Наверное, жизнь еще не расставила все точки и запятые на свои законные места.

Наталья Мери
Natalia Meri

Живет в Хельсинки с 1992 года. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии с 2000 года. Автор поэтического сборника «Я – везде, я – нигде». Публикации: альманах «Иные берега» (Хельсинки); «...На каменистых финских берегах» (Тампере); подписное издание «Личность и культура» (Санкт-Петербург); статьи об истории и значении православных икон, опубликованные в газетах «Kamppi», «Kirkko ja kaurunki» на финском языке.

Поэзия

Касабланка

Сквозь прорезь узенькую глядя,
покорно принимаешь чашу,
где не хватает только капли,
одной лишь капли через край...

В узорчатых стенах мечети
мечтаешь о цветущем рае,
и чтение мерное Корана
уносит время в никуда...

Но теплая рука ребенка,
руки касаясь материнской,
тебя на землю возвращает,
смягчая темно-карий взгляд.

И радость, солнечную пылью,
сливаясь с пением имама,
прозрачным облачком струится
в тысячелетних куполах.

* * *

Как зерно прорастает зеленым ростком
на весеннем, распаханном поле –
так любовь просыпается в сердце моем,
против воли моей, против воли...

Против ветра иду, невзирая на дождь
металлических взглядов колючих...
Средь туманов горящее солнце найду,
разгоню неподъемные тучи!

Позабуду о времени, месте, о том,
с кем делила свою безутешность...
И, оставив движения круг на потом,
погржусь с головой в безмятежность...

* * *

Любимый мой, мы станем солью
лениво дышащих морей,
мы станем криком, станем болью
на юг летящих журавлей...

Летящих над осенней Русью,
где золотые купола,
наполненной пьянящей грустью,
что по особому тепла.

Мы станем пламенным закатом,
ласкающим отвесы скал,
под грохот позднего раската
откроешь то, что не сказал...

И день вчерашний станет былью,
и слов вчерашних не найти...
Мы унесем млечной пылью
по крупно-звездному пути.

Автор – житель города Саратова, студент, участник поэтического клуба «Дебют», сотрудник научно-исследовательской лаборатории ЛИСКА. Пишет стихи, рассказы, переводил с немецкого Ульрике Дрэнер. В данный момент занимается анализом и интерпретацией текстов немецких романтиков, переводами актуальной немецкой поэзии и созданием новых текстов. Принимал участие в нескольких музыкальных металл-проектах.

Роберт Ямб

Robert Jamb

Шляпа чиновника

Проза

Мне удалось, наконец, припомнить, что в тот зимний вечер на улицах обычного, и даже более того, наиобыкновеннейшего провинциального городка N бушевала гроза, срывавшая последние жухлые листья с корявых силуэтов деревьев. Из подворотни колом выкатился шустрый молодой человек, пожевывавший остренькими зубками трубку черного, как казалось в темноте неосвещаемых луной улиц, дерева. Неудачно вышедший из чрева матери – приземистый и широкий, как коромысло, он ловко перебирал своими непропорционально крохотными ножками, торопясь на вокзал. Должно упомянуть, что на нем была пребольшая шляпа, с бантом и широкими полями, которыми он задевал локти прохожих. Человечек этот безумно гордился своим, несомненно, выдающимся костюмом, шарм которого мускусным запахом распространялся вокруг его персоны на довольно

большой радиус. Нынче я уж и не расскажу в деталях о предметах его гардероба, но, что особенно врезалось мне в память – так это то, что на руках этого удивительного молодого человека всегда были гладкие черные перчатки. Черное пальто, которое он носил даже летом, скрывало его полноту в своих складках, более подходящих для римской туники.

Рассекая улицы с неимоверно занятым видом и несколько даже надменной физиономией, человечек вдруг задержался на перекрестке, пропуская мимо себя уже немало подгулявшую публику, делая вид, что не слышит разговоров о своем странном облике и невысоком росте. Застыв на месте, он смотрел на свои часы взглядом более серьезным, чем иной уделяет своим учителям. Ветер развеивал его волосы довольно долго, прежде чем юноша заметил отсутствие замечательной шляпы на своей приплюснутой голове. Люди вокруг лились неспешным потоком, топая и хлюпая башмаками, промокшими на затопленной дождем мостовой, создавая звуковой фон города – деловитый мужской бас в пропорции, достойной первоклассного кофевара, смешивался с чириканьем ночного дамского хора. Заметить на улице пропажу было сложно, и молодой человек, прикрыв неожиданно откуда-то взявшимся портфелем прическу, защищаясь от ливня, побежал, а, вернее, комичнейшим образом припустил вслед за своим головным убором, успевшим уже три раза удариться об асфальт и пролететь метров тридцать под уговорами неласкового ветра. Расталкивая прохожих своей широкой, во всех отношениях, личностью, человечек пробежал три переулка, прежде чем схватил, наконец, шляпу, преодолевшую нелегкий путь, но оставшуюся во вполне товарном виде.

Тут бы я и сделал эффектную паузу: остановился на самом интересном месте, чтобы передохнуть, или сделать вид, что вспоминаю чрезвычайно важные для истории

подробности, однако оставлю эти условности профессиональным рассказчикам, которые знают, где и как вовремя нужно кончать за упокой. Так вот, в душе человек хотел поскорее расквитаться со своей скучной, мерзкой, никому, в сущности, не нужной работой, чтобы поскорее вырваться из плена забот и привилегий чиновника и немножко побыть наедине с самим собой в скромном домике на окраине элитного помещичьего участка. Разговор на вокзале сулил многое его карьере, но без шляпы он не мог проводить встречи, так как это было частью делового облачения, которое прибавляет в глазах людей солидности и росту. Радостно сжимая в своих

куцых ручонках утерянное, человек вынул изо рта трубку, казавшуюся теперь уже коричнево-зеленой, и, по-видимому, не такой уж и дорогой, и сунул ее в карман пиджака. Выглянув краешком из под сукна его плохо сшитого костюма, трубка не удержалась и упала на тротуар, когда молодой человек решил наклониться, чтобы отряхнуть свои нещадно загвазданные грязью брюки. Одиноким безделушкой, как когда-то в магазине, трубка осталась лежать на мостовой, и, не обративши внимания на новую потерю, герой наш умчался к вокзалу, несомый нескончаемым энтузиазмом, а больше, конечно, сильнейшим напором ветра, так и норовившего сорвать его шляпу снова. Трубка же начала выпускать из себя зеленоватый дым, что было, естественно, странновато, ведь ее владелец никогда толком не курил, а только грыз для важности мундштук и изредка постукивал от скуки по чубуку. Дым скоро заполнил собой все близлежащие улицы, и прохожие начали щуриться от мерзкого запаха, что прошибал их чувствительный нюх до самого основания, заставляя даже глаза слезиться от неудовольствия.

Округлый человек же тем временем, переваливаясь с ноги на ногу и покачивая руками, как пингвин лапками, пробрался на привокзальную площадь. Люди вокруг надвинули свои шляпы на глаза а воротники подняли до самого носа, чтобы не чувствовать приносимого ветром смрада. Посмотрев на часы, юноша задумался на пару минут, которых вполне хватило для того, чтобы вновь сорвать с его головы котелок. Но наловчившийся чиновник успел двумя пальцами левой руки зацепиться за краешек огромного банта и потянул шляпу к себе, что вскоре вызвало его удивление, потому что она и не собиралась приближаться к нему, скорее даже наоборот, это он стремился к ней. Впрочем, описать этот процесс мне довольно сложно, единственное, что я могу точно сказать – что два эти тела двигались относительно друг друга с переменным успехом для нашего героя. Так или иначе, ветер, вздымавший шляпу к небесам, решил таки не сдаваться без боя и все выше поднимал над землей человечка, висящего на своей шляпе, словно пилота дирижабля. Несомый воздушными потоками, молодой человек был нещадно протаскан по всему вокзалу; он задевал прохожих своими ножками в лаковых ботинках с заостренными носами, и те пищали в ответ, словно кто-то надавливал на игрушку-плаксу. «Держи карлика!», – крикнул кто-то из толпы, и двое или трое крепких мужчин схватились за человечка, который отчаянно сучил ногами, не проронив при этом ни одного слова о помощи. Хоть мужчины и старались, даже старались отчаянно, но им все же не удалось победить очередной могучий порыв зеленого ветра, который принес стихии победу и вырвал из их крепких рук маленького круглого чиновника. Шляпа уносила своего владельца все дальше в расписанное грозowymi отблесками небо, а тем временем люди, удивленно разинувшие рты и

наблюдавшие за происходящим, начали потихоньку расходиться, погружаясь в свои мысли. Человек уже исчез в паутине туч, и разглядеть его едва ли мог самый зоркий моряк, так как его личность уже растворилась продолговатой кляксой где-то за шпилями самых высоких построек.

С тех пор никто и не видел этого чиновника. Но ходят слухи, будто дача его не осталась заброшенной, и по ночам в ветхом трехэтажном поместье загорается свет. Я этим нелепостям верить не намерен, но очень уж хотел закончить свое повествование на ноте более веселой, чем траурной. Так что – многая лета наикруглейшей чиновничьей персоне!

Из воспоминаний о митингах

Ворота уже начали поддаваться ударам безжалостного, раскачивающегося на цепях маятника, звон стекла и лязганье металла несколько поутихли, поскольку бить стекла было уже невозможно: чернооким чудовищем фасад крепости уставился на площадь, лежащую перед ним. Люди на башнях отчаянно пытались перевернуть последний котел с кипящей смолой, но редким защитникам замка едва ли удалось бы сдержать им поток наступленцев, уже взбирающихся по приставным лестницам наверх. Стрелки, находившиеся на стене крепости, попрятались в укрепления, и, если даже в бойницах и виднелся кто-то, на первый взгляд живой, на самом деле то лишь безжизненное тело воина висело на оконной раме. Нападавшие преодолели последнюю преграду, словно между, сдерживавшую их бесчеловечность, и протаранили, наконец, так долго не сдававшиеся двери. Осколки стекла, щепки, поломанные надвое доски полетели во все стороны; некоторые из них врезались в человеческую плоть, будто раскаленным ножом рая хрупкие человеческие тела. Одна из женщин повалилась на холодный каменный пол, никто даже не обратил внимания на нее, остервеневшая толпа могла бы ее запросто задавить, что, впрочем, наверняка и последовало бы, если бы не возглас выбежавшего вдруг из недр здания человека: «Он увильнул! Нет его! Боковой вход открыт!»

Карлик ушел. Защитники здания молча поправили свои галстуки, многие сняли жилетки и утерли со лба пот. Одни из толпы протестующих угрюмо тарасились по сторонам, другие собирали остатки плакатов с пола, зачинщики же митинга и прочие недовольные совещались друг с другом. Человек в лазурном кепи попросил прощения у женщины и поднял ее за руку; та, немного, конечно, поворчав, согласилась пойти с ним отобедать на выходных. Сорванную с петель дверь быстро оттащили в сторону охранники. Толпа, если бы ее можно было представить единым организмом, верно, покинула бы здание суда, впопыхах побросав все лишнее, пока еще не пожаловали милиционеры. Но людьми, жившими каждый своим умом, завладела хаотичная паника, так что они выбирали зачастую самые неподходящие для отступления пути. Кого-то успели схватить подоспевшие к месту происшествия люди в фуражках, кто-то сдался сам, ну а самые удачливые оставили все грехи при себе и дали стрелача. Как это обычно и случается, скандал замяли довольно быстро, журналистам связали руки, протестующим пригрозили, а дверь починили и вставили в нее новые стеклышки. Однако, в моей, с каждым днем все более слабеющей памяти, до сих пор сохранился привкус сандалового дерева – вкус моей трубки – и звон стекла: я слышу его до сих пор, выезжая за город и смотря на флаги, что реют над замком, который вот уже сорок лет стоит под нашим городком. Хотите узнать, что за происшествие, насколько трагическое, настолько и до абсурда буффонадное, так и осталось незамеченным? Хотите ли знать, каким образом появился тот небольшой замок рядом с городом N? Раз так, то позвольте мне немного поведать вам об этом.

Если касаться плана судьбы лишь в общих чертах, то план этот был бесповоротно провален: попущения по громкому делу вызвали резкий общественный диссонанс, или

резонанс, что, в общем-то, в равной степени не нравилось молодому чиновнику. Он встряхнул своими уже две недели невымытыми черными волосами, обильно орошая напоминавшими кокосовую крошку частичками перхоти свои бумаги, и позвал секретаршу. Пока она шла, маленький (а он действительно был невыдающихся размеров, этот юноша) судья решил постричь себе ногти. Этот процесс ему весьма нравился, хотя его желтые, с наростами ногти с трудом поддавались стрижке, что свидетельствовало о переизбытке кальция в организме, да и бог весть знает, о чем еще. Один из признаков дурного характера молодого человека красовался уже на табличке, висевшей на двери: «Мировой судья», говорившей о многом, так что остальные его качества, помимо судейских, недостойны и упоминания. Сложив кусочки ногтей в баночку и закупорив ее, карлик, бывший, кстати, солидным еще и в ширину, неуклюже повернулся в кресле и стал перебирать пальцами бумаги, в поисках газеты со столь милыми его сердцу заметками о методах выращивания огурцов. Жаль, очень жаль, что именно самой интересной страницей этой газеты он порезал себе палец, да так, что тот начал кровить. Именно в тот момент нашего судью посетила секретарша. Лицо ее исказилось – нет, не при виде ранения симпатичного и так много значащего в юридическом мире толстячка, но от известий, что она принесла ему с утра пораньше: люди-то митингуют!

И правда, чего это они? Чиновник выглянул в окошко и чуткий слух подсказал ему, что минут так-эдак через десять толпа нагрянет прямо к нему в кабинет и схватит его за грудки (в лучшем случае), требуя объяснений, обвиняя его в том, что он плохо судит и погряз в кор-руп-ци-и! Такой поворот событий вовсе не устраивал юного судью: велел запереть все двери и вообще распорядясь зданием суда, как собственным фортом, а служащими – как гарнизоном, толстячок быстро превратил сей образный оплот справедливости в оплот вполне буквальный. Многие окна были вмиг забиты; непонятно откуда взявшиеся доски прикрепили также к дверям – на случай, если митинг захотят продолжить внутри. Так как у судьи не было личной охраны, он созвал всех чиновников, вооружив кого швабрами, а кого тяжелыми чернильницами. Тут, однако, народ снаружи уже понял, что выкрикивать лозунги бессмысленно, и пошел в наступление. Пол заходил ходуном, окна начали разбиваться под градом летящих в них бутылок и булыжников – поднялась такая суматоха, что у невышедшего ростом чиновника потемнело в глазах. Мечущиеся служащие, орудие протестующие – их голоса смешались у него в голове, напоминая ему, по меньшей мере, звуки средневекового сражения. Судья шмякнулся на пол, у него пошла носом кровь. К обмякшему тельцу подбежало двое крепких мужчин, лет по сорок пять, схватили его под руки и потащили вверх. Положив судейское тело на стол в его собственном кабинете, они принялись совещаться. Дело заключалось в том, что митинг вспыхнул лишь из-за судьи – стало быть, целью всей ревушей массы был он и только лишь он.

– Не бросать же его так, здесь! – воскликнул первый.

– А как мы выйдем? Вдруг они полезут к нам через черный ход? – усомнился второй.

– Всеконечно полезут, но, думается, я знаю, как нам этого карлика пронести.

– Как же?..

– Очень просто. Ты берешь его на руки и проносишь его – отнюдь не в руках! – а под своим пиджаком. А прикрепим мы его бинтами из аптечки.

– Рехнулся ты, да как я его пронесу? Да его же заметят! Да меня же растопчут!

– Отнюдь! Сделаем тебе вид подходяющий: этакий толстяк, раздувшийся от пива, кто ж заметит?

– Ну нет! Все равно не буду я тащить его на себе, словно баба беременная!

– Архиважно! Кто же еще сможет его пронести? Пока что примеряй его на себя, а я сбегаю за бинтами!

Так и была проведена несложная операция: судью прикрепили к животу крепко сложенного мужчины, который так и норовил отказаться от этого рискованного предприятия, периодически покрикивая и недовольно сморкаясь в рукав. Второй же мужчина вторил его мольбам ослабить бинты уверениями «Всеконечно!» или какими-либо предупредительными возгласами навроде «Стой! Архиважно стоять всенепременно ровно!» И уже через каких-нибудь пять минут первый перестал так беспокоиться, уверившись в своей важной роли, которая была, можно сказать, исторической – ведь был же баран, пронесший под собой Одиссея и тем самым спасший его, увековечен в истории следующими строками Гомера:

*Был в этом стаде баран, меж всех остальных наилучший.
За спину взявшись его, соскользнул я барану под брюхо.*

С непоколебимой верой в свою уникальную миссию, которую ему так ловко внушил перевязывавший его коллега, носильщик выглянул на улицу и осторожно зашагал в сторону ближайших дворов. Вокруг него бегали люди, некоторые из них, увидав, что кто-то открыл дверь запасного выхода, чуть было не сбили отважного беглеца с ног, понесшись внутрь здания суда. Почти в тот же момент лавина митингующих снесла дверь центрального входа с петель, но наш, теперь походивший на располневшего до неприличия Фальстафа, герой, еще резвее засверкал пятками, придерживая свое огромное пузо, радуясь, что обманул протестующих, словно Одиссеей Полифема, и остался при том в добром здравии.

Будучи неважным рассказчиком, я остановлю на этом действие, или, что правильнее, не стану переходить к следующему явлению. Карлик, ясное дело, разозлился неимоверно, узнав о действиях своих храбрых помощников, но впредь решил огородить себя от такой опасности, как осада своего жилища (а суд ему был почти как отчий дом) и воздвиг, потихоньку, с божьей помощью, рядом со своим поместьем замок. До сих пор возвышается он на окраине города N – пусть небольшой, но весьма добротный построенный и устрашающий видом своей дозорной башни. Если перебраться через стену толщиной в три кирпича и высотой с сорокалетнюю сосну, то можно увидеть, что рядом с огромным каменным сооружением стоит скромный трехэтажный домик, к которому ведет мощеная тропинка, обрамленная симметрично посаженными кипарисами.

Иван Волосюк

Ivan Volosjuk

Поэзия

* * *

Тяжело мне. На пахнувшей гнилью
Черной тропке в саду – тяжело.
Разве сила моя – не бессилье?
Я, увидевший птиц эскадрильи,
Сам еще становлюсь на крыло.

Высота в облаченье пасхальном,
Вечер тих, и закат – не закат.
Почему так легко и печально?
Словно сны по дороге хрустальной,
Ручейки и бегут, и звенят.

И теперь возвращаются краски
К изначальной палитре простой.
Мир тепло сохраняет с опаской,
Так подсолнух без всякой подкаски
Сам за солнцем следит головой.

* * *

Эту сажу мук не стереть с лица,
Эту боль во мне не стерпеть никак,
И растет сама строчек лестница,
И дается мне – просто так.

Я потом умру, а пока – скажу,
И другого нет мне сокровища,
Будто в долг беру, каждый день хожу,
Каждый день хожу и прошу еще...

23.02.2011

* * *

Это только контур русской речи,
Свалены в углу полутона,
Слог открытый означает плечи,
И согласных слыша свист скворечий,
Всходит «о» как полная луна.

Живет в Донецке (Украина).
Родился в 1983 году. Аспирант
кафедры русской литературы
Донецкого национального универ-
ситета. Публиковался на Украине, в
России, Беларуси, Казахстане,
Молдове, Германии и Канаде.

Автор сборников стихов «Капли
дождя», «Вторая книга» и «Продол-
жение земли». Член Межрегиональ-
ного союза писателей Украины
(МСПС), ВТС «Конгресс литерато-
ров Украины».

Звукопись, когда твой порох вспыхнет,
Всыпанный в пустые гильзы строк,
Слово станет пулей, станет рифмой,
И душа, как юноша, притихнет.
Первый раз нажавший на курок.

* * *

Нам в этом мире – тесно,
Если смогу – воскресну,
Если ты скажешь честно:
Это – твоя игра.

Нам говорили: здесь он,
В десять – уже на месте,
Помнишь, искали вместе
Бога еще вчера?

Маем, там пахло маем,
Дождь сентябрем хлестал нас,
Сыпал свои кристаллы
Сверху на нас январь.

Многого мы не знаем,
Что-то внутри сломалось,
Что-то в душе осталось,
Только тебя не жаль...

* * *

Здесь боль и смерть моя смолистая,
И продолжение пути.
Мне не укрыться, мне не выстоять,
И не осмелится идти.

И столько птиц канатоходцами
Смотрели с высоты, когда
Лилась, спасенная колодцами,
Во фляги выживших вода.

И были все тогда уверены,
Что как бы ни были сильны,
Вы отдадите нам со временем
Пространство, взятое взаймы.

* * *

К.С.

Две случайные фразы, а так одинаково сказаны,
Это леска закона, ее не порвешь безнаказанно,
Скоро будет деревьев, как виселиц черных, нечитано,
Удали эти письма, покуда они не прочитаны.
Хочешь каждой дороге, пойдя поклонись по отдельности,

Чтобы черные книги душили тебя беспредельностью,
Чтоб пришло вдохновенье, с какой-то улыбкою нищенской,
Чтобы морем не пахло, а пахло сторожкой кладбищенской.

Чтобы все было серо, и скупо, темно, искалечено,
Только ручку возьми – популярность тебе обеспечена,
Собирай свои залы, своей удивляй эрудицией,
И как хочешь, пиши, и глумись, и глумись над традицией.

Марина Крошнева

Marina Kroshneva

Литературный критик, колумнист. Кандидат филологических наук. Родилась на Волге. С детства любит природу. В детстве занималась музыкой, но музыканта из нее не вышло. Увлекается литературой: любит поэзию, пишет прозу. Иногда берет в руки кисти. По-особому относится к живописи. Уверена, что акварель – это та техника, где цвета раскрываются в своей наибольшей капризной выразительности. Считает, жизнь – непрестанная борьба духа и плоти, требующая от человека эмоций и деловитости столько, сколько сможет из него добиться. Данные стихи из ее альбома впервые предлагаются широкому читателю.

Поэзия

Москва

Московская жизнь – стихия,
Неистойой, страстной бурей
Влетает в мою жизнь на краткий миг.
Ломает привычный порядок вещей,
Задаёт скорость, цвет и настроенье
Освобожденным желаньям души моей.

4.11.2010

* * *

Небрежно серебром покрылось небо,
Сегодня воздух на удивленье свеж,
Скамья в саду, теней невыносимо много,
И тает первый снег земных ночей.

26.11.2010 – 13.12.2010

Московская ночь

Московская ночь играет огнями рекламных витрин
В вечерних потугах познания открывшейся выгоды.
Проспекты, дороги твои, как подиумы красоты,
Притягивают длиннострейных девиц с отметинами –
глазами Кающихся грешниц –
Вонзившись в гламур – декаданс душевного достатка –
Лежишь на всем печатью блеска и огней.
Ты ловишь гул автострады – властные песни Сирен, Porsche и Smarta.
И снова цепляешь, и тянешь –
Душишь до самозабвения.

5.10.2010

Евгений Гузеев

Evgeni Guzeev

Капля мозга товарища Сталина

(Параисторическая повесть)

Знакомые имена и фамилии – случайное совпадение.

(Окончание. Начало в №1 за 2011 год)

Проза

Врач, автор-исполнитель и композитор. Родился в поселке Крестцы Новгородской области. Окончил Первый ленинградский медицинский институт, работал в областной больнице. С 1983 года живет и работает по специальности в Хельсинки. В свободное время сочиняет и записывает музыку, участвует в различных творческих проектах. Автор сотен композиций и песен на свои стихи, а также на тексты других поэтов, музыки к нескольким телефильмам и спектаклям, снятым и поставленным в России и Финляндии. В 2001 году в Санкт-Петербурге на празднике свободной звукозаписи получил премию «Золотой Антроп» за цикл песен и романсов на стихи Анны Ахматовой. В конце девяностых годов начал писать прозу. В книжном издательстве «Алетейя» скоро выйдет первый сборник произведений Е. Гузеева.

Хрущев был знаком с Пеньковым, хотя знакомство это было шапошным. Никита Сергеевич пару лет назад приезжал в клинику и лично благодарил профессора за удачную операцию, произведенную родственнику его супруги, приехавшему лечиться в Москву из далекой украинской деревеньки Лихачивки по поводу обнаруженной у него доброкачественной опухоли мозга. И это, в основном, все. Сделав, однако, вид, что знает Пенькова гораздо лучше, Хрущев ловко подскочил к вошедшему и остолбеневшему Аркадию Георгиевичу и сумел во время дружеского объятия шепнуть, что ни о каких соплях речи быть не может. С чувством некоторого облегчения, Никита Сергеевич вернулся к своему месту, оставив гостя на попечение Берии. Профессор остался стоять неподалеку от Сталина и не решался поднять свои веки, отяжелевшие, словно веки одного из гоголевских персонажей, достойнейшего представителя клана нечистой силы, названного когда-то очевидно своими родителями коротким именем Вий. Кто бы мог их поднять? Иосиф Виссарионович Сталин тихо спал, немного похрапывал, а капля мозгового вещества роковым образом стремилась только в одном направлении – к центру земли. Определенные физические препятствия, конечно, не могли бы дать свершиться этому попаданию в недра земного шара или хотя бы на магнитную его поверхность. Но это как раз и не грозило взбунтовавшейся части мозгового вещества, более вероятным делом в данный момент была большая вероятность, не достигнув цели, угодить в ловушку – ротовую полость Великого Сталина. С тех пор, как Никита Сергеевич стал первым свидетелем признаков начала этого исторического казуса, ситуация осложнилась до крайне опасной точки. Капля успела уже осквернить самое святое – усы вождя. Но, к ужасу невольных свидетелей, не заблудилась в этом дремучем лесу, не осталась на ночлег, а последовательно продолжала продвигаться сквозь пропахшие табаком заросли. А теперь – и вообще апокалипсис: дебри пройдены, путь свободен. Скоро! Скоро свершится это адское медленное падение... Медленный водопад... соплепад... мозгопад... – как угодно.

– Товарищ прафэссор. Очнитэсь. Прынимайте срочно мэры. Только, не прикасайтесь к нэму, делайте все очень осторожно.

Пеньков открыл, наконец, свои шторы и убедился в ожидаемой схожести спящего человека с портретом, на который он только что там в комнате для гостей лишней раз боялся даже мельком взглянуть. Падать в обморок уже не было возможности. Это значило бы... Впрочем, не было ни сил, ни доли секунды и для воображения. Вот то, что он видит – это реально. Профессор собрал все свое оставшееся сознание в один пучок и приступил к действию.

– Так. Кака-та така патологическая асимметрия на лице кажись не наблюдаацца. Это хорошо, хотя всяко бывает. Гм... Нет ли линейки, может быть, померить надо б, размеры. Еще бы каку-та такую соломинку или трубочку что ли... Подуть снизу может, бывает помогаат.

– Таварыщ Маленков, сходьте, распорядитесь. У Светланки... У Светланы Иосифовны в дэтской комнате навэрно остались эти прэдметы.

– Товарищи, я ручку свою могу разобрать, у меня китайская, – воскликнул тихонько Булганин. – Такая трубочка сгодится? Вот, сухая совсем... Чернила-то здесь – в канюле остались...

– Харашё! Но только пусть профэссор подует сначала тэбе в лыцо. Пэрестрахуемся на всякий случай, – сказал Берия.

Булганин, сняв и оставив ботинки под столом, осторожно подошел со своей трубочкой к Пенькову и принял соответствующую позу, чуть наклонив туловище вперед, а голову держа прямо, как швейцар в ожидании чаевых. Дрожащие пальцы его были перепачканы чернилами. Пеньков вопросительно посмотрел на Берию, но тот утвердительно кивнул. Оглядев предмет, Аркадий Георгиевич принял приблизительно такую же позу и, набрав внутрь легких побольше воздуха, сунул кончик трубочки себе в рот. При этом он закрыл глаза. И хотя внутри эта часть самопишущей ручки действительно была сухой, какие-то старые высохшие остатки чернил все же были на внутренней ее поверхности. Поэтому слюна профессора Пенькова, задев за стенки трубочки, слегка изменила свой прозрачный внешний вид и окрасилась в фиолетовый цвет. Почувствовав капли влаги на лице, Николай Александрович понял все, даже не увидев цвета брызг, и тут же лишился наличия лица, став похожим на одну из своих ягодиц, только с бородкой и мелкими крапинками фиолетового цвета. Его ручка и его идея! А если бы это было лицо Сталина? Еще неизвестно, не заподозрят ли товарищи его – Булганина во вредительстве. Перепугался пуще прежнего и профессор Пеньков, увидев результат предварительного эксперимента.

– Кака-то друга, видать, должна быть методика. С этим инструментом не то получаацца? Компликация.

Все удрученно притихли.

– Прэдлагайте, ну, – обвел суровым взглядом всех Берия после некоторой паузы.

Все стали оглядывать столовую в поисках чего-либо подходящего для задуманной профессором манипуляции. Ничего, увы, не нашлось.

– Разрешите предложить, – приподнялся, наконец, со стула Микоян. – Там на кухне должны быть помимо прочих продуктов и сухие мучные изделия – простые наши отечественные макароны. Как вы считаете? Ведь в той же Италии, например, это продукт номер один. Даже Муссолини, я слышал, Гитлера угощал ими во время их преступных застольных сделок. Но, говорят, их макаронные изделия не имеют внутри себя пространства и они слишком тонки по сравнению с нашими. Где уж им добиться таких результатов, когда реакционный режим у власти. Наш же продукт, несомненно, ближе стоит к народу, отвечает его потребностям, и вообще, полезнее и качественнее во всех отношениях, ибо забота партии и правительства, особенно лично товарища Сталина, стоит во главе угла нашей гуманной и человеческой политики и является одной из главных приоритетов, я бы сказал, одной из артерий, ведущих в общее русло огромной аорты – генеральной линии партии.

Все одобрительно и несколько облегченно поддержали это предложение.

«Господи, это невозможно!» – подумал Алмазов.

«Господи, этого быть не может!» – пронеслось в голове у Валентины.

Они долго смотрели друг на друга, ошарашенные и удивленные, и в течении этих минут менялись внешне, пока не стали снова юными, прежними, такими, каким расстались и потеряли друг друга когда-то до войны. Исчезало вдруг то время и пространство, что разделяло и держало их словно на разных полюсах. Затаптанные временем и войной чувства, словно размороженные солнцем спящие организмы, вдруг снова ожили и мгновенно заполнили их тела и души. И опять застучали, как прежде, усталые сердца, и кровь из темной превратилась в алую. Они узнали друг друга. Но через секунду все же появилась эта проклятая тень сомнения, и процессы омоложения остановились. Или просто захотелось помучить себя еще немного, быстро скроить необходимый театральный сюжетик, придумать роли? Ведь не может же быть их встреча такой вот простой – лоб в лоб.

– Ведь это ты... ты... – наконец беззвучно прошептала Валентина Васильевна, все еще стоя в дверях и держа тот самый поднос, что совсем недавно чуть не выронила из рук в столовой. Он и сейчас едва не выпал из ее белых рук. – Ой, простите... Что это я? Задумалась. Мне нужно было вам принести вот это. Вы, наверное, проголодались? Пожалуйста, здесь бутерброды. А это сухое вино, легкое. Или, может быть, крепкого чаю хотите, я могу сбегать. Только не спрашивайте ни о чем, я ничего не знаю. Возможно, вас отпустят скоро домой к вашей семье.

– Нет... я ничего... я и не тороплюсь вовсе. То есть... У меня нет никого.

– Нет никого?

– Решительно никого. Вы не волнуйтесь, я ни о чем таком, клянусь вам, не буду спрашивать, почему я, например, оказался здесь, обойдусь. Впрочем, догадываюсь. Но позвольте мне спросить хотя бы ваше имя?

– Зачем же вам его знать? Я вот сейчас уйду и возможно никогда...

– Как никогда? Нет, подождите. Нельзя... То есть. Можно, конечно, ваше право, но тогда... Господи, что мне надо сказать? А если я вас попрошу принести мне... ну хотя бы чаю, то вы ведь вернетесь?

– А вам Матрена Петровна его принесет.

– Ой, нет, я передумал. Не нужно Матрены Петровны. То есть не надо чаю. Я вот что... У меня такая болезнь, что я один не могу пить вино. Может быть вы со мной?

– Ну что вы такое говорите. Видите, ведь я же на работе.

– А я как врач вам разрешаю. Ну, немного, пригубите хотя бы... Это иногда того... полезно. Вон вы какая беспокойная, под каким-то напряжением. Нет, вам решительно нужно расслабиться и отдохнуть.

– Ах да, вы же врач, конечно, – засмеялась Валентина Васильевна. – Придется, что ли подчиниться? Ну, хорошо, уговорили. Я только чуть-чуть с вами посижу и уйду. Подождите-ка минутку, я принесу второй стакан и заодно посмотрю... Нет, ничего.

– Стойте... То есть, вы не обманываете? Придете, точно?

– Да приду же, успокойтесь.

Как только Валентина Васильевна закрыла за собой дверь, на Алмазова нахлынуло еще большее волнение. Он стал ходить по комнате, кусая губы, и даже хотел было броситься искать Истомина (он ее помнил как Жмычкину).

«Что же это такое, что мне сейчас делать, что-то надо предпринимать, а мы дурацкую игру какую-то ведем. И вообще что происходит, не случилось ли чего более серьезного, до лямуров ли сейчас, эгоист проклятый?!» – думал он, периодически останавливаясь и встряхивая головой, будто пытаясь сбросить остатки сна. Мысли его бегали из одного полушария в другое: то о непонятном своем положении, то опять об Истоминой и о неожиданной встрече с ней.

Валентина Васильевна шла по коридору тоже со странным выражением на лице. Глаза ее ничего не видели, щеки пылали, в движениях было что-то лихорадочное и механическое. Она взяла бокал из серванта и быстро удалилась, удивив своим странным и загадочным видом двух-трех работников Кунцевской дачи, которым попала на глаза. Но в доме был переполох, лица других тоже были напряжены беспокойством, тревожным ожиданием, страхом, и ясность отсутствовала в глазах у многих. О ней быстро забыли.

Теперь в арсенале Аркадия Георгиевича была линейка – старая, школьная, заляпанная грязными отпечатками детских пальчиков Светланки, и прочими, в том числе чернильными, пятнами. Кроме того на столе стоял небольшой металлический поднос, на котором аккуратно были разложены дюжина макаронин разной длины и даже формы – не все были идеально прямыми. Зато внутри макарон не было чернил, это уж точно и не нужно было проверять.

– Каацца, особых изменений в каку-то таку сторону ухудшения не наблюдаацца, – заметил профессор, с крайней осторожностью померив линейкой каплю от нижней, висящей над ротовой полостью, ее части до усов, а также от усов до ноздри вождя. Перед этим он достал из внутреннего кармана красную записную книжечку с вытисненным на обложке портретом генералиссимуса. Сделал он это так, чтобы все присутствующие видели обложку. Затем он карандашиком расчертил пустую страничку для того, чтобы фиксировать динамику изменений. Запись первых измерений была сделана. Берия зорко следил за работой профессора, а тот остро чувствовал на себе этот прищуренный за стеклами линз взгляд, и сердце его билось с перебоями. С напряжением смотрели на таинство светила науки и все остальные присутствующие члены правительства.

– Ну что ж, попытаемся произвести каку-то таку ретрограцию мозгового вещества, – произнес Аркадий Георгиевич и со страхом посмотрел на Берия. Тот тихонько кивнул. Взяв одну средней величины макаронину, Аркадий Георгиевич снова подошел к Сталину и попытался найти подходящее положение, чтобы не задеть за вождя, не потерять равновесия и не плюхнуться отцу народов на колени под край стола. Проще всего было бы, конечно, произвести манипуляцию, лежа на столе, повернувшись на живот и приподняв голову. Но здесь имелись свои сложности, пришлось бы передвигать посуду и вообще, что бы подумал Сталин, если бы проснулся и увидел перед своим носом макаронину и лежащего на столе человека в белом халате с ней во рту. А профессор, по инструкции Берии, должен был, в крайнем случае, при малейших признаках пробуждения Великого Вождя исчезнуть мгновенно. Опробовав различные позы, Аркадий Георгиевич чуть озадачился. Легче всего было бы подуть на мозговое вещество сбоку, но этой процедурой нельзя было бы полностью достичь цели операции, то есть вернуть движение мозга точно в обратном направлении. Прочие всяческие изощренные позы грозили очередной неудачей с последующей катастрофой.

– Товарищ Маленков! – с некоторым нетерпением в голосе обратился к Георгию Максимильяновичу Берия. – Помогите. Ви можете поддержать нэмножко прафэссора.

Маленков вздрогнул и с мольбой поглядел на других товарищей, но те отвернулись от его взгляда. Делать было нечего. Он подошел к профессору сзади, обхватил руками его туловище на уровне нижней части живота, и прижал к себе, чтобы тот мог, согнувшись, проделать манипуляцию и при этом не упасть. Что-то совершенно неожиданное произошло с профессором Пеньковым. Ему вдруг стало как-то необычно хорошо от этого прикосновения. Тепло и что-то еще особое разлилось по всему телу, сконцентрировалось на уровне замка рук Маленкова и всей остальной площади соприкосновения их тел. О таком Аркадий Георгиевич боялся даже мечтать. И это происходит сейчас, когда нужно было сосредоточиться на ином, продолжать операцию по спасению мозгового вещества наимудрейшего из ныне живущих, а не думать об удовлетворении своих скрытых, признанных порочными потребностей, не мечтать о

вдруг даруемых жизнью мелких легальных радостях, которые иногда возможны и в стране суровых законов – нравственных и юридических. Маленков тоже что-то непонятное почувствовал, но не на душевном уровне, а в основном на физическом. Его глаза расширились от удивления, щеки покраснели, но он не имел права расцепить замка рук и оторвать себя от Аркадия Георгиевича, ибо тот был уже в таком положении, в котором удержать равновесие без противодействующей силы тяжести было бы невозможно. Ну и, наконец, каковыми были бы последствия всего этого?

Итак, необходимая поза была найдена, макаронная трубочка находилась снизу под каплей мозгового вещества Иосифа Виссарионовича Сталина. Другой конец ее сжимали раскрасневшиеся от всяческих волнений губы Аркадия Георгиевича. Оставалось только надуть розовые щеки, осторожно дать ход движению воздуха и попытаться совершить невозможное. Первый же вылетевший навстречу Сталину воздух к ужасу всех обсыпал лицо и усы продолжателя дела Маркса, Энгельса и Ленина мучной пылью, слетевшей, очевидно, с внутренней поверхности макаронины. Берия зашептал грузинские проклятья и сжал кулаки. Справедливости ради надо отметить, что не так уж и много муки осело на усах вождя, но, однако ж, непредвиденная проблема заставила прекратить эксперимент. Слава богу, мука – не чернила, может, и сама собой слетит. Мозговая капля, кстати, отреагировала неким, возможно, даже положительным образом на произведенную манипуляцию, ибо какая-то часть ее будто бы дала ретроградный ход, вернувшись на опушку сталинских усов, что было подтверждено контрольным замером длины и даже ширины вещества. Данные были снова занесены Аркадием Георгиевичем в его красную книжечку. Несмотря на неудачу, некий блеск победителя отразился в его глазах. Но все же испуг доминировал.

– Однако с воздухом вылетает какая-то такая пылевая суспензия белого цвета, возможно растительного происхождения, например измельченное до пылевого состояния пшеничное зерно. А так вроде не высыпается ничего, я ведь проверил, переворачивал – нет, не высыпается. Вот, смотрите, если взять какую-то другую макаронную канюлю. Убедитесь, товарищи. Вот, видите – не высыпается ничего. А вот если подуть, то получаается та же картина.

– Ладно, успокойтесь, – сказал Берия. – Ми вас нэ обвиняем, профессор. Всю нашу пищевую промышленность в рог срючу, в мясорюбку брошу, цесное слово. Что за бэзобразие? Макаре́ны нэ умеют правильные дэлать, обманывают савэтных людэй. И это должен кушать тоже товарищ Сталин. Вах...

– Ну что же Вы сами-то стоите, доктор? Садитесь, поухаживайте за дамой, раз уж уговорили ее нарушить советское трудовое законодательство, – почти кокетливо сказала Валентина Васильевна, то стреляя глазами в Алмазова, то резко опуская ресницы вниз. Что-то изменилось в ней, может быть чуть больше стало пудры на лице, аккуратно подкрашены заново губы, причесаны и перезаколоты волосы. Она уже успела снять свой фартук и оставила его где-то.

– Да, конечно, конечно. Прошу Вас... Вот, пожалуйста. Я даже готов предложить тост за...

– Ну что Вы задумались, будто испугались? Не бойтесь. За Него ведь нужно молиться, а не пить. А в наших тостах Он не нуждается. Так что Вы хотели сказать?

– Да, прежде чем что-то сказать, хотелось бы кое-что сначала спросить, – почесав затылок, сказал доктор. – Но ведь Вы так категорично запрещаете. Так не скажете все же, как мне Вас называть?

– Вот удивительно. И Вы даже не заметили, что сами-то пока еще не представились. Хотя, стойте. Теперь уж поздно знакомиться, не говорите ничего, я не могу... я не хочу даже знать. Давайте так договоримся, хорошо?

– Ой, виноват, действительно не представился, – заволновался Алмазов, подумав тут же, что оба они с большим приветом, особенно она: к чему вообще вся это детская болтовня?

– Извольте, но... Хорошо, хотя...

– Ну вот и прекрасно. Меня зовут товарищ Икс, а Вас товарищ Игрек. Договорились?

– Куда ж мне деваться, как решили, так и сделаем. Понимаю, что в таких местах, – он обвел рукой комнату, снова ее оглядев, – одни только задают вопросы и приказывают, другие обязаны только отвечать на них и подчиняться.

– Ой, какие мы смелые. Не боитесь?

– Не знаю... Может быть... Но Вы ведь женщина, Вы не железная и Вы не жестокая.

– Ну, тут Вы можете ошибиться. Вот увидите, скоро я Вас начну допрашивать, истязать и мучить, пока не узнаю, что произошло в одна тысяча девятьсот... У нас там в подвале, кстати, куча скелетов. Все такие, как Вы. Это я их... Ой, подождите, Вы же хотели что-то сказать, за что мы будем пить лекарство, или мы что, не будем лечиться? Сами прописали мне выпить зелья. Я сижу тут с Вами, болтаю, а ведь там... Ладно, ничего, Он просто устал. Пусть они там как хотят... Итак, я Вас слушаю.

– Тост, чувствую, маловато будет. Придется, видно, как в «Тысяча и одной ночи» говорить и говорить всю ночь, рассказывать длинную без конца историю, чтобы Вы и не ушли от меня, и не убили или не отправили бы в подземелье отбывать наказание за... За то, что произошло в одна тысяча девятьсот...

– Все зависит от Вашего литературного дара. Вы вообще обладаете им или только врачевать умеете и больше ничего?

– Да я... да я... Лучший в мире сказочник.

– В этом я не сомневаюсь, – засмеялась Валентина Васильевна. – Ладно, выпьем за это!

– Нет, может, я неправ, – сказал Александр Анатольевич, поставив бокал на столик, – может это все бред, но я, иногда, вижу какие-то сказки что ли, они приходят помимо моей воли. Как говорится, я так вижу. Иногда. У меня, знаете, возникают во время усталости и после ночных операций какие-то картины в мозгу. Вот я сейчас закрою глаза и расскажу, что же я увидел такое. Сказочки бредовые начну рассказывать. Если Вам интересно...

– О да, еще как интересно. Ну?

– Это, знаете, всегда нечто странное и необъяснимое, даже мне – нейрохирургу. Бывают очень красивые картины, не только сказки. Ах, как жаль, что я не художник и не могу все это перенести на холст! Но я, учтите, глаз не закрою, пока Вы мне не дадите своей руки. Это будет залог. Иначе я буду думать, что Вы удрали, и начну подсматривать, а тогда какие уж картинки и видения, тем более сказки?

– Боже, какие таинственные и необычные вещи Вы говорите. Мне даже не хочется пока Вас убивать. Ну, допустим, я дам Вам руку, а вдруг Вам еще что-нибудь понадобится?

– О, дайте хотя бы руку!

– Ну ладно. Вам правую или левую?

– У меня есть право выбора?

– Да, пока.

– Тогда левую.

– Отчего же не правую?

– Левая ближе к сердцу.

– Ах, вот как! Ну хорошо. А что еще?

– Всего лишь маленькая просьба.

– Ну?

– Держите и Вы меня так, чтобы я не улетел, хотя бы чуточку сожмите пальцы. Ну вот, кажется все, осталось закрыть глаза.

– Что же Вы молчите, видите что-нибудь? Или это просто шутка? Дурите наивную женщину. Еще неизвестно, какие у вас цели в конце концов.

– Тсс... Сейчас... Началось. Совсем странная картинка. Горы какие-то, что ли. Отверстие или пещера. Какое-то невиданное пещерное существо выходит. Разумное оно или нет – не понятно. Видимо, оно ранено, умирает, попросту ползет, а не идет. Так, оно, кажется, направляется в лес. Оглядывается, чего-то боится, может быть, преследования. Вот лес, совсем дремучий, как будто сказочный, темный, густой. Деревья живые. Они хотят разойтись по свету, в разные стороны, но корни их не отпускают, держат на месте. Они стонут от этого, им ненавистно это вековое стояние. Существо пробирается сквозь чащу леса, ищет путь к свету. Где-то там уже маячит свет – конец темноты. Но что это? За лесом сразу обрыв, страшная черная бездна, а может быть вулкан, кратер – не могу понять. Возможно действующий вулкан, ибо он дышит, что-то извергается из его недр, дым или пар – не знаю. А это что? Птицы появились, черные, летают вокруг чудовища, нападают, клюют. То ли спасают – гонят назад к лесу, то ли... Не понимаю... Теперь вообще какой-то хаос появляется, водоворот, все смешалось, появились яркие цвета, как будто самоцветы или цветные стекла кружатся, как в калейдоскопе! Вот уже просто дивно и красиво, цветы невиданные и узоры мелькают. Все движется, но это уже не хаос, здесь есть какая-то логика. Но нам этого просто не понять, не осмыслить. Теперь я не только вижу, но и чувствую. Тепло... А Вы? Вы что-нибудь почувствовали? – спросил под конец Александр Анатольевич, открыв глаза, но не отпуская руки Валентины Васильевны. Но она как будто оцепенела. Сидела некоторое время молча, пока не встрепенулась.

– Только сейчас – да. Все, уже лучше. Стало хорошо, нет больше страха, и головная боль прошла. Интересно и здорово. Но где ж тут сказка? Подумаешь... Хотя все это мне напоминает... Вот это действительно странно.

– Вы о чем?

– Просто жаль, что Вы не увидели, чем эта история закончилась. А вот я узнаю...

– Не понимаю, как это вы можете узнать?

– А Вы меня подождите. Я скоро... Верните же мне мою руку, поиграли и хватит.

– Профэссор, ви в мэшок, который ваш коллега принес, заглядывали? Нэт ли подходящих инструмэнтов? – спросил Берия профессора.

– Никак нет, в основном какие-то такие режущие, колющие и пилующие инструменты.

– Нет, что ви, с этим нэлзя. Зачэм резать? Остановимся пока на той мэтодики, которая была уже прэдложена, с учетом нэдостатков. Какие, товарищи, будут прэдложения?

– Разрешите мне? – нерешительно поднялся вернувшийся на свое место Маленков.

– Я вынужден заявить, что отказываюсь от дальнейшего участия в манипуляции в качестве противодействующей силы. У меня что-то со здоровьем... Будто бы сознание даже потерял во время... Чуть не уронил товарища профессора.

«Ах, сознание потерял!» – с восторгом повторил про себя Аркадий Георгиевич и с благодарной улыбкой взглянул в лицо Маленкову, но тот был слегка растерян и смотрел в основном на бутылку с коньяком. Пальцы его нервно теребили пустую хрустальную рюмку.

– Хараше, сидите пока, отдохайте. Действительно, опасная ситуация. Но нам нужны тогда другие – свежие мысли.

Тут поднялся с места Хрушев и предложил следующее:

– Дык, может макароны – того... Сварить и все тут, и мука уйдет при варке, и сгибать можно будет потом, как хошь.

– Именно, именно, – воскликнул профессор Пеньков. – Эта идея кака-то така свежая и перспективная! Ведь смотрите, товарищи, тогда получаацца, что можно направить воздушный поток даже по кривой, даже под углом.

– Разрешите уточнить, – попросил слова Булганин. – А вы уверены, что брызги воды, оставшейся в макаронах, не полетят на лицо товарища Сталина. Мы ведь уже научены горьким опытом, надо все предусмотреть, товарищи. И потом, надо ли макароны солить или это не имеет решающего терапевтического значения?

– Кака-то справедливость есть в ваших подозрениях, – ответил профессор. – Но однако ж я так понимаю, что горячая масса макаронной канюли остываат и просушиваацца одновременно как с наружной, так и внутренней поверхности этого так называемого оперативного инструмента. Другое дело – соус или кака-то така маслосодержащая увлажняющая жидкость. Она сохраняацца дольше, чем простая вода, не испаряацца. Насчет соли каких-либо исследований я не припоминаю, может кака-та и существует така диссертация по этой теме в научном мире, но сейчас не припоминаю что-то. Сказываацца возраст. Память не та уже.

Послали на кухню самого автора идеи – Никиту Сергеевича. Через некоторое время он вернулся, держа за ручки кастрюльку с небольшим, заместо крышки, дуршлячком, на дне которого лежали неподвижно, как мертвые глисты, несколько самых длинных макаронин, какие только нашлись в сусеках кухни Кунцевской дачи. Макароны были еще горячими, и от них шел пар. Пришлось подождать, чтобы вся влага испарилась. Кстати, пока варились макароны, Аркадий Георгиевич снова сделал контрольные замеры и результаты оказались, увы, неутешительными. Мозг двигался в нежелательном направлении, но, к счастью, пока еще держался на усах, вернее висел над раскрытой ротовой полостью Отца Народов.

– Ми уже научены быть осторожными, товарищи, – сказал Лаврентий Павлович. – Прежде чем подходить к товарищу Сталину, пэрестрахаемяся. Патрэнеруйтесь, товарищ прафэссор, пращю вас. Никита Сергеевич, примите такую же позу, как у товарища Сталина, а ви, профессор, продэлайте планируемую маньпуляцию, стоя сбоку на бэзопасном расстоянии.

Пеньков подошел с болтающейся макарониной к вернувшемуся на свое место Хрущеву, держа ее двумя пальцами перед собой, словно дохлую крысу за хвост. Затем он обернулся, чтобы сравнить позу Никиты Сергеевича с позой спящего Сталина и, наконец, сунул один конец так называемого оперативного инструмента себе в рот, лишь только чуть нагнувшись для удобства. Другой конец гнущейся в результате действия кипяченой воды макаронной трубочки он направил под нос испытуемому. Наконец он решился и дунул. Однако несколько скользкая от варки макаронина в результате силы действия воздуха выскользнула изо рта профессора и, не найдя другого места, закончила полет, свесившись по обе стороны ушной раковины Никиты Сергеевича – розовой, как у молодого поросенка и чуть покрытой белесоватой щетиной. Практически это был выстрел макарониной.

– Что же это, черт вазмы, получается?! Я начинаю тэрять тэрпение. Ну? Что ви на это скажете?

– Виноват, товарищи. Бываат получаатся, бываат не получаатся. Всяко бываат. Но есть одна кака-то така задумка. Надежда, так сказать, на успешное завершение. Необходимо найти каку-то такую оптимальную середину, то есть если одну часть, например, половину макаронной тубы, подвергнуть физическому воздействию кипящей воды, а каку-то другу часть оставить вне сосуда и соответственно изолировать от процессов температурно-жидкостной обработки, то в этой, оставшейся вне сосуда, части останется кака-то така первоначальная твердость и шероховатость, я бы сказал. В этом случае будут исключены всяки таки непредвиденные последствия, как, например, наблюдаемая только что нами потеря надежного сцепления между пальцами

проводящего манипуляцию и поверхностью предмета, играющего в нашем случае роль оперативного инструмента. Така вот задумка у меня появивше... э-э-э... появилась.

– Ну что там, как обстановка? – спросил настороженно Александр Анатольевич, когда Истомина вернулась.

– Обстановка?.. Стоп, вы опять с вопросами. Забыли, где находитесь, товарищ Игрек? Вы уже и так получили слишком много привилегий, пользуетесь моей добротой. Пора с Вами что-то делать. Так что хватит мне Ваших психологических опытов и всяких там таинственных историй, которые Вы собирались мне всю ночь рассказывать... Меня Вы этим больше не задобрите. Так вот... Что это? Часы бьют... Странно, они уже давно не били, кажется, сломаны лет... Господи, что же происходит?

Валентина Васильевна посмотрела на свои часики и вздрогнула. Затем уронила руки и вдруг стала другой, отрешенной. С лица исчезла легкомысленность, оно наполнилось серьезностью и растерянностью. Она молчала с минуту. Затем медленно подняла голову и встретилась глазами с Алмазовым. В ее взгляде неожиданно появились и печаль, и любовь, и какой-то чудесный, нежный, будто материнский, свет. Алмазов, ошарашенный этой волшебной переменой, застыл, не решаясь шевельнуться, будто боясь потерять этот миг. Только сейчас Истомина, наконец, поняла то, чего не могла понять в течение всего вечера, шутя и пытаясь смеяться. Нет времени на глупые игры, на этот абсолютно неуместный флирт! Нет времени разбираться в ошибках прошлого. Она вдруг поняла, что жизнь ее подходит к какому-то рубежу, после которого все уже будет не так. Встреча с Алмазовым – это подарок судьбы, за который она уже заплатила. Придется оставить его по эту сторону черты. Подступают времена, когда многое вот-вот должно измениться. Перемены наступят в судьбе всей страны, и, в первую очередь, в ее личной жизни. Сколько осталось? Месяцы, недели, дни, часы или минуты? Время уходит. Можно ли что-то успеть, что-то предпринять? Последнее, что ей дано сейчас, здесь – это он, встреча с ним. И эта встреча останется, как и все остальное, в прошлом, не перейдя вместе с ней той красной линии. Неужели лишь одними воспоминаниями она будет доживать свой век в грядущей новой жизни, упрятанная и засекреченная, вдали от всех, не имеющая права на счастье? Получит ли она право жить вообще, если...

– Что с вами? Я что-то не так...

– Миленький, Сашечка, любименький мой! – бросилась совершенно неожиданно Валентина Васильевна к Алмазову и стала покрывать его лицо поцелуями. – О том, старом – не будем. Я знаю, там была какая-то глупость, какая-то идиотская причина, и поэтому мы расстались. Конечно, ты ни в чем не был виноват. Не мог. Невозможно. Ведь правда? Видишь, одной ночи всего и не хватило тогда нам, и может быть, все потекло бы иначе. Не нужно ничего, тебе не нужно объясняться и оправдываться. Я и сама все, в конце концов, поняла. Мой теперешний муж – он все так устроил. Любил, ревновал, скрипел зубами, глядя на нас. Что-то тебе про меня сказал, а мне про тебя, обманул в общем... А ты и поверил, глупенький студент. И я – новоиспеченная сестра медсестра – туда же. Ты тогда вернулся в Москву и все – все пропало. Все! Тогда в моей-то голове поселилось самое, что ни на есть, глупое объяснение твоему неожиданному исчезновению – увы, не в твою пользу. Я думала, это поможет – сделать тебя злым гением. Придумала самый худший вариант и пошла мучиться. А потом, чтобы не умереть, и чтобы тебе, невинному, отомстить, я решилась... Не понимаю, как я могла выйти за него? Поняла, что потеряла все, что вернуть ничего уже нельзя. Разве он мне муж? Одно только слово муж и печать в бумагах. Думал, забуду, полюблю его, и правды не узнаю. Нет, не получилось! Подонок, он меня готов искалечить, чтобы подчинить себе, только и думает об этом, до сих пор. Мучается от бессилия своего, от того что нет власти надо мной. Да только молчит от страха, потому что боится... Его, – бросила короткий взгляд на висящий портрет Валентина Васильевна.

Она, вдруг остановилась, бросилась к столику и, налив себе в бокал вина, залпом выпила.

– Ты ведь видишь, я здесь, работаю, почти живу – рядом с Ним... Постели Ему стелю... Уже много лет. Сейчас Он там, в столовой, уснул от усталости, а все ждут, суется. Ничего, проснется, думаю. Но только это начало конца – я-то знаю и вижу черту. Да ладно, к чему тебе это знать, увидишь, чем закончится. Тут все не так, как у вас, нормальных людей. Но если с Ним что-то случится, худо мне будет... Такая судьба. Все равно я молюсь на Него. Кричать буду, на грудь брошусь, если не дай Бог... Ведь Он спас меня от мужа, от его злобы и ревности, от побоев. Я здесь, как дома, под Его защитой. Пока Он жив. А после... Я и никто, я и опасный свидетель – все тут... Такие дебри, лучше тебе не знать... Прости, все так спуталось. Но ведь не было бы меня здесь, если бы мы тогда с тобой не потеряли друг друга, понимаешь? Все было бы иначе...

– Не надо, Валечка, успокойся, не терзайся... Я не допущу ничего такого... Мы будем вместе теперь...

– Боже, что ты говоришь, наивный студент? Знаешь ли ты...

– Ну, пожалуйста, не нужно мне ничего объяснять, – сказал с сильным волнением в голосе Александр Анатольевич. – Главное я понял – мы оба не виноваты. Конечно, глупо было тогда слушать чужих людей и верить злым словам. Но мы ведь были почти дети, ты помнишь? Такие обидчивые, неопытные и наивные. И нам нравилось страдать. Вот и пострадались...

– Да, Сашечка, да родной мой. Прости все равно. Прости, потому что вот это вот – комната, наша встреча – это тоже уже не сможет повториться! Это только сейчас – так звезды случайно сошлись. Ведь ты понимаешь, что я отдала свою судьбу всему этому, Ему... Грех жаловаться, я была всегда довольна своим положением, но теперь... Когда есть снова ты... Все переворачивается с ног на голову. Я поняла, как завязла, как попалась, какой подписала договор с судьбой. Ведь теперь я знаю так много такого, о чем никто не имеет права даже догадываться, даже думать, представлять. Нет, меня в покое не оставят, случись что. Миленький, эта встреча, эта комната – это все что у нас есть, все, что осталось. И скоро этому наступит конец. Почему мы сразу не бросились друг к другу в объятия? Целый час пропал. Скажи?

– Я и сам не понимаю. Мы снова юными сделались какими-то, вот и ошибаемся опять, делаем все вопреки здравому смыслу. Наши сердца, как и прежде, такие славные, чистые, наивные, но головы лишены какой-то логики и правильности. Но ведь, правда, еще не все потеряно?

– Вот что, Сашечка, – сказала Валентина Васильевна, кусая губы и оглядываясь на дверь. – Я не могу иначе... Или сейчас или никогда!

Александр Анатольевич не сразу понял, о чем она.

Гениальное творение и плод научно-практического эксперимента, проводимого профессором Пеньковым, рождено на свет где-то на кухне Кунцевской дачи. Аркадий Георгиевич вместе с Хрущевым отправился в пищеблок, и там опытным работникам были даны необходимые инструкции для воплощения идеи, заданы требуемые параметры и прочие рекомендации. Появление на свет архиважного оперативного инструмента требовало времени – тех двадцати-тридцати минут, необходимых для варки макаронных изделий, согласно одному из рецептов «Книги о вкусной и здоровой пище» – той самой, что оснащена знаменитой цитатой Сталина о зажиточности нашего народа. Сам Орлов, комендант дачи, был назначен следить за точностью исполнения задания партии. Он по привычке не задавал вопросов, но что варилось в его собственной голове, глядевшей на все это – останется загадкой для истории. Хрущев, сопровождавший профессора, кой-чего перехватил на кухне, ибо почувствовал голод (а также жажду), а Аркадий Георгиевич активно и ревниво

вмешивался в процесс варки макарон по его, заранее спланированной технологии. Так что Орлову и делать было нечего.

– Выбирайте, товарищи, какие-то такие самые длинные макаронные элементы. Температура воды должна быть какая-то такая подходящая – сто градусов. Иначе кипения не бывает при более низких температурах. Только одна какая-то сторона макаронной канюли должна быть подвержена температурно-жидкостной обработке – либо левая, либо правая, не важно. Другая какая-то часть остается вне сосуда. Нужно как-то изоляцию этой части произвести, прикрыть чем-либо, а то, бывает, и пар тоже размягчает твердые ткани. Хорошо закрывает от пара, к примеру, какая-то такая пробирка или тому подобный сосуд. Хотя бы как-то тряпочку можно было бы использовать или полотенце.

– Не волнуйтесь, товарищ профессор, все будет как в часовой мастерской, – успокаивал взволнованного и красного от напряжения Пенькова невозмутимый комендант.

В течение этого времени по предложению Берии остальные члены комиссии решили подкрепить усталые нервные и прочие клетки, используя имеющиеся в наличии давно уже остывшие продукты питания и те, что изначально являлись холодными закусками. Логично было компенсировать прием холодной пищи горячительными напитками, что и было сделано. Вяло общались, периодически посматривая на спящего Генералиссимуса. Ничего хорошего не намечалось, мозговое вещество хоть и, слава богу, медленно, но все же стремилось оторваться и нарушить целостность гениального мозга, пока лишь каким-то чудом удерживаясь на усах. Видимо, мудрые мысли, а также обязанности перед партией и народом не давали этому случиться.

– Я вот думаю, товарищи, – стал размышлять Булганин, закусив выпитую до дна рюмку крепкой наливки бутербродом с икрой. Он стряхнул мизинчиком крошки с маленькой бородки, сглотнул, так что голова проделала некое вспомогательное движение, и продолжил. – Я думаю, сейчас, понятно, мы не имеем права информировать трудящихся об этих вот событиях, о проводимой в данный момент совместной, так сказать, операции партии и науки по спасению нашего общего будущего, ибо оно во многом зависит от знаний и опыта нашего Великого Вождя и требует немалых сил, чтобы поддерживать его мудрый разум. Но вот пройдут десятилетия. Сознание людей достигнет наивысшей точки развития, останутся в прошлом жалкие останки вражеской нечисти. И тогда, кто знает, появится возможность рассказать народу, какие сложные, почти боевые задачи приходилось решать нам с вами в это, казалось бы, мирное время, чтобы люди узнали правду о нелегких сражениях на наших собраниях, в закрытых кабинетах, даже в таких вот местах, как эта столовая или кухня, куда отправились наши товарищи. Ведь не только шашки и пулеметы – настоящая борьба, но и преодоление таких вот неожиданных для партии препятствий, барьеров и прочих критических ситуаций, кои встают у нас на пути к коммунизму. А то иные смотрят на наши портреты и думают, что вот сидят они там, языками чешут да челюстями работают, пьют да бутерброды с икрой кушают, а люди, мол, трудятся на стройках и спускаются в шахты. Нет, у нас тут посложнее руда добывается! Одна ответственность перед народом чего стоит. Вот и теперь – нам снова не до сна. Ищем путь, так сказать, выход на свет. А они там спят, думают все спокойно, все гладко.

– Ты, товарищ Булганин, бутерброд с икрой съюшал?

– Так точно, товарищ Берия.

– А свет в конце туннеля ты что, уже увидел? Оптимист тоже нашелся. Гаварышь, как будто товарищ Сталин тебе уже спасибо успел сказать.

– Но я не сомневаюсь, что решение найдется. Партия всегда находила выход из...

– Партией рукавадыт Сталин. А сейчас он нэмножко устал. Панымаешь разницу? Он бы тебе подсказал, что нужно дэлать.

– Понял, товарищ Берия. Я ведь просто хотел сказать, что наша задача – достойно выйти из этой, казалось бы...

– Падажди выходыть, они уже входят...

Да, это были Пеньков с Хрущевым. На металлическом продолговатом блюде, который торжественно внес в столовую Аркадий Георгиевич, нечто белело. Никита Сергеевич сразу же проследовал на свое место. Лицо его было красным, глаза виновато блестели, но на него никто не взглянул. Пеньков поставил посудину на стол, оглядел с гордой улыбкой плоды своей идеи и осторожно взялся за твердую часть одного из лежащих предметов – ту, что была изолирована от воздействия кипящей воды. Система эта напоминала нечто вроде хлыста, и Аркадий Георгиевич продемонстрировал всем присутствующим, насколько подвижна и податлива сваренная половина и тверда остальная часть, играющая во время демонстрации как бы роль ручки или палочки. Так что макарониной можно было поболтать, как плеточкой или флажком, держа за твердую и шероховатую половину. Хотя именно это свойство как раз не имело столь ценного и решающего значения в данном конкретном случае, а было важно лишь для того, чтобы все убедились в многообразии качеств и возможностях свежеепеченного (скорее свежесваренного), неизвестного доселе мировой медицинской науке и не имеющего аналогов оперативного инструмента. Профессор продемонстрировал, наконец, и то, как инструмент можно держать во рту – как папиросу или даже трубку – такую, как у Сталина. А это было важно для предупреждения непредвиденного осложнения – например, вылета, подобного тому, что уже все имели возможность наблюдать, а некоторые даже почувствовать на себе. Держа инструмент в зубах, Пеньков даже руки отпустил и развел их в стороны. Макаронина осталась торчать изо рта профессора, а мягкая ее половина, чуть покачавшись как маятник, замерла, повиснув под углом в девяносто градусов. Впрочем, делать все это приходилось весьма осторожно, ибо зубы могли обломать кончик. Также существовал риск для самих зубов исполняющего манипуляцию. Но в данном случае эта маленькая проблема выходила за рамки государственных интересов и значения всей этой идеи. Экспериментатор также слегка потянул макаронину от себя, вернув руку на место, – зубы и твердость профессорских губ ее не отпустили. Вроде бы настал момент... Но нет, пока что не решились подходить к Сталину.

На сей раз в целях перестраховки Аркадий Георгиевич встал рядом с сидящим Анастасом Микояном, который весь напрягся, пытаясь найти позу, похожую на сталинскую. Глаза его, правда, не стояли на месте, а, как черные тараканы, носились по орбитам, еле успевая друг за другом – то содружественно, то врозь. Волосы в ноздрях шевелились, хотя пока еще никаких трубочек с потоками воздуха под носом не было. Что еще могло омрачить ход эксперимента? Казалось бы, все предусмотрено, и ничего не должно было случиться. Однако случилось. Слава богу, в соседних помещениях не оказалось животных собачьей породы, иначе вся свора, минуя охрану, прибежала бы сюда в столовую на свист, который раздался из макаронины, как только Аркадий Георгиевич начал опробовать инструмент. Берия, стоявший рядом с радиолой, механически схватил какую-то иностранную пластинку, мысленно желая ее запустить в профессора, но вместо этого стал обмахиваться ею, ибо покрылся весь испариной. От страха и неожиданности, Аркадий Георгиевич откусил-таки твердый кусочек макаронины и потерял ту самую хваленую надежную связь с остальной ее частью. Поврежденный инструмент тотчас упал под край стола на колени Микояну, а может чуть выше – на полурасстегнутую ширинку его штанов.

– Гдэ этот молодой врач? – взмолился Берия. – От нэмца и то больше было бы толку, цесное слово. Хватыт уже, мое тэрпение кончается! Ви что, нэ видите, прафэссор? Врэмя не стоит на мэсте. Это вам не вода в лэсном пруду. Оно бежит, как

горный ручей – только вперед. Скоро весь мозг товарища Сталина прольется наружу, словно дарагое вино из прабытой вражеской пулей бочки, словно бэсценный коньяк из открытой бутылка, пэревернутой каким-то нэрадивым шутником.

– Нет, нет, товарищи! Не нужно никого. Сейчас, сейчас. Теперь уж точно все получится. Это, знаете ли, исключение имело место, случайность кака-то, редкая причем. Хотя такого, как правило, не бывает, но, оказываацца, иногда и бывает все-таки. Поэтому у нас заказана кака-то така дополнительная пара двухконсистентных макароноподобных канюль. Ведь этого ж не бывает, что такое вот раз и снова повторяацца. Попытаамся использовать альтернативу. А у нас, оказываацца, как я уже сказал, есть кака-то целая пара в запасе.

По крайней мере одна из двух оставшихся макаронин оказалась весьма неважной, ибо когда Аркадий Георгиевич проверил подвижность вареной половины и помахал ею в воздухе, она тотчас оторвалась от твердой своей части т отлетела, приземлившись на другое, тоже покрытое белесоватой щетиной, ухо Никиты Сергеевича, – приушилась? Прежде чем Берия что-либо успел сказать или, например, подпрыгнуть, в дрожащих руках профессора Пенькова оказалась третья – последняя макаронина. Он тотчас, не теряя ни секунды, подул в ее твердый конец и с облегчением констатировал, что никакого свиста не последовало. Берия остановился, ничего не сказал и не принял никаких действий, лишь тяжело вздохнул и занялся стеклами своих очков-пенсне.

– Ну вот, товарищи, я ведь говорил, что бывает посвистываат, бывает не посвистываат, всяко бывает. А еще бывает ломаацца и отрываацца – это тоже бывает. А бывает и не бывает таких осложнений.

Мысленно перекрестившись широким крестом, Аркадий Георгиевич шагнул навстречу двум судьбам-сестрам – своей собственной и судьбе всей страны. Он не слишком верил в успех операции, поэтому в его голове родился тайный план – вариант Б в случае неудачи. Для этого он незаметно провел еще один опыт и убедился, что через макаронину воздух можно не только выдувать, но и втягивать внутрь. И не только воздух. Главное – сделать это незаметно.

Оставив Александра Анатольевича, Валентина Васильевна не сразу пошла по коридору, а остановилась, чуть отойдя от двери. Она прижалась спиной к стене, закрыла глаза и сильно сжала ладонями лицо. Ее губы шептали:

– Мне повезет, обязательно повезет. Все получится. Господи, спасибо тебе за то, что послал мне Сашечку именно сейчас! Каюсь во всех своих грехах, но только прошу – сделай для меня это. Пусть засекретят, пусть сошлют хоть за Урал, имя поменяют, паспорт, но только оставь мне от него, от Сашечки, хотя бы это! И пусть будет рядом со мной его клеточка, его частичка – ничего больше мне и не надо будет. Он там ждет, бедненький, на что-то надеется. Но это все, на большее нет надежды. Уйду, притворюсь больной. А Саша ничего – переживет, может быть, и поймет. Господи, и написать-то ему нельзя...

Александр Анатольевич и радовался случившемуся, и сомневался в своем счастье. Причин для сомнений было предостаточно. Его Валечка – утерянная и вновь обретенная – находится в каком-то непонятном для него, простого советского человека, мире, окутанная паутиной неизвестных и недоступных для его понимания законов и правил. Что происходит, о каких договорах с властью, обязательствах и прочем она пыталась ему объяснить? Все смутно перемещалось в его воспаленной событиями этой ночи голове, то приобретая безграничные угрожающие формы, то теряя вообще какие-либо очертания. Есть ли возможность у маленького человека в такой ситуации не только требовать для себя счастья, но в принципе что-либо произносить вслух или даже шепотом, тем более влиять на события, иметь право отстаивать чью-то судьбу? Он взглянул на портрет Сталина и еще больше ощутил свое бессилие. Отсюда его могут вышвырнуть обратно домой – это в лучшем случае. И попробуй только вернись, чтобы

вновь найти и увидеть снова свою Валечку. Это не завод, где можно у проходной каждый день поджидать любимую после смены, беседуя о том о сем с вахтером. Только бы вернулась! Надо же о чем-то договориться, особенно теперь, после того, что с ними произошло. Как быть дальше? В каком другом месте, подальше от всего этого можно ее увидеть? Но время шло, а Истомина почему-то не возвращалась. Если решиться и пойти ее искать по всему дому, то можно ведь и в шпионы угодить, а тогда – никаких надежд, даже если делать глупое и невинное лицо. Придется покорно ждать, что произойдет дальше. А что с профессором? Зачем он там им нужен? Почему не везут в больницу, если что-то... Господи, да что же это происходит? Нет, все так просто не закончится!

Про себя перекрестились и все остальные находившиеся в столовой члены партийной элиты, наблюдавшие, как профессор Пеньков стоял в полусогнутом состоянии с полусваренной макарониной во рту перед Вождем и Отцом всех народов. Сталин по-прежнему спал, сидя за столом, чуть согнув голову, посапывая через открытый рот, в который вот-вот норовила упасть капля его собственного мозгового вещества, свисавшая с усов. Другой, гибкий конец белой макаронной трубочки Аркадий Георгиевич профессионально подвел под каплю и, решившись окончательно, сделал осторожный выдох. Произошло некое движение капли, шевеление усов; неожиданно вздрогнуло и напряглось лицо вождя – возможно, от щекотливого воздействия воздушной массы, как если бы спящему человеку сунули в нос травинку или соломинку. Пеньков, не выпуская макароны изо рта, в страхе отпрянул. К счастью, глаза Сталина все еще были закрыты, однако плечи начали как будто приподниматься, а голова откидываться назад. Он весь будто привстал, набирая в легкие воздух через открытый рот, а на лице появилась гримаса – все признаки того, что Иосиф Виссарионович приготовился чихнуть во сне. Всем было понятно, что если это случится, то сон наверняка прервется. Так что у Аркадия Георгиевича не осталось возможности перейти от плана А к своему тайному плану Б. А он как раз собирался это сделать. Теперь же в течение одной секунды ему предстояло вылететь из столовой со скоростью фотонной ракеты, о которых в те времена, возможно, еще не имелось никаких особых сведений. Однако профессор вылетел из столовой именно так. Там, в коридоре его еще некоторое время успокаивали, давали выпить коньяку, чтобы снять крупную дрожь. Аркадий Георгиевич выпил коньяк как коктейль – через макаронную трубочку, которую все еще держал во рту, пока, наконец, более менее не успокоился от действия коньячного напитка.

В момент вылета из столовой светила науки с макарониной во рту совершил полет со своего места также Никита Сергеевич Хрущев, вовремя оказавшись на ковре в позе танцора, скрестив руки на украшенной красными петушками груди и наивно приготовившись к гопаку. Остальные все сидели на своих местах, кроме Берии, которому ничего другого не оставалось, как пристроиться к радиоле, включить ее и быстренько поставить ту самую иностранную пластинку, которая в какой-то критический момент едва не вылетела из его рук, а до последнего момента исполняла роль веера.

Сталин действительно крепко чихнул. Перед этим, не поднимая век, он совершенно невозмутимо и спокойно достал из кармана галифе белый носовой платочек, выстиранный Матреной Петровной и аккуратно отглаженный Валентиной Васильевной, – чихнул и высморкался в него, тотчас вытерев тщательно свои усы. Он также невозмутимо, не глядя, сложил аккуратно мокрый свой носовой платок и отправил его обратно в карман. Только после этого он, наконец, медленно открыл глаза и в первую очередь взялся за трубку, которая попала в поле его зрения. Одновременно с пробуждением Иосифа Виссарионовича на всю столовую вдруг зазвучала знаменитая предтеча рок-н-рольной эпохи – пьеса Глена Миллера из кинофильма «Серенада

солнечной долины». Деваться было некуда. Хрущев, обреченно вздохнув, задрывал ногами и руками. Сталин сделал несколько хлопков в такт. Все облегченно вздохнули, стали смеяться и хлопать под музыку, сопровождавшуюся почти эротическими телодвижениями Мыкиты.

Эпилог

Валентина Васильевна как в воду глядела. В марте пятьдесят третьего все случилось. Видимо, мозговое вещество Великого Вождя не перенесло избытка великих идей и начинаний – дало трещину.

Почти сразу разогнали весь персонал Кунцевской дачи. Кого-то, правда, посадили и даже расстреляли. Иные сами на себя руки наложили.

Беременную Валентину Васильевну пощадили, но, увезя в неизвестном направлении, спрятали от всех. Ходили слухи, что отец ребенка – Сталин. Валентина Васильевна не имела права ни подтверждать, ни опровергать ни этих, ни других слухов и даже потом – всю свою оставшуюся жизнь – давать каких-либо интервью. Но той весной ей было все равно. Ее оставили в покое, и она ждала ребенка. В конце года она родила – появилась на свет очаровательная девочка. Никто не знает ее имени, но, скорее всего, ее назвали Александра.

Александр Анатольевич Алмазов пытался было разыскать Валечку, но вскоре оставил все попытки, снова уйдя с головой в работу.

На карьере Аркадия Георгиевича вышеуказанный эпизод не повлиял никаким образом. Но он в своей жизни, в конце концов, все же стал академиком – сам всего добился. Да, кстати, вскоре после описанных событий в его кабинете появился портрет Маленкова.

Алексей Филимонов
Aleksei Filimonov

Алексей Филимонов – поэт и литературовед, родился в 1965 году в Подмосковье, окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Автор книги лирики «Ночное слово» (1999, СПб.), стихотворных публикаций в российских и зарубежных изданиях, а также работ о творчестве Владимира Набокова и современной литературе. Основатель литературно-философского течения вневизм. Член союза писателей России, руководитель семинара Экспериментальной литературы при СПб отделении СП РФ. Работает журналистом и литературным редактором. Живет в Санкт-Петербурге.

Поэзия

Рыбье море

Глубоководная Рыба-фонарь!
Я ли твой посох, я ли твой царь?
Я ли тебе с дороженья не мил
тем, что безвольно вставал из могил?

Рыба-пила, электрический скат,
Рыба, летящая в синь наугад!
Я ли из пены шагну за Христом,
зная, как прежде, что будет потом?

Рыба стальная, бессонная гладь!
Рыба-корова и Рыба-тетрадь!
Рыба-иголка и Тающий луч –
в волны падет, безымянный, из туч!

Вдарься о скалы и в воды вернись –
ты хороша, о бездонная жизнь!
небо – как море, а море – внизу
солono – Божью впитало слезу!..

7 ноября 1994

Ангел-сердце

Вода, босая, шлепала по лужам,
и алый сумрак проступал везде,
и ангел окрыленный был не нужен
томительному странному Нигде.
Никто дрожал у синего подъезда,
зияла бездна на восьми ветрах,
и ангел, потаенный и не местный,
свет окровавил у людей впотьмах.
Так им казалось – он заправил сердце,
в лампаду снов он превратил сосуд,
и масло неземного иноверца
любовь творило и вершило суд.
Сиянием надмирным и пристрастным,
и претворяло в вечности вино,
то, что дождем казалось беспристрастным,
и ткало манны саван-полотно.

* * *

Две птицы на корме
фонарщика ночного,
и сумерки вдвойне
притягивают слово
о некоем, о ником,
кто предстоит отплыть,
и горы сквозняком
опутывают нитью
и этот лес, и сны,
и зрячее прощанье,
и в небесах блесны
почти очарованье...

Вечная битва

Вечная битва!
За что меня хвалишь?
Сон да молитва –
нигде не слукавишь.
Млечная птица.
Прощенье без меры.
Тает страница.
Отпрянут химеры.
Капля забвенья
и ртутное слово,
эхо прозренья
и смерти обнова.

Людмила Яковлева

Ludmila Jakovleva

Рассказы про Марину Петровну

Проза

Толпа

Врач, кандидат медицинских наук, прозаик. Работала в Ленинграде научным сотрудником в одном из ведущих научных медицинских учреждений, писала научные статьи и книги, которых набралось более сотни. В 1991 году с семьей переехала в Хельсинки. Рассказы и переводы публиковались в журналах «Иные берега», «Родная Ладога», альманахе «Царицынские подмостки» и малотиражной газете «Yhdessä». В 2008 году в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург) в свет вышла книга «Человек, утративший надежду. Биография поэта Вадима Гарднера, рассказанная им самим», в 2009 году там же – «Записки дамы элегантного возраста», а в 2010 году – «Моих странствий ветер...».

Марина Петровна бредет по дорогам Чечни. Босые ноги ее по щиколотку утопают в жидкой серой грязи. Вокруг – толпа чеченских женщин. На них темные одежды, головы повязаны серыми пуховыми платками. К их ногам жмутся и стараются быть незаметными дети. Марина Петровна знает, что где-то далеко скрываются мужчины, но их не видно, они прячутся за спинами женщин.

По обе стороны дороги – раскисшие от обилия влаги поля, а на горизонте – голые безлистные деревья, в вершинах которых запутались низкие черные тучи. Идет бесконечный, унылый дождь. Все вокруг серо и неприглядно. И только белая короткая рубашка Марины Петровны и длинные, ничем неприкрытые бледные ноги ее, разнообразят этот скучный пейзаж. Растрепанные мокрые волосы прядями прилипли к плечам и капли дождя стекают с них тонкими струями.

Толпа медленно движется в полной тишине. Вдруг все заволновалось, шепот пронесся по рядам – впереди военный блок-пост. Дорога перегорожена джипами, свободным оставлен только узкий проход.

Рослый омовец в полной амуниции преградил путь. Женщины расступились, и Марина Петровна первая приблизилась к великану. Накануне ей провели полный курс противораковой химиотерапии. Омовец остановил ее и объявил, что она нарушает закон – цитостатики нельзя пронести через блок-пост в любом виде, даже внутри организма. Нарушение карается расстрелом.

Толпа окружила Марину Петровну – женщины и дети впереди, мужчины – сзади. Все молча, с осуждением, смотрели на нее. Некоторые крутили пальцем у виска. Никто не вступился за нее. Ей было очень плохо. От лекарств тошнило, и кружилась голова, она еле стояла на ногах. Упав перед омовцем на колени и сжав на груди кулаки, она в отчаянии воскликнула: «Убей меня! Я все равно не могу жить с такой огромной дозой цитостатиков! Мне плохо! Убей меня!»

Омовец отступил, а затем повернулся спиной и ушел. Марина Петровна, заламывая руки, громко кричала ему вслед. Никто не обращал на нее внимания. Толпа молча двинулась дальше.

Мечта

Сын женился поздно, в сорок лет. Зато по большой любви. Радоваться бы, но у Марины Петровны с первых же дней не сложились отношения с невесткой. Впрочем, чему удивляться? Как Марина Петровна уже давно поняла, никто из ее

приятельниц не смог подружиться и войти в доверие к молодой жене сына. Правда, принимая во внимание чужой опыт, она думала, что вот у нее-то все пойдет иначе. Она сразу полюбит невестку, будет ей помогать. Вместе они будут пить кофе, есть торт и разговаривать обо всем на свете. А еще лучше устраивать семейные обеды по воскресеньям и праздникам! Увы, для подобных затей нужно желание двоих.

В настоящее же время они, Марина Петровна с мужем и новая семья сына, поселились в одной квартире. Квартира состояла из двух спален, а между ним – гостиная. Комната Марины Петровны была небольшая, но очень светлая, с огромным арочным окном. Это нравилось ей и компенсировало все прочие неудобства. Дело в том, что дом их – суцая развалюшка, был сооружен из нестроганных досок, выкрашенных поверх мелом. Сквозь тонкий слой побелки явственно проступала грубая фактура плохо обработанного дерева. При этом грубые черные волосы, выпавшие из кисти и в процессе побелки прилипшие к стенам здесь и там, весьма неприятно разнообразили интерьер их жилища. Угловое жилище их находилось позади Московского вокзала на задворках заброшенных огородов. Там постоянно дул сильный ветер, всегда лил дождь, никогда никто не ходил и вообще это – забытое Богом место. Как выглядит комната невестки и сына, Марина Петровна не знала, так как никогда в нее не заходила. Она не имела никакого представления о том, какого она размера и как меблирована. В комнате же Марины Петровны стояла только одна кровать. Для остального места не нашлось.

Гостиная же была большой. Там был телевизор, и стояло несколько кресел. Как-то Марина Петровна с мужем сидели в креслах и смотрели телевизор. Вдруг стены и крыша их дома куда-то отъехали и они поняли, что их гостиная, при желании, может превращаться в террасу. Это несколько улучшило их настроение, хотя частые дожди и отсутствие солнца превращали это удовольствие в весьма сомнительную радость.

Она очень сожалела о том, что послушалась сына и позволила ему продать их с мужем квартиру. Сын также продал и свою квартиру и вот на эти-то деньги он и купил те хоромы, в которых они теперь жили. На что пошли остальные деньги, Марина Петровна не знала. Но жить так было невозможно, и Марина Петровна решила, что каждый день будет ходить к социальным работникам, плакать навзрыд, объяснить, что у нее совершенно невозможная жизнь, что с невесткой у них плохие отношения. Может быть, им выделят новую квартиру. В этот день она гуляла вдоль железнодорожного полотна с Мамой и делилась своими горестями. Рассказывала, жаловалась, плакала. Кругом – никого, только металлический шорох высохшего бурьяна да проступающая при каждом шаге сквозь мох, настоявшаяся на торфе темная болотная вода.

На обратном пути они набрали на маленький домик из трех стен – общественную уборную. Внутри никого не было, только на вешалке висело мужское пальто рисунком в елочку, а поверх – черная, мужская же, шляпа. Рядом стояла весьма элегантная сумочка. Марина Петровна и Мама заглянули внутрь – там находилась прекрасная старинная люстра. У обеих сразу мелькнула мысль о том, что эта люстра была бы прекрасным украшением для их жалкого жилища. Вот, если на стены повесить ковры и ими закрыть корявые доски, а посередине будет сиять антикварная люстра, то может быть, все будет выглядеть не так уж плохо и уныло. Они подхватили сумочку и быстро, поминутно оглядываясь, поспешили к своему дому.

На другой день они с Мамой гуляли в районе площади Восстания, а потом зашли в здание вокзала. На скамейке сидела молоденькая девочка в обтягивающих ее формы розовых брючках, розовой курточке и розовым язычком лизала розовое мороженое. У стены стоял мусорный контейнер, а над ним висел почтовый ящик. К нему подошла средних лет женщина. Она сняла с плеч рюкзачок, достала из него пачку писем. Просматривая каждый конверт в отдельности, женщина начала поочередно бросать письма то в мусорный контейнер, то в почтовый ящик.

Мама окинула взглядом огромный зал и вдруг увидела, что в стороне стоит прислоненная к стене щетка. Вероятно, ее оставила уборщица. В ворсе щетки что-то блестело. Мама подошла ближе и увидела, что к ворсинкам прицепилась брошь. Это блеск ее камушков привлек Мамино внимание. Она хотела поднять брошь, но та запуталась в щетке, и оторвать ее не было никакой возможности. Мама начала возиться со щеткой, а Марина Петровна посоветовала ей взять щетку с собой и дома, в спокойной обстановке, с помощью ножниц высвободить безделушку. Они так и решили. Мама взяла щетку и, держа ее на расстоянии от себя, чтобы не запачкаться, направилась к выходу.

И тут она нос к носу столкнулась с уборщицей:

– Так вы решили украсть у меня щетку! Милиционер! Здесь воры! – закричала она.

Марина Петровна подошла к уборщице и стала объяснять ей, что Мама случайно уронила свою брошь на пол, та закатилась под скамейку. Мама пыталась достать ее с помощью щетки, но брошь запуталась в ворсе. Со всех концов сбежались уборщицы и плотным кольцом окружили обеих женщин. Ушлые бабы, они быстро догадались, как все было на самом деле. А первая уборщица с эрудицией амстердамского торговца алмазами начала объяснять всем ценность каждого камня. Оказывается, все эти блестящие камушки – настоящие бриллианты большой цены. А один из них – всемирно известный камень под названием «Око неба» оценивался в целое состояние. Сзади уже слышались возгласы: «Вот счастливички. Повезло же им!» Уборщица начала помогать Маме высвободить драгоценность из ворса щетки. И вдруг все уборщицы, как одна, исчезли. Марина Петровна и Мама оказались одни в громадном зале, а вокруг – никого.

Марина Петровна поняла, что их ловко обманули и что они не получают броши, которая им и не принадлежит. Она взяла Маму под руку, и они вместе тихонько побрели через слякоть огорода, мимо размытых грядок с остатками пожелтевшего лука, гнилых тыкв и прочей растительности в свой полуразвалившийся дом.

Острая боль вдруг пронзила Марину Петровну до самых костей. Она проснулась. Голова сползла с подушки и свешивалась за край постели. И тут она поняла, что впереди у нее целый день, который она потратит на борьбу с жестоким приступом мигрени.

18.09.2009

Танец

День обещал быть хмурым и ветреным. Да и что в этом удивительного – ноябрь. Уже в середине дня темно. Но сейчас первые лучи низкого северного солнца весело золотили ветки тополя, росшего напротив окна. А под окном была рябина. В этом году урожай ягод был небывало богат. Но дрозды и свиристели уже склевали почти все ягоды. Нежный свист свиристелей несколько дней слышался под самым окном и создавал приятный фон для домашних событий. Дрозды же иногда с размаху влетали в стекло, принимая отсветы в окне за голубое небо, которое отражалось в нем. В такие дни Марина Петровна подбирала под окном маленький, холодный трупик.

Сейчас ветки рябины совсем голые. Ни ягод, ни листьев. Остался только один красный зубчатый листик, который под ударами осеннего ветра мелко дрожал от стужи. Никому не нужный, неинтересный и бесполезный, он походил на одинокого старого человека, страдающего от болезней, холода и бесприютности.

Марина Петровна живет в Финляндии вместе со своей семьей уже пятнадцать лет. Трудный период адаптации прошел, и жизнь как бы вошла в свою размеренную колею. Она достигла пенсионного возраста и ей уже не надо искать работу, выслушивать отказы и выстаивать очереди в бюро по безработице. А в те, уже прошедшие, времена она постоянно ощущала себя неполноценной. Теперь же нет причин для волнения, она – пенсионерка. Можно предаться спокойным занятиям. Например, подумать о

прожитых годах. Рассказать кому-нибудь, или самой себе о прошлом, о счастье и горе, о радостях и неудачах. О том, что она пережила и передумала за свою жизнь. Может, кто-нибудь и заинтересуется, может кто-нибудь и прочтет. А, если и никто не прочтет, то все равно, есть занятие. Есть интерес в жизни.

Марина Петровна стала писать рассказы. Ее приняли в местное литературное сообщество. Там она занялась общественной работой и почувствовала себя как-то на своем месте. В описываемый день в Русском центре были праздничные дни с концертами и интересными встречами. Марина Петровна собиралась пойти на концерт, в котором принимало участие и сообщество, членом которого она состояла.

Концерт длился долго, чуть ли целый день. Одни уходили, другие сменяли их, третьих вызывали на сцену. Марина Петровна также несколько раз выходила из зала. Пообедать, встретить друзей, поговорить, сделать дела. К концу она снова вернулась в зал. Было удивительно тихо. На сцене танцевала красивая бледная девочка-подросток. Танец был необыкновенно красив и волновал чем-то непонятным, неведомым. Было совершенно очевидно, что девушка не профессионалка, но в каждом движении ее чувствовался нечто затаенное, как будто танцовщица хочет подать зрителям какую-то неведомую весть. Зал замер и ни один звук, ни шорох, ни кашель не нарушали священной тишины. Не в силах оторвать взгляда от ее танца, Марина Петровна на ощупь пристроилась в самом последнем ряду рядом с молодым человеком-осветителем. Он напряженно и с болью смотрел на артистку. Когда девочка закончила, то подошла к ним, села рядом с осветителем. Тот представил Марину Петровну ей: «Это Марья Львовна, она пишет рок-н-ролл!» Марина Петровна не стала возражать, хотя она и не Марья Львовна, и не пишет рок-н-ролл. Просто на один ее текст была написана музыка, и певец накануне ее исполнил. Какая разница, как кого звать? Какая разница, что она пишет? Марина Петровна смотрела на девочку. Та стала еще бледней, потом откинулась на спинку дивана, закинула руки за голову и сказала: «А я больше никуда не поеду. Я останусь здесь навсегда. У меня рак. Жить мне осталось всего несколько дней!»

4.11.2009

Выстрел

Они молча вошли в бесконечно длинный подвал. Было темно, пахло пылью. Слышался тихий шорох текущей по фановым трубам воды, да где-то с размеренностью метронома капало из крана. Конец помещения терялся далеко в полумраке и поглощался пыльным маревом.

Марине Петровне не было страшно. Она была уверена, ее спутник в любой ситуации не потеряет присутствия духа. Они знают друг друга более тридцати лет. Он был небольшого роста, худощав, одет со щегольством представителя среднего класса. Но весь он походил на сгусток энергии, крепко свернутую пружину, которая в любой момент может распрямиться с огромной силой.

Познакомились они в заграничной поездке. Для Марины Петровны это была первая поездка за рубеж. Она долго к ней готовилась, но все равно то, что она увидела, произвело большое впечатление. Да и вся обстановка путешествия была праздничная и, может быть, вот этот исключительный и необычный настрой создал фон для длительной дружбы уже семьями. Оказалось, что у него очень милая и симпатичная жена, с которой они очень скоро подружились. Да и что удивительного? Они принадлежали к одному классу, у них были сходные жизни, интересы, проблемы и мечты...

Вдруг какое-то едва различимое движение отвлекло ее от мыслей, тихо роящихся в ее голове. Что происходит? И тут они одновременно заметили, что впереди что-то блеснуло. Затем они явственно разглядели, на них наставлено дуло оружия. Кому предназначалось оно? Пахнуло холодом. Ствол медленно двигался вправо и влево от

Марины Петровны к ее спутнику. Они не испугались, не закричали, не задохнулись от страха. Они замерли и стояли, не шелхнувшись, не дыша.

Раздался выстрел. Низкие стены подвала гулко усилили звук его многократным эхом. Когда осела пыль, и уши привыкли к тишине, Марина Петровна увидела лежащий у ее ног труп ее спутника. Кто-то с шумом смыл воду в фановую систему, затем наступила тишина, в которой зачастила метрономом капель.

Компьютерная смерть

За последнее время жизнь наша сильно изменилась, стала интересной и волнующей. Все достижения современной технологии очень интересуют меня. И хотя я не могу их освоить полностью, то использование компьютера, сотового телефона, MP3-проигрывателя и прочих чудесь современной техники доставляют мне большое, почти физической наслаждение.

Как-то я работала за компьютером со сравнительно молодой женщиной. Вероятно, она в таком же восторге от достижений современной науки, как и я. Когда мы с ней закончили нашу работу, та воскликнула: «Как же мы все хорошо сделали! А ведь я помню время, когда и сотовых телефонов не было!» Я поддержала ее и поделила с ней радость бытия. Но про себя усмехнулась и подумала: «Что сотовые телефоны! Я помню время, когда и электричества не было. Во время войны мы с мамой сидели при коптилке!» Но вслух ничего не сказала – все равно она, такая молодая, ничего не поймет.

Достижения нашего высокотехнологического общества дошли до того, что уже нет проблемы жизни и смерти. Когда человек почувствует, что ему пора уходить в «лучший мир», он уходит тихо и спокойно, без боли и страдания. Надо только в окне компьютера выбрать нужную строчку, нажать на нее мышью – и вот, тебя уже нет. Ты переселился в Небытие.

Мы с мужем сидим в кинотеатре. Я каким-то образом поняла и приняла решение, что пришло время моего переселения в другой мир. Компьютерное изображение проецируется на экран кинотеатра. Мышь у меня в руках. Я выбрала нужное окно и медленно передвигаю стрелку по длинному ряду служб. Не торопясь читаю каждый ряд и ищу тот, который решит мою судьбу. Почему-то я не очень уверена, что хочу уходить в небытие. Тем не менее, я достигла искомой строки и нажала на кнопку мыши. Еще в то время, когда я выбирала необходимую службу, муж мой, который на все происходящее смотрел вполне спокойно и считал это совершенно нормальным, сел мне на колени. Ему больше нравилось мое место. А ведь сейчас, через мгновение, меня не станет. Вот он и решил сразу перебраться на него – вдруг кто займет раньше?

Итак, я нажала эту самую нужную кнопку, меня уже нет. Обычному человеку невозможно понять и представить, что будет после его смерти. Никто еще не приходил из того мира небытия, из «лучшего мира» и не рассказывал, что там. Хорошо там, или плохо? Что будет, когда тебя совсем-совсем не станет? Да и может ли человек представить, что его нет, а жизнь продолжается, солнце все также восходит и заходит, и освещает, как ни в чем ни бывало, этот прекрасный, но оставшийся без тебя мир. Все также цветут цветы, люди любят, дети рождаются – нет, этого просто не может быть! А вдруг с моим уходом уже ничего не останется? Погаснет солнце, засохнут деревья, высохнут моря, остановится вся жизнь? Ну, это не оригинально. Об этом уже много говорили люди поумнее меня.

И вот, я знаю, что меня нет, что я невидима. Хожу по своей квартире, занимаюсь домашними делами. Перестирала все свое белье, все свои вещи. Они пестрой кучкой лежат в углу дивана. Остановилась в раздумье, что мне с ними делать, куда положить? Решила, что возьму сумку, сложу все и напишу, что это вещи,

оставшиеся после моей смерти. Как-то одиноко мне было. Одна, никому не нужная, невидимая. Муж мой еще сидит в кинотеатре и смотрит фильм. Начала складывать вещишки. Дошла до красненького японского халатика, украшенного рисунком, изображающим ветку цветущей сакуры. Оставила его себе. Я люблю этот халатик. Буду надевать его. Буду невидимым приведением в красном шелковом японском халате.

Что-то веду я себя не как привидение. Те ведь никого и ничего не любят. Я же говорила, что человеку невозможно представить, что будет после него!

Владимир По

Vladimir Po

Поэт и артист-декламатор. Родился в 1957 году в Карелии. В 1990 году переехал в Финляндию. Автор книг: «Сказки и были Вовочки-стихоплета» (2007), «Палата №6» (2011), «Город уснувших надежд» (2011), «Плоды любви» (подготовлена к выпуску). Аудио-книги: «Палата №6», «Похититель снов», «Город уснувших надежд». Участник фестивалей авторской песни в Тарту, в Хельсинки. Выступал с концертными номерами и авторскими программами в Клайпеде, Паланге, Вильнюсе, Санкт-Петербурге.

Поэзия

Город уснувших надежд (отрывки из поэмы)

* * *

Гуляли Таврическим садом
Перед отъездом моим,
Дивились волшебным фасадам
Смольного, лепкам резным!

Стоял собор в запустеньи,
Забытый, в тучах лесов,
И увядал в преступленьях
Партократов – воров.
Растрелли, влюбленный в барокко,
Собор создавал на века.
Взметнулась громада высоко.
Ну, кто ж вдохновлял старика?

Какие же Музы летали,
Над светлой его головой?
Вились расписные спирали
По крышам седою резьбой,
Звучало небесное пенье,
Ангельский хор голосов,
Христа голубое свечение
Среди деревянных лесов.
Большим лучезарным светилом
Блестели в ночи купола,
И мелодичным отливом
Звонили колокола.
Любовь провожали, наверно,
Силою басов своих,
Жалобно так и степенно,
Нас отпевали двоих.

* * *

«Да ладно... поехали дальше
Дворцовую площадь смотреть.
Нет в этом городе фальши,
В нем я хочу умереть».
Держали Атланты на спинах
Дворцы, дома, небеса,
В которых жила Катерина,
Императрица-гроза.

Растрелли строил барокко,
Росси напротив – ампир,
А Монферран так высоко
Меж ними перст возводил.
Александрийский, имперский
Точеный и царственный перст.
Как посох верховный, библейский,
Сковавший своды небес.

* * *

Осенний дождь морозящий
Все становился сильней.
Попутке махнув проходящей,
Я попросил: «Поживей
Подбросьте нас до собора
Апостолов Павла, Петра!»
А дождь поливал без разбора,
Как из большого ведра.
Случилось великое чудо:
Над Петропавловкой вдруг,

* * *

Сигнал отправления дали,
Я первым был в кабаке.
Глаза дорогие в печали
Представились вдруг вдалеке.
Они отражались на водах
Зрачками глубин, синева
В закатах и ярких восходах
На глади капризной Невы.
А в Петропавловском шпиле
Мне чудился женщины стан,

Бог весть, не знаю откуда,
Открылся божественный круг.
Разодрана стала на части
Тяжелых небес пелена,
И ангел-хранитель причастно
Глядел из проема окна.
На сто двадцать два с лишним метра
По шпилью, взлетев в облака,
В порывах бешеных ветра
Порхали два дивных крыла.

Которой я верен поныне,
Хотя и большой хулиган.
Каналов локоны, речек
Сплетались в дивную прядь,
Мостами заколок, уздечек,
Скрепляя чугунную статью.
Переливались в проспекты
Сады, лесопарки, дома,
Что Пушкиным были воспеты,
И что не забыть никогда.

Ася Пеконен родилась в Санкт-Петербурге. Там же окончила университет. Сейчас учится в Хельсинском университете. Окончила школу молодых журналистов при редакции газета «Смена» и при Доме журналистов в Санкт-Петербурге. Печаталась в газетах Санкт-Петербурга, в сборниках Финляндии и Москвы.

Ася Пеконен

Asja Pekonen

Невеста из Петербурга

Проза

Самолет вылетел из Копенгагена. За окном остался город Андерсена, пронеслись четкие линии полей, и показалось море. Конечный пункт – Россия, город Санкт-Петербург. Группа романтически настроенных мужчин из Дании, отправились на восток, в надежде найти себе там жену. В последние годы на их родине утвердилось мнение, что русские девушки мягче и добрее, чем эмансипированные датчанки.

Клаус жил недалеко от Копенгагена в городе Роскильда. Это был несколько плотноватый мужчина лет тридцати с добродушным округлым лицом. Он не был женат, хотя у него была подруга, которая любила выпить, а, выпив, любила устраивать скандалы. Клаус устал от

неустроенности, от резких, часто жестоких упреков, от ее утреннего похмелья. Ему хотелось покоя, хотелось найти добрую, ласковую женщину, о ком-то заботиться, кому-то покровительствовать и потому он с нетерпением ждал встречи с русскими красавицами.

* * *

А в Петербурге начиналось хмурое февральское утро. Ветер, морось, серый сырой снег. Дети средней группы детского дома просыпались, как всегда, нехотя – впереди ничего веселого, холод и слякоть на улице и потому особенно хотелось спать. Но этот день должен быть не таким, как все – сегодня дежурила их любимая воспитательница Светлана Алексеевна. Невысокая, белокурая, с большими темно-зелеными глазами, веселая и искренне приветливая, она нравилась всем.

– Доброе утро, дети! Подъем, подъем! Просыпаемся, открываем глазки, застилаем кровати, идем умываться!.. – звучал добрый и мягкий голос.

Светлана Алексеевна помогала заправлять постели, ласково тормоша тех, кто еще не проснулся: – На зарядку становись!

Заиграла музыка, и дети стали строиться. Они уже улыбались и старательно повторяли за Светланой Алексеевной нехитрые упражнения.

* * *

Ольга сменила ребенку подгузник, и устало вздохнула. Малютка Елизавет стала плохо спать, и это вконец измучило Ольгу – молока у нее мало, ребенок явно недоедает, но врач рекомендует не торопиться с прикормом. В голову лезли невеселые мысли. Какая скучная у нее жизнь! И для чего надо было выходить замуж за Питера? Он никак не хотел уезжать из Санкт-Петербурга, потому что такой интересной работы с такой хорошей оплатой в Дании, по его словам, ему не найти. А Ольге так хотелось повидать мир! Она устала от петербургской зимы, от надоевшей обыденности, от серых, недобрых лиц. Хорошо, что муж пошел навстречу и согласился оплачивать

няню. Света, хоть и была еще довольна молодой, но как-то умела прекратить невыносимый младенческий плач, так что Ольга со спокойной душой уходила на шопинг или фитнес. Она следила за фигурой, подсчитывала количество калорий и держалась всех направлений современной моды, – положение обязывало! Имея не очень яркую внешность, после посещения салонов она выглядела не хуже Грейс Келли.

* * *

Юрий постоянно находился под давлением – он устал от приказов жены, но деваться ему было некуда: главой бизнеса была Ирина, смелая и в то же время расчетливая бизнес-вуман. Как решила жена, в обязанности Юрия входили вопросы, касавшиеся безопасности фирмы. Дело процветало, и супруги, точнее, Ирина, собирались купить участок земли около Ладожского озера. Правда, жена его была очень эффектна – темные кудри, голубые глаза, стройная фигура; но в их тусовке было принято проводить время в салонах красоты, и Ирина любила их всей душой. А Юрий любил... девушек. У него учащенно билось сердце от избытка тестостерона, и он бездумно порхал от юбки к юбке. Как теперь стало принято говорить, он охотился за всем, что движется. Считая, что жена с ним излишне сурова, он тянулся к мягким, податливым девушкам, тихим и спокойным. Стиль его жизни состоял в том, что обычно он встречался с несколькими избранницами. Одни уже стали его любовницами, другие еще нет, с третьими он начинал отношения, думая в то же время, как избавиться от первых. Новая знакомая по имени Света не была эффектной красавицей, но она была милая и веселая, и Юрий не сомневался, что скоро и она окажется в его постели. В глубине души он считал себя совершенно неотразимым, легко и свободно переходя от одной связи к другой и одновременно презирая всех женщин.

* * *

Самолет приземлился в аэропорту Пулково-2. Датчан погрузили в автобус и повезли в город. По обеим сторонам дороги лежали груды грязного снега. Но когда выглянуло солнышко, настроение женихов улучшилось. Они торопились в гостиницу, ведь вечером ожидалась встреча с невестами!

И вот, наконец, наступил долгожданный вечер. В ресторане накрыли столы. Менеджер агентства знакомств громко и торжественно произнесла по-английски речь о славянских красавицах. У Клауса была личная переводчица, и пока к нему подходили красивые, вежливые и улыбчивые девушки, она не отходила от него ни на минуту. К концу вечера он перезнакомился почти со всеми, но так и не договорился ни с кем о встрече. Поэтому он был немало удивлен, когда на следующий день в холле гостиницы к нему подошла красивая, как фотомодель, девушка и смело заговорила с ним на хорошем английском языке:

- Добрый день. Я – Люда. Мы ведь договорились встретиться вчера, ты помнишь?
- Конечно, – неуверенно, пряча замешательство, отозвался Клаус. – Зайдем в кафе?
- О нет, я приглашаю тебя в гости, я на машине. Ты должен посмотреть, как живут русские люди.

Лавируя по запруженным улицам мегаполиса, Люда вела машину быстро и уверенно. Неожиданно они свернули на стоянку громадного торгового центра.

- Я захвачу компьютер, который давно собиралась купить, – заявила девушка.

Они долго ходили в гудящей толпе людей по бесконечному залу. Люда неумоимо цокала высокими каблуками, но Клаус быстро устал, ведь он только вчера прилетел в этот огромный, шумный Санкт-Петербург. Наконец, Люда выбрала компьютер, стоивший почти тысячу евро, и направилась к кассе. Клаус побрел за ней. Девушка с улыбкой протянула кассиру свою электронную карту, но карточка то ли не работала, то

ли там не было денег. Людины щеки покраснели, она теребила сумочку и чуть не плакала. И тогда Клаус сказал, что заплатит за компьютер.

Из торгового центра они сразу поехали домой к Люде, где их ждал ужин, приготовленный Людиной мамой, тихой и незаметной, как серая мышь, женщиной. Клаус прекрасно понимал, что его использовали, и, с отвращением съев жирный блин и запив его стаканом чая, заторопился в гостиницу. Люда вышла его провожать, помогла поймать такси, кокетливо поцеловала в щеку и поблагодарила за подарок. От нее пахло духами «Шанель Мадемуазель».

* * *

Юрий встретился со Светой на улице. Ее бабка, старая карга, не разрешала внучке принимать мужчин, тем более женатых. Но из любой ситуации есть выход, а потому Юра решил, что они со Светой зайдут в гости к другу, а тот, согласно предварительной договоренности, уйдет, якобы, по делам. Вот тогда он и добьется от нее желаемого!

– Привет! – Света улыбалась. Юра ей очень нравился, хотя и был женат. Внутренне Света понимала, что она поступает нехорошо, но ей трудно было отказаться от встреч с этим симпатичным парнем. Поэтому она убеждала себя, что они только друзья – гуляют, ходят в кино, – ну кому от этого плохо, думала она про себя.

– Привет, зайчика! – Юра ласково обнял девушку и поцеловал. – А что это у тебя в пакетике?

– В пакетике термос. У нас отключили электричество, зайдём к подруге и я подогрею еду, это совсем недолго.

Но Юра к подруге заходить не стал, оставшись ждать в машине. Света вернулась довольно быстро. Она радостно бежала к машине, подпрыгивая на ходу от оживления.

– Разогрела супчик бабушке, вот умница, хорошая девочка, – Юра принялся ласково гладить Свету по плечам и целовать. – А теперь едем в гости!

Света улыбалась, ей нравилась страстная нежность взрослого опытного мужчины. Но уже в подъезде своего дома она стала серьезной. Ей и хотелось, и не хотелось ехать к какому-то другу. Юра интуитивно догадывался о ее состоянии и улавливал и боязнь, и переживания девушки. Конечно, она мечтала не о женатом мужчине, а о холостом принце на белом коне. Юра это понимал, но был полностью захвачен охотничьим азартом, желанием победить и на этот раз. Возбуждало также предчувствие того, что ему будет с ней хорошо. Уж очень славная и привлекательная девушка! У других в ее возрасте по паре собственных ребятшек. А эта гуляет себе с чужими на свежем воздухе, а потом ест за двоих. Вон, какие щечки розовые наела. Дома за нее все бабуля делает. Лафа, а не жизнь, не то, что у его деловой жены!

Дверь открылась, за ней показалась женщина в седых букольниках и зло взглянула на Юру.

– Вот суп, бабуля, бери, – прошептала Света, – а нам пора.

– Ох-ох, внученька, умираю, – застонала старуха. – Давление, наверно, «скорую» надо вызывать. – И, пошатываясь, скрылась внутри квартиры.

– Как же так? – заволновалась Света. – Юра, я не смогу пойти, ей плохо!

– Она же все придумала, ты, что, не понимаешь? – зашипел Юрий, ни на минуту не поверив старой притворщице, выглядевшей весьма бодро и совершенно не похожей на больную. Но Света торопливо чмокнула его в щеку и захлопнула дверь. Давление, и правда, оказалась только чуть повышенным, поэтому Света решила не вызывать врача, но на всякий случай дала бабушке таблетку от давления, которую та охотно и весело проглотила.

* * *

На следующий день, в субботу, Клаус опять увидел в холле Люду. Ему было неприятно вспоминать о том, как ловко она его провела. Люда же, как ни в чем ни бывало, с радостной улыбкой подбежала к нему и предложила продолжить осмотр города. Но Клаус сказал, что договорился встретиться со своим старым другом Питером, который живет на Васильевском острове. Люда тут же взялась составить ему компанию, однако Клаус ответил, что не может взять ее с собой, поскольку у датчан так не принято. После минутной паузы Люда все поняла и ушла.

Питер и Ольга встретили Клауса вкусным обедом. Их маленькая дочка Елизавет была в своей комнате с няней. Оттуда слышалось нежное воркование и веселое гуканье малышки, которая быстро уснула, так что Ольга предложила няне выпить с ними кофе, пока девочка спит.

Няню звали Светлана, она довольно хорошо говорила по-английски. Она как-то сразу приглянулась Клаусу, отвечала просто и ласково, словно его мама, не заигрывая и не пытаясь ему понравиться. К тому же она и внешне походила на датчанку. Клаус пошел провожать девушку. По пути та показала ему двухэтажное здание: это был детский дом, где она работала.

В воскресенье, чтобы избежать встречи с Людой, Клаус вышел из гостиницы через черный ход и поехал к детскому дому, который увидел вчера. Среди воспитательниц, выходящих с детьми на прогулку, он увидел и Светлану. В руках у нее был мячик. Она затеяла с детьми игру, во дворе поднялся радостный смех и визг. Вдруг побежавшая за мячом маленькая девочка споткнулась, упала и заплакала. Светлана легко подняла ребенка на руки и стала успокаивать. Она села на скамейку, посадила малышку рядом, обняла и начала гладить по голове. И вдруг Клаусу сильно, до боли захотелось, чтобы руки Светланы погладили и его волосы тоже.

* * *

Возвращаясь с работы, Света увидела у подъезда Клауса с букетом ярко-красных роз. Клаус понимал, что времени у него мало и потому сразу решил перейти к тому, зачем пришел.

– Я хочу, чтобы ты пошла завтра со мной в консульство, получила визу и смогла бы приехать ко мне в гости, – сказал он.

Света ничуть не удивилась, она только засмеялась, ласково посмотрела на него и пригласила зайти в гости. Дома в их скромной квартирке совершенно здоровая бабушка пекла воскресные пирожки. Она внимательно оглядела Клауса, увидела, как он смотрит на Свету, и одобрительно кивнула головой. К концу вечера она, несмотря на то, что не знала языка, уже поняла этого человека и с улыбкой разрешила Свете поехать в Данию. В понедельник вечером Клаус улетел домой. Днем они со Светой успели подать заявление на визу. Клаус был в восторге. Он все-таки нашел в России необыкновенную, красивую, нежную, добрую и умную девушку! А Света во вторник с утра заехала в Дом книги и купила учебник датского языка. И оба они в эти дни были абсолютно счастливы, и не задумывались о том, что будет дальше...

Татьяна Кивинен
Tatiana Kivinen

Родилась в Ленинграде. Школа, техникум по специальности «Архитектура», ЛИСИ, факультет архитектуры. Художник, поэт. В 2001 году переехала в Хельсинки. Публикации – только в альманахе «Иные берега».

Поэзия

* * *

Когда рассыплются все замки на земле
И бог войны смешает с прахом слезы,
Я выведу... Ты помни обо мне –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

Пусть будет голос слаб, когда в руке рука,
Но не когда мой крик разрушит смерти грезы.
Я выведу тебя туда через века –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

Останется дрожать в бессилии тоска
И звезды заберут земные слезы.
Я знаю – смерти нет.
Я знаю... А пока –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

5.04.2011

71

Роберту Винонену

Ты сказала, что я
не смог написать о любви...
Р. Винонен

Любимый, послушайте странницу, блудницу:
Я Ваша поклонница,
Верьте мне, сбудется,
Встретится, станется...
Слушайте женщину:
Мне это нравится –
Знать, видеть, чувствовать
Сном и бессонницей.

В горе и в радости
Ваша поклонница.

* * *

Кто-нибудь мне скажет про любовь,
Но никто тебя не скажет лучше.
Если это хоровод из снов,
Я хочу остаться в нем заблудшей,
Не желающей вернуться вспять,
Знать, что шепот – голоса сильнее,
Как молитву имя повторять,
Лишь в тебя, единственного, веря.

* * *

Я хочу раствориться – это ведь не расстаться...
Я хочу преломиться из страданий пространства.
Перекрыть все границы, чувства все – на засовы,
Чтоб не дать возродиться ничему из былого.
Я не самоубийца – тяжела только память –
До последней страницы я хочу все исправить.
На подачках от счастья не живу – не умею.
Мне чужого не надо – своего не имею.
Так, наверно, и лучше – ничего не теряю.
Счастье – тоже оковы, – я откуда то знаю....

Поэт, литературный критик и литературовед из Казани. Родился в 1975 году в селе Калда Барышского района Ульяновской области. В 1998 году окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета по специальности «Русский язык и литература». В 2006 году там же защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству поэта Николая Блогова. Является автором поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал» и монографий «Поэтический мир Николая Блогова», «Николай Блогов», «Лирика И.Л. Лиснянской в контексте русской поэзии».

Рамиль Сарчин

Ramil Sarchin

Лед и пламень

(О стихах Татьяны Кивинен)

Критика и публицистика

Наверное, читая первые стихи Анны Ахматовой, тогдашний читатель, избалованный изысканной поэзией символизма, был удивлен простотой поэтического языка художника, сводящей чуть ли не до бытовых сфер высокий предмет поэзии. Думаю, были и такие, кто, в силу этого, не признавал в Ахматовой поэтического таланта. И лишь некоторые (Михаил Кузмин, Александр Блок, Владислав Ходасевич, Николай Гумилев, Николай Недоброво) за «обыденностью», неброскостью письма прозревали глубины души и мысли поэтессы.

Не хочу проводить прямых аналогий, но мне кажется, что и Татьяна Кивинен могла слышать подобные упреки от некоторых своих, прямо сказать, недалёковидных, читателей, а может быть, и коллег по поэтическому цеху. Ну, действительно, куда уж «проще»-то:

Позаботься о сыне,
Позаботься о дочках...
На измятых листочках
Ставлю скромную точку.
Мне не вымучить жизни
И сама я не рада...
Я уйду, вы останьтесь
И не плачьте – так надо.

Стихи просты до кажущейся «безыскусности» – для искушенного версификационными изысками читателя. Не только в процитированном, а и во многих других стихотворениях поэтесса будто бы совсем не озабочена поиском оригинальных, запоминающихся рифм – самой, пожалуй, «стихоотличительной» особенности поэтического произведения. Они у нее почти сплошь «классические»: рифмуются слова одной и той же части речи, часто это рифмы глагольные, порой неточные. Мало того, в ряде стихов не всегда выдержан «правильный», «ровный» с точки зрения «традиционного» стиха, а потому привычный для «обычного» уха ритм. Тут уж невольно задашься вопросом: а владеет ли поэтесса техникой стихотворной речи?

Но надо быть уж совсем не далеким в поэзии человеком, чтобы читая стихи Кивинен, не понять, что все выше отмеченное (и другое – я сказал лишь о наиболее «отличительных» признаках стиха) – продуманный поэтический ход. Все это словно для того, чтобы как бы подчеркнуть дневниковый характер стихов, написанных словно только для себя и очень близкого человека – с установкой быть предельно понятой:

После ливня день опять светил.
Листья азбукой дождя твое роняли имя.

Кто-то до меня тебя уже любил.
Знаю я, ты счастлив был с другими.

Жить все время в прошлом тяжело:
Сотни «почему» и не ищи ответа.
Так недолго будет нам светло
После ливня в переливах света.

Даже в этих «Стихах на заданные рифмы», написанных «по рифмам» стихотворения Иннокентия Анненского «Среди миров...», Кивинен не хочет идти «след в след» за великим предшественником: она «ломает» классически ровный стихотворный ритм. И даже существительное «светил» в рифме делает глаголом. Этим самым поэтесса как бы обращает внимание на то, что ей важно создать ритм обычной, естественной с точки зрения повседневно-повсеместного общения речи, как и в другом, например, стихотворении:

В белых кулуарах
Этой лунной ночи
Мы с тобой простимся
Очень просто.
Хочешь?

Надо ли на части
Резать наши души...
Я пока живая
И мне больно,
Слушай...

Не пошел бы, милый,
Ты к своей невесте
Новопосаженной
На том самом месте...

Даже знать не хочется,
Хорошо ли можется.
Мне о вашем счастье
Ни к чему тревожиться...

Лунною дорожкой
Нашей первой ночи
Я уйду неслышно
Очень просто.
Хочешь?

Простота речи, ее кажущаяся необработанность, граничащая со спонтанностью, оттеняет «простоту» чувства в смысле его искренности, интимности, сокровенности. И эта самая простота есть не что иное, как *глубина* переживаемого, при всей, казалось бы, его обыденности, даже, может быть, некоторой несерьезности, легкости – даже в смысле любовных отношений:

Мне бы не хотелось огорчать Вас слишком,
Но меня лет тридцать не зовут «малышкой»
Я давно не «детка» – не печальтесь очень...
Вероятно, просто Вы ошиблись ночью.

В простынях-Бермудах канула реальность.
 Потеряв рассудок, Вы в меня влюблялись...
 Но вернуть Вам разум не спешила, каюсь –
 Я себе такую даже больше нравлюсь.

И процитированных примеров достаточно, чтобы даже совсем не знакомый с поэзией Кивинен человек понял, что тема любви в ее лирике – ключевая. Впрочем, ключевая она вообще и в отечественной, и в мировой поэзии. Сколько о ней написано, сказано! Обращение к ней – серьезное испытание для любого автора, потому что трудно сказать здесь что-либо свое, незаемное, без чего никакое настоящее творчество, искусство невозможно. И если уж удастся набрести на свою тропку, то это безусловное свидетельство не только наличия, но и зрелости таланта. Это всецело относится и к Татьяне Кивинен.

Основной мотив-чувство, окрашивающий любовную лирику поэтессы, – *нежность*. Словарь Ожегова–Шведовой дает такое толкование этого понятия. Во-первых, нежность от слова «нежный», то есть ласковый, исполненный любви. Во-вторых, это нежное слово, поступок. Но следует помнить и о том, что слово «нежность» в своем изначальном корне восходит к такому уже несколько забываемому, архаичному понятию, как «нега», что значит полное довольство, блаженство, а также страстное томление, ласка. Стало быть, это полнота ощущения бытия, гармония с ним, постигнутая через любовь. И в этом – ее истинная суть, высокой назначение, равное смыслу жизни вообще! Говорю все это для того, чтобы подчеркнуть, что такова любовь у Татьяны Кивинен, такова глубина ее постижения поэтессой. И выражена ее любовь-нежность столь же нежными, до желания женственными словами:

Не приходи ко мне – сама приду я.
 А, может быть, простым дождем прольюсь...
 И на губах останусь поцелуем,
 И нежностью в ладонях сохраниюсь.

Или же в других стихах: *«Такая нежность из твоей ладони, // Как-будто лед ты положил в огонь...»*. При этом примере впору заговорить о мотивных образах любовной лирики Кивинен – *льде и пламени*. Кстати, они «классические», пожалуй, даже несколько «пообносившиеся» в поэзии любви – и не только. Здесь можно было привести сотни стихов, но ни заниматься не хочу легковесным делом, ни присваивать плоды чужого труда. Для любознательного и не очень любящего утруждать себя читателя, – да и в конце концов не все мы рождены быть литераторами, – укажу лишь на книгу «Словарь языка поэзии» Н.Н. Ивановой, где можно легко почерпнуть массу сведений об образном арсенале русской лирики.

Несмотря на то, что образы льда и пламени, мягко говоря, давно не первой свежести, в стихах Кивинен они необыкновенно искренни, личностны, создают очень точный, зримый, прочувствованный, кожей ощущаемый образ. Вообще, это отличительное свойство метафор поэтессы: они своеобычны и очень естественно и точно передают суть явления: *«Небо за озеро держится дождиком чистым»*, *«...бородою лед свисает с каждой крыши»*, звезды-слезы... В них находят отражение и не явленные, сокрытые в глубине человеческой души сущности: *«Вечерняя заря – в нас вечная утрата...»*.

Лед подчеркивает жар любви, в котором и растапливается – мгновенно! Может быть, поэтому стихи Кивинен – короткие. Они кратки, как дыхание до предела взволнованного человека, охваченного сильным чувством, страстью. И тот же неровный, сбивчивый ритм – тоже отражение сильного, на пределе человеческих сил волнения. Лед (вода) и пламень – это две составные, два вещества любви: *«...ранка на губах так сильно жжет, // Что поддается даже этот лед»*. В своем слиянии они и рождают нежность: *«Такая нежность из твоей ладони, // Как будто лед ты положил в огонь...»*. Но не только: в их соитии кроется трагизм мироощущения – от

невозможности быть вместе. Наверное, поэтому у Кивинен так много стихов о нереализовавшейся любви, разлуке. Конец любви приравнен к концу света: *«Я не люблю тебя – // И гаснут звезды»*.

Вообще, тема конца – не только любви, но и конца как смерти вообще – еще одна стержневая тема лирики автора. Так они и идут в ее стихах рука об руку – Любовь и Смерть. Это две равнозначные стихии ее души. Кажется, тема смерти впервые появляется в стихотворениях об ушедшей матери: *«"Танька моя", – говорила мама...», «Так вышло – я спала и сразу снег на ветках...», «Вчера опять ты прилетала...»*. Это одни из лучших стихов Кивинен. Они помогают ей – через память о самом близком человеке, через внутренний диалог с ним – изжить боль утраты, примириться с нею. Но думаю, тема смерти у поэтессы все же мотивно подготовлена именно стихами о любви и связана с любовной «утратой» – настолько сильна, всепроникающа в этом поэтическом явлении тема любви. Ради нее лирическая героиня готова на все, даже на смерть: *«Все отдам, а если он попросит, // В желтых листьях осени умру»*.

Усиленное внимание к любви и смерти – двум основам бытия – позволяет поэту в краткой и емкой формуле выразить целую философию жизни: *«"Жили-были" всегда "однажды" – // То и значит, что жили "в лад"...»* – и найти в ней искомую и желаемую гармонию в отношениях между мужчиной и женщиной, в любви, да и вообще в жизни. Да и что есть выше любви, когда ею все искупается и искупится. И поэтическому зрению Кивинен эта истина ясна как день: *«...вижу даже, как в конце пути // Любовь нас оправдала перед Богом»*. Вот так вот: просто – но о самом главном! Так же просто, как *«Нам о целой судьбе поведал // Самый скромный словесный ряд»*.

P.S. Работая над финалом заметки о Татьяне Кивинен, вдруг неожиданно, словно в подтверждение сказанного, получил от нее по e-mail стихотворение:

76

Когда рассыплются все замки на Земле
И бог Войны смешает с прахом слезы,
Я выведу... Ты помни обо мне –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

Пусть будет голос слаб, когда в руке рука,
Но не когда мой крик разрушит смерти грезы.
Я выведу тебя Туда через века –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

Останется дрожать в бессилии тоска
И звезды заберут земные слезы.
Я знаю – смерти нет.
Я знаю... А пока –
Мы рыцари одной прекрасной розы.

Впрочем, это тема уже иного разговора.

Казань,
2011, апрель

Роберт Иванович Винонен — член Союза Писателей России, действительный член Финно-угорской Академии наук, экс-президент Ассоциации финно-угорских писателей России, доцент.

Роберт Винонен родился в 1939 году в Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве и аспирантуру при нем. Впоследствии работал в московских издательствах, заведовал кафедрой литературного перевода Литинститута. Автор множества поэтических книг, сборников переводов и литературно-критических статей. Кроме того, Роберт Иванович является почетным председателем Объединения русскоязычных литераторов Финляндии, постоянным автором журнала «Иные берега».

Роберт Винонен

Robert Vinonen

Воскрешение темы

Критика и публицистика

В Санкт-петербургском университете Культуры на ежегодных Кирилло-Мефодиевских чтениях одна из предложенных к обсуждению тем была: Искусство как фактор духовно-нравственного воспитания молодежи.

Слово «молодежи» я сразу бы взял в скобки. Потому что трудно выделить в искусстве функцию духовно-нравственного воздействия именно на молодежь. Книги для детей или подростков — это жанровое разграничение, а наша тема шире. С другой стороны, плохая или хорошая литература по-своему воспитывает человека любого возраста. Но тут вступают в силу особенности восприятия: они у разных возрастных категорий различны. Безусловно талантлив, например, В. Сорокин. Однако. Непотребства в ряде его текстов могут зрелому, сложившемуся характеру показаться чем-то вроде литературной забавы, даже хулиганства, но уж точно окажутся разрушительны для формирующегося сознания. С учетом этого фактора мы можем хоть как-то приблизиться к молодежно-воспитательной специфике искусства.

Опять же прямые указания на эту специфику затруднительны. Самое простое, что тут можно сказать: искусство призвано раскрывать молодому человеку глаза на добро и зло. Утверждать первое, разоблачать второе. А если еще прямее, учить любви. Стало быть, в таком искусстве не уйти от христианских заповедей.

Которые, между прочим, бледно отразились даже в приснопамятном моральном кодексе строителя коммунизма. Тот кодекс пригрозил творцам нормативного искусства, рисовавшим не ту реальность, какую все знали, а ту, какую она должна быть. В той нарисованной жизни торжествует стопроцентное добро, творимое кавалерами золотой звезды. Но как нет худа без добра, так и наоборот. Одностороннее изображение их единства еще не приводило к вершинам искусства. А ведь, как писал В. Соловьев, плохое художественное произведение при наилучшей тенденции ничему научить и никакой пользы принести не может.

В число «наилучших тенденций» входит, конечно же, и задача духовно-нравственного воспитания. А как автору решать ее, если навязчивость в этом деле заведомо губительна? Одним из верных мне кажется решение, предложенное Оскаром Уайльдом: никакая поэма не будет прекрасней той, что написана единственно из желания написать поэму. Эту мысль можно обратить к нашей теме в таком переводе: искусство воспитывает красотой, совершенством форм, содержащих красоту. А как и чем воздействует красота? Да самой собой — тем, что она по определению отторгает любые уродства мира, его зло. Излишне говорить, что подлинная красота всегда духовна. Недаром ведь поэзия выросла из религии, стихотворение вышло из молитвы.

И одной из трагедий культуры стала утрата поэзией духовности. Вспомним хотя бы век Пролеткульта. На смену образу Христа явился «Железный мессия» – так и называлось стихотворение давно забытого поэта Вл. Кириллова:

Вот он – Спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Но и до прихода этого «мессии» В. Соловьев уже писал: Искусство, обособившееся, отделившееся от религии, должно вступить с нею в новую свободную связь... Искусство будущего, которое само после долгих испытаний вернется к религии, будет совсем не то первобытное искусство, которое еще не выделилось из религии.

Соловьев предвещал то, что за сто лет до него уже явило себя в духовных одах Державина. Конечно, сегодня трудно сыскать молодого человека, который бы с упоением прочитал, скажем, гениальную оду «Бог». Сильно изменившийся русский язык мешает непосредственности восприятия. Однако не устаревает язык поэтический. Он-то и есть тот фактор, который укреплял духовно-нравственное начало в читателях Державина.

Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Поэт легко соединяется с небом через земные образы. Его мироощущение остается вполне космическим. Именно красотой, красотой космоса внушается мысль о присутствии высшей силы в нем.

Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной...

У Державина нет того, что ныне именуется воцерковлением человека. Зато он умел, по его словам, в сердечной простоте беседовать о Боге.

А что сегодня? Такие беседы опять официально дозволены. И много ли в них «сердечной простоты»? Вот книга «Воскрешение» (1989), посвященная 1000-летию крещения Руси. Подзаголовок: сборник духовной поэзии. В довольно толковом предисловии митрополита Питирима оговорено: Мы отдаем отчет в том, что отнюдь не все стихи, помещенные в сборнике, соответствуют строгим критериям православной церковности. Многие стихи принадлежат авторам, стоящим на перепутье, еще не обретшим глубокого духовного мировоззрения, далеким от настоящего воцерковления.

Надо осмелиться заметить, что «церковь» и «вера» потому обозначаются разными словами, что понятия разные. Нужны ли даже глубоко верующему художнику «строгие критерии церковности» – еще вопрос. Не ограничивают ли они «новую свободную связь» поэзии с религией? Одна из ведущих тем названного сборника – это плач по множеству разрушенных церквей.

Храм в сарай превращен. Колокольня
Без креста...

С ветхой, продырявленной главою...
Здесь более полвека не звонят
К обедне...

Словно плетью полосованные,
Встали церкви на Руси.

Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!

И город забыл свое имя,
И храм и погосты снесли.

Давно позабыли о Боге
В родимой моей стороне.

Темно... И вышка вместо храма...

Облупленная колокольня...
Давненько церковь под замком...

Светлым будущим освящали
Разрушенье родных святынь.

На месте храмов – кратерами ямы...

...давно без купола, пустой навывлет,
твой белый храм являет жалкий вид:
обрушилось бревно череповое,
расселась кровля...

И храм переделали в клуб.

Расплодилась жирная крапива,
Где высоко поднимались стены
Белого сверкающего храма.

Мертвые шороси грезятся в куполах;
Жутсии гнезды ночами влекомых птиц;
В обезьязыщенных колоколах
Отрок рыдает, лежаше ниц.

На этой старославянской ноте оборву цитирование, ибо не видится ему конца. Примеры взяты у пятнадцати авторов, но читаются как одно произведение. В однообразном словесном потоке теряются даже чистые голоса Николая Рубцова, Анатолия Жигулина и Владимира Солоухина. Потому что сама тема стала общим местом. А общее место остается таковым даже «при наилучшей тенденции».

При чтении «Воскрешения» то и дело приходит на память один русский поэт советских дней, тоже писавший про церкви, находя в них красоту, которая врачует душу. Имя поэта – Герман Валиков. Я был первым и, кажется, последним, кто в 70-е годы опубликовал пространную статью о его творчестве. Валиков входил в число, как нынче говорят, «нераскрученных», не включенных ни в какую обойму имен. Оно и понятно: тема еще не стала общим местом. Но удивительно, что голос Германа и сегодня не сливается с хором, а звучит вполне оригинально. Опыт его поучителен как раз тонкостью духовно-нравственного воздействия при нуле внимания на известные идеологические шоры.

Началом стихотворения «Гребец» в простом течении жизни определяется непростая точка обзора. Она в аккурат между прошлым и будущим:

Обыкновение имею
Сперва в ладони поплевать,
Сосну наметить повиднее,
А уж потом и отплывать.
А чтобы не вилять невольню,
Другая вежа мне нужна –
На горизонте колокольня,
Или опять-таки сосна,
Иль, может, банька на сугорье,
Иль кубы шлюзовых ворот...
Теперь гребни, не зная горя,
Плыви с оглядкою вперед...

В такой позиции поэту, как он пишет, вежа задняя нужна не меньше той, что за спиною, хоть и передняя она. Во многих книгах Г. Валикова имеется цикл «Дорога на Радонеж». Стихи-то каждый раз разные, лишь название цикла устойчиво. Во дни Валикова на карте Подмосковья того городка не было, но для поэта с его чувством истории он всегда существовал как дорога к храму. Она вечна (не так давно древнее название местечка восстановлено; однако и пора).

Высоко, твердокаменно
Вместе с солнцем, с луной
В мое небо вчekanена,
Ты всегда надо мной.

Это о колокольне Ивана Великого. Но храмы у него не делятся на великие или невеликие. Где бы ни очутился поэт, его глаза приметят любимое строение.

Церквушка немудрая, в грош ценой,
На синем косогоре, а пониже
Петляет речка...

Самая захудалая часовенка заслуживает нежного внимания.

И радуется балясками,
И пропадает зря
Церквушка, что обласкана
Улыбкой Грабаря...

Поэтический космос Валикова не беден и приметями современности. И все же замечательному архитектурному памятнику – русской церкви – отведено здесь особое место. Стенная ли роспись, резьба ли по камню, размещение ли объемов в пространстве или масса прочих подробностей – обо всем автор силен судить не только поэтически, но даже и с осведомленностью специалиста. Что же стоит за постоянством таких пристрастий? Какая тут актуальность?

Надо сказать, Валиков со своей темой находился как бы на отлете, выдавался вон из ряда уважающих злобу дня. Не примеряя на себя успехи или неуспехи товарищей по перу, он много лет торил собственный путь, да словно и не задумывался: столбовая ли то дорога или окольная тропка? Впрочем, сей вопрос снимался художественной силой текстов. Поэт и сам намекал на какой-то больший смысл своих описаний – шире красоты и глубже старины:

Не камни оставляются в наследство,
Не церкву тут завещано беречь.

Тут камень подвернулся лишь как средство,
И не о нем, о бренном, эта речь...

О чем же все-таки? Пожалуй, одним словом не ответить. Ответ может сыскаться при внимательном чтении самих стихов.

Вся из одних окошек
До света на верхах,
Церквушка, как чертежник,
В полутора верстах...

Как будто провожали,
Сказали, как идти,
Да и рисунок дали –
Не сбейся, мол, с пути...

Обрести и сохранить чувство пути – вот что значат в расширительном понимании эти земные ориентиры.

Какая за рекою синева!
И края нет у этого раздолья.
И там, вдали, заметная едва,
Еще одна белеет колокольня
Далекая... А на нее залезть –
Еще одна предстанет пред глазами,
А там и третья где-нибудь да есть...
Так и идут со Пскова до Казани...
Так и идут – поля, леса, холмы,
А над селеньем, за рекой, за полем, –
И до чего ж, по сути дела, мы
Привыкли к ним, старинным колокольням!..
По сути дела, весь этот собор
Давно не храм для здешнего народа,
А просто он как бор, как косогор –
Давным-давно такая же природа...

Можно подумать, что поэт не замечает, как храмы эти разрушаются – и временем, и людьми. Нет, прекрасно видит и замечательными образами передает. Вот, например, полусохранившееся изображение какого-то святого:

Мозаики блескучие квадратцы,
Подернутые рябью времена...
Лишь ноженьки сумели к нам добраться –
Ни руки не дошли, ни рамена.

Поэт не унижается до плача по разрушаемому. Перед его глазами церковное искусство находит себя в первозданном виде. Он как бы реставрирует, строит в себе. Вот какие тревоги вызывает в нем лицемерие Ивановской колокольни из одноименного стихотворения:

До чего же я ловок
Да непрост становлюсь –
Между двух недомолвок
Соловьем разольюсь,
Между двух околичностей

Ничего не скажу,
Меж сомнительных личностей
Будто свой усижу...

Но, слава Богу, высота купола – этой «золотой слезы» – обладает властной выпрямляющей силой:

Не забудусь, родимая,
Ни во зле, ни во лжи,
Потому что в груди моей
Тоже колокол жив,
Потому что в крови моей
Тоже дремлет набат...
Все беда поправимая,
Все поставим на лад!..

Архитектурные формы переводятся на язык чести и совести. Неподкупность вертикалей, прямо-таки впетых в небо, побуждает к исканиям нравственного соответствия в себе и вокруг.

Есть у Валикова стихотворение, а по объему, по наличию сюжета и характеров, пожалуй, что и поэма – «Спас-на-Городу». Общая тема – угроза разрушения – перерастает здесь в заботу: как сохранить? Фабула такова. В кладке обнаружили снаряд, невзорвавшийся, засевавший в стене с восемнадцатого года. На место поочередно прибывают и отбывают отсюда полковник, подполковник, майор, капитан, старший лейтенант, лейтенант и, наконец, прапорщик – непосредственный исполнитель небезопасного дела («как ни ловчи, а напороться можно»). Полковник поначалу считает задачу простой: «взорвать, а колокольня пусть хоть вся провалится». Чтобы не дать, как он говорит, «хоть испишитесь, даже пальца саперского». Однако вид храма будит некоторые сомнения:

Собору триста лет.
Все в один голос пишут, что – прекрасен...
И впрямь хорош. Тут возражений нет,
Он со специалистами согласен,
И все-таки...

Но по мере того, как приказ спускается все ниже, то есть чем ближе необходимый взрыв, тем подробнее раскрывается красота объекта. Уже подполковник смотрит на дело гораздо задумчивее:

Вот, правда, арок жалко... Хороши –
Поди, тонн сорок держат, а как хрупки!
А сверх того, в них что-то для души
Присутствует...
Как молодые зубки,
Как сахарок...
А главное – шатер!
Ведь вот чем задан тон всему строенью –
Он весь, как выкрик, звонок и остер,
Он весь – будто команда настроенью.

А что за сила в стенах и столбах,
Глядишь и чуешь – ставлены с загадом
На тыщу лет...

А мы придем – бабах! –
И все дела...
А что поделать?
Надо.

На уровне майора мы видим собор и изнутри – много неожиданно прекрасного открывается неискушенному глазу. Так же близко принимают это дело к сердцу и капитан, и лейтенант: «взорвать легко... Но кто спасибо скажет?». И так и эдак примериваются к снаряду саперы, идут на риск ради спасения забытого чуда. Их замысел таким образом смыкается с замыслом безвестных строителей, имевших загад «на тыщу лет». Наследники красоты, сами того не ведая, касаются чутких рук предков.

Поэзия Германа Валикова по существу есть один из этапов долгой духовно-нравственной эстафеты. Но в сборнике духовной поэзии к 1000-летию крещения Руси ей места не нашлось. Зато отведена страничка Станиславу Куняеву – хотя много ли духовности в следующих строчках?

Реставрировать церкви не надо –
Пусть стоят как свидетели дней,
Как вместилища тары и смрада
В наготе и разрухе своей.

Сказано по-земному на зло какому-то темному врагу. А вот со знаменитыми когда-то стихами С. Куняева «Добро должно быть с кулаками...» по-своему перекликается стихотворение Г. Валикова «Плохое дело»:

Добро всегда слабее зла. Не спорьте:
Тот слаб, кто лишь добром вооружен.
И можно дело доброе испортить.
Нельзя плохое сделать хорошо!..
Плохое дело сделать хорошо
Нельзя. И в этом главная причина,
Что вор – в тюрьме, дурак лишится чина,
Завоеватель будет сокрушен,
Стяжатель расстается с барышом,
А с лицемера валится личина,
Приходит крах ненужного почина...
Нельзя плохое сделать хорошо.

Там, где у Куняева воля, у Валикова вера. И она оказывается посильнее навыка «вышибать коленом».

Словцо такое есть – «не повезло»...
Плохому делу не везет от века.
Лишь потому на радость человека
И рушится, разваливаясь, зло.

А если люди борются со злом,
То лишь затем, чтоб подтолкнуть события –
Ускорить мудрый, добрый ход развития,
Где зло обречено на самослом.

А сам вопрос извечно предрешен.
И волноваться было бы не нужно...
Но кто-то рядом пыжится натужно
Плохое дело сделать хорошо.

Таким образом, вопрос о добре и зле остается открытым.

Но если человеку смолоду прививать убежденность в том, что зло обречено, он с большей степенью вероятности не возьмется за плохое дело. Искусство может быть как угодно изощренным в своих формах, оно вольно экспериментировать пером или кистью. И список творческих индивидуальностей в искусстве бесконечно изменчив. Только фактор духовно-нравственного воспитания постоянен.

Венди Коуп

Wendy Coupe

Переводы

Венди Коуп (Wendy Cope, 1945) – известная современная английская поэтесса. Как писали о ней в «Дейли телеграф»: «Венди Коуп – редкое явление в поэтическом мире: хороший поэт, которого, действительно, читают»³.

Начавшая писать стихи только в двадцатилетнем возрасте, Венди Коуп была неоднократно провозглашена читателями как самый достойный кандидат на пост английского поэта-лауреата⁴, а в 2010 году получила звание офицера ордена Британской империи (ОБЕ)⁵. Что же заставляет тысячи англичан ежегодно покупать тоненькие сборники стихов бывшей учительницы младших классов?

Прежде всего, это искрометное чувство юмора поэта. Как заметил архиепископ Кентерберийский, большой поклонник ее таланта: «Венди Коуп – несомненно, самый остроумный современный английский поэт, сказавший нам много серьезных вещей»⁶. Ирония Коуп – это смех сквозь слезы, смех человека, на себе испытавшего одиночество бурной жизни Лондона, ее разочарования и подъемы. К тому же свой озорной и проницательный взгляд Венди Коуп обращает не только на ежедневную жизнь: она также является автором многих блестящих литературных пародий.

На фоне общего сатирического направления стихов Коуп, еще более ярко выделяются ее немногие серьезные стихи, неожиданная мягкость «Имен» или трагизм «Тич Миллер».

И наконец, стихи Венди Коуп привлекают легкостью строк, отточенностью формы: поэтесса владеет и охотно пользуется всей современной палитрой, от ритмических выверенных триолетов, сонетов, пантунов и других строгих форм – до верлибра. Более того, Коуп очень любит играть с формами, порой специально разбивая канон.

В России имя Коуп до сих пор, практически, не известно. Это – первая подборка переводов ее стихов на русский язык, опубликованная с любезного разрешения автора.

Замкнутый круг

А надо жить. Начнешь читать.
Идешь к психологу опять.
Меняешь стрижку и духи.
Кропаешь прозу и стихи
Не куришь. Бегаешь. Не пьешь.
Ужасно правильно живешь.
Но все впустую. Боль в висках.
И жизнь – зеленая тоска.
Ты хочешь сесть и тихо выть.
И все же, как-то надо жить.

Утрешь глаза и вид на «ять».
Идешь к психологу опять.
Находишь «принца» своего
И что-то лепишь из него.
Но все впустую. Боль в висках.
И жизнь – зеленая тоска.
Ты воешь. Бьешь в сердцах духи.

³ Рецензия во введение к книге Wendy Cope, «Two Cures for Love», Faber & Faber, 2008.

⁴ БиБиСи, Радио 4 опрос 1998 года.

⁵ London Gazette: (Supplement) no. 59446, p. 9, 12 June 2010.

⁶ Poetry Archive, A Guided Tour With Dr. Rowan Williams (The Archbishop of Canterbury).

Все время ешь. Строчишь стихи,
Вовсю стараясь не курить.
И все же как-то надо жить.

После обеда

Простившись с тобою, иду через мост,
И дует в лицо мне промозглый норд-ост.
Лицо вытираю платочком из льна,
Стараясь не думать, что я влюблена.

Идя через мост, повторяю одно:
«Все это – пустяк. Просто флирт и вино».
Но мудрый шарманщик, живущий в груди,
Мне что-то иное упрямо твердит.

Иду через мост. Я хочу танцевать!
«Не будь идиоткой!» – «Да мне наплевать!»
И слышу: в груди – просто топот коней!
Как ум не старайся, а сердце – главней.

Два средства от любви

1. Не пиши ему писем. Избегай его взгляда.
2. Но есть способ попроще: поживи-ка с ним рядом.

Потеря

Я помню день ухода твоего,
Как страшный сон. Мороз бежит по коже!
Что ты ушел – так это ничего,
Но ведь с тобой ушел и штопор тоже!

Английская потешка

В стиле Уильяма Вордсворта

Пел жаворонок с сойкою в вышине,
Под солнцем тихо нежилась земля.
Вдруг услышал я дальний, как во сне,
Звук жалобного бляенья в полях.

Я обернулся на сей грустный стон
И увидел Барашка, как он есть.
Глядел я – и мне чудилось, что он
Черней существ иных, что носят шерсть.

И я пошел на этот тихий глас.
Потом, учтиво встав у родничка,
Его спросил я: «Есть ли шерсть у Вас?»
Он рек в ответ мне кротко: «Три мешка».

Любезно объяснил он, не таясь,
Все про мешки: зачем и для кого.
И много лет спустя ликую я,
В воспоминаньях видя шерсть его.

Триолет⁷

Я думала, поэты байроничны:
Безумный и губительнейший клан.
Но, наконец, я их узнала лично...
Я думала, поэты байроничны!
Они, как сок без водки, демоничны,
Безудержны, как пенсионный план.
Я думала, поэты байроничны:
Безумный и губительнейший клан.

Тич Миллер

Тич Миллер носила очки
В пластмассовой розовой оправе.
Одна нога у нее была на три размера больше другой.

Когда выбирали команды для спортивных игр,
Она и я всегда оставались последними
У решетчатого забора.

Мы старались не смотреть друг на друга,
Наклоняясь – надо бы завязать шнурок –
Или делая вид, что очень заинтересованы

Полетом какой-то веселой птички, только бы
не слышать оживленный спор:
«Берем Табби!» – «Нет, лучше Тич!»

Обычно выбирали меня, лучшую из двух чурок,
А невыбранная Тич ковыляла
В задние ряды другой команды.

В одиннадцать лет мы разошлись по разным школам.
Со временем я научилась отыгрываться,
Подкалывая хоккеистов, не умеющих правильно писать.

Тич Миллер умерла в двенадцать лет.

Имена

«Элиза». Только несколько дней,
Когда она родилась, ее звали «Элиза».
«Элиза-Ли». Потом – просто «Ли».

⁷ Триолет – стихотворение из восьми стихов на две рифмы; первый стих повторяется в четвертой и седьмой строке, а второй стих – в завершающей.

Когда она начала работать в булочной на углу,
Ее звали «Мисс Стюард».

Потом – «Моя любимая», «дорогая», «мама».

Овдовев в тридцать, она вернулась на работу.
Теперь уже – как Миссис Хэнд.

Дочь выросла, вышла замуж, родила.
А ее теперь звали «Бабуля».
«Меня зовут Бабуля», – говорила она гостям.
Так ее все и звали: друзья, продавцы, врачи.

В больнице для престарелых
Их звали по именам в документах.
«Ли, – сказали мы, – или Бабуля».
Но в бумагах такого не значилось,
И в эти последние жуткие несколько дней –
Как когда-то, ее звали «Элиза».

Триолет в девять строк⁸

О, Господи, ну что ж мы натворили,
Моя любовь, мой ангел – и т. д.
Остаться только б... только я не в силе.
О, Господи, ну что ж мы натворили –
Нас чувства завертели-закружили,
Но правила! Их никуда не деть.
О, господи, ну что ж мы натворили
(Я правила виню в своей беде),
Моя любовь, мой ангел – и т. д.

Предисловие, переводы и комментарии Натальи Крофтс.

⁸ Триолет должен состоять из восьми строк (см. примечание к «Триолету»), «но этот немного нарушает правила, потому что сам стих – о нарушении правил» (В. Коуп). По правилам, две последние строки должны повторять две первые, а «незаконная» строка номер восемь, затесавшаяся между ними, как раз прокликает правила.

Борис Рыжий — вспоминают очевидцы

(Материал подготовлен Алексеем Мельниковым)

Вспоминает Сергей Ефимов, школьный приятель:

1989-2001. Боре можно было все.

С первого по восьмой класс (в 1981-1989 годах) мы учились не вместе с Борисом Рыжим. А вот в 1989-1991 годах мы учились вместе с Борей (десятый и одиннадцатый класс). Четыре восьмых класса были тогда расформированы, и были вновь созданы два десятых класса. Один класс был математический, а другой – гуманитарный. Насколько помнится мне, мы с Борей учились в математическом классе. Многих выпускников восьмых классов – просто не брали в старшие классы...

Такие выпускники расходились по другим школам. В 61-ю шли, например. Нашу 106-ю школу никто не называл «элитной» – такого не было понятия в то время. Но наша школа – была особой. Например, к нам ездили учиться даже из Горного Щита⁹. Хотя там, конечно, была своя школа! С другой стороны – на Ботанике в то время не было школ вообще. Сейчас там микрорайон Ботанический. Тогда (в 1989 году) на этом месте был аэропорт. Борю в десятый класс из-за поведения не хотели брать – это однозначно...

Улица Братская, дом 18. Типовая девятиэтажка. Здесь, на четвертом этаже, я жил с родителями. Частенько мы с Борей здесь поддавали. И в то время, видать, организм был другим по здоровью! Мы с Борей после школы возвращались – хрень! К вечеру приходили родители – и ничего не замечали. То есть четыре или пять часов – и нету никаких следов. Нет, поддавали мы не каждый день. Так, время от времени...

Бывало – пиво, бывало – хуже! Единственный раз мы с Борей спалились. Ходили мы тогда в десятый класс, скорей всего (1989 или 1990 год). Мои родители в тот день собаку купили и пришли домой – отмечать событие. Боря, когда он хорошо выпьет (такое случалось не каждый день!), так вот, если Боря был «сильно перебранный» – из него, почему-то, сильно перла агрессия, чего в нормальном состоянии не случалось! Вот в тот раз (когда родители собаку купили) мы с Борей и попались. Потому как водочки напились! Боря тогда же какого-то мужика попытался треснуть, поскольку хорошо владел техникой бокса. Но с мужиком не получилось – тот оказался поздоровее Бори ростом... Ну вот, пришли мы после уроков. Сначала – с пивка началось. Потом – водочкой продолжилось. Кстати, в те времена – водки было не купить! У нас в подъезде, на первом этаже, торговали. Была такая «точка нелегальная». Там мы водку и купили! Мы тогда, конечно, оба перебрали. Но я-то дома остался, а Боря... В это время мать у меня шла с работы. Боря стоял около почты. Это здесь же, на улице Братской, недалеко от моего дома. И Боря о столб долбил головой! Был он при этом голый по пояс. Саморазрушение? Может быть! Вообще-то, подраться в пьяном виде – это было для Бори как с добрым утром...

Цены на спиртное – были не смешные. Так как водка являлась дефицитом! Денег у нас не было. Нам давали в долг – ну, как бы, по-соседски. А потом мы, сэкономив на обедах или еще как-нибудь, возвращали им деньги. И возвращали мы долги достаточно быстро, потому как брали водку – регулярно...

⁹ Поселок городского типа, расположенный за городской чертой Екатеринбурга.

После школы мы с Борей общались примерно два года (1991-1992). Больше всего – когда я поступил на первый курс горного института. Бывало, на пары идти не охота. На улице Сухоложской (не помню дом) была пивнушка. И был еще пивной ларек – там, где сейчас стоит филиал какого-то банка. Совсем рядом с домом, где жил Сергей Лузин. Это по улице Сухоложской, дом 4...

Тогда с пивом – тоже было тяжело. Стоит, например, толпа! Были там местные «синяки», но «синяки» авторитетные. Мы с Борей даем «сверху» рубль, например, такому «синяку». И он пиво нам берет без очереди. Все просто, без драки. Там бы никакое Борино искусство не помогло, случись стычка. Мы покупали пиво в полиэтиленовых пакетах... Обычно брали два мешка, как минимум, по три литра. То есть шесть литров на два человека: я сам и Боря. Закуска? Нет, закусывать пиво было не принято! Приходили к Боре домой (улица Титова, дом 44). Выливали пиво из всех пакетов в один тазик. И поварешкой разливали его по кружкам... Пиво пилось у Бори, поскольку дома у него никого не было. И курили мы – прямо в комнате! Правда, у Бори курил отец. А у меня папа не курил, некому было бы приписать табачный запах! Между прочим, Борин папа (будучи академиком!) курил папирсы «Беломорканал», хотя вполне мог позволить себе сигару «Гавана». Ну, это, видимо, приколы такой! Я даже сейчас (в 2011 году) встречаю людей, которые курят «Беломорканал», будучи небедными...

90

Прямо под Борей (одним этажом ниже) жил Костя Милошунас. Три года назад он умер – я слышал об этом от Костиной матери. Стало быть, в тридцать четыре года. Согласно официальной версии – печень была больная. А если неофициально? Нет, «передоза» не было. Лет пять последних он не кололся. Но здоровья у него никакого не осталось! В нашей школьной параллели были наркоманы, не очень много. А те, кто на год, на два позже учились (1975-1976 г.р.), те наркоманами становились повально...

Как-то поехали мы к Боре в сад. Не помню, какой это был праздник, но однозначно лежал снег. Мы сидели, выпивали. Мы – это я сам, Боря, Артур. Возможно, был Костя – могу ошибаться. Соответственно, было с нами четверо девушек. И Боря с Артуром, естественно, будучи в пьяном виде – разодрались... Шутливо? Нет, это было уже не в шутку! Бухие же были оба. Тут я (конечно же, зря) полез их разнимать. То есть Боря на меня переключился. А боксом он владел не хорошо, а очень хорошо! От одного удара я увернулся. Второй удар, увы, я «поймал». Боря мне сломал нос. И все, что можно было сломать. Я лежал – не мог встать. Из-за крови! Только пытаешься встать – она начинает хлестать... Когда я добрался до дома – меня не узнала соседка! Я поехал в травматологию. Там мне нос вправляли. Драка эта случилась в одиннадцатом классе (в 1991 году), скорее всего – на майских праздниках. Когда же я поступал в горный институт (в 1992 году), на медкомиссии мне сказали: «Кости в носу срослись неправильно! Надо делать операцию. Все ломать заново...» Но я не стал этого делать. Что ж, возможно сейчас (спустя двадцать лет) мой нос не выглядит сломанным. А тогда Боря мне его выхлестнул с одного удара. Из-за чего все началось – сейчас уже не вспомню! Может быть просто пьяные мы были. Может быть – из-за девушек, опять же. Но девушка могла быть только поводом! Не скажу, что мы с Борей после этого разругались в хлам. Но общались уже не так, как прежде...

Техникой бокса Боря владел очень-очень! Многие заблуждались из-за его внешнего вида. Он же был «худенький и маленький» (на первый взгляд). Техникой бокса, скажем, Сергей Лузин владел здорово. Я сам видел, как бил Лузин! Не дай Бог попасть ему под руку. Так вот, Боря – владел техникой ударов ничуть не хуже. Я это

утверждаю, поскольку на себе испытал. Подчеркну: это была не серия ударов! Боря одним ударом опрокинул меня. Морда у меня вся была опухшая...

Иногда Борю губила эта самая уверенность в себе! Помнится, они всей семьей переехали со Вторчермета на Московскую Горку. Это было в последнем классе (в 1991 году). Отчасти из-за переезда мы с Борей меньше стали общаться. Кстати, за сломанный нос Боря позднее извинился, мне так помнится. Хотя, по большому счету, мне уже было по фигу... Так вот, Боря ежедневно ездил в школу на Вторчермет. И возвращался домой – на Московскую Горку. Как-то он шагал по аллею около Дворца Спорта. И кто-то его там очень хорошо обработал. Надо было убежать, видимо! А Боря понадеялся на технику ударов. Отмугузили его очень сильно в этот раз. Боря возвращался домой, проводив Ирину Князеву? Не уверен я, врать не буду. Морда у Бори была такая же, как у меня после драки с ним...

Кстати, пожалуй, оно и к лучшему, что мы все были бухие на даче! Стукнул бы Боря мне трезвому – мне бы могло быть хуже. Там, на даче-то, домик маленький совсем. Печка-буржуйка. Ни водопровода, ни чего-то похожего нет. Нетрудно представить, в каком виде мы возвращались. Все в грязище, джинсы светлые – стали темные, все в кровище. Разве что снегом потереть можно было...

Сейчас не вспомню, кто говорил это. Может быть, Сергей Лузин. Может быть – сам Боря. Они оба, хотя и шапочно, но были знакомы с Костей Цзю (в конце 1980-х годов). Да-да-да, с чемпионом мира по боксу! По крайней мере, занимались с ним в одном зале...

Наркотики? Меня-то как-то Бог уберег от этого зелья. Но при этом! В горном институте мы учились вместе: я, Боря, Костя. Так вот, в те времена (в 1992 году) в туалете учебного здания – парни спокойно курили анашу. Сейчас это дико вспомнить! А тогда – стояли и дымили. В том самом здании, улица Куйбышева, дом 30. Перекресток Куйбышева и Хохрякова. Там еще много камней около парадного крыльца. Образцы различной породы... Почему я остался равнодушен к наркотикам, в частности, анашу больше курить не стал? Не потому, что думал: мол, наркота – это плохо! Просто я анашу несколько раз попробовал. И прикола в ней не понял – никакого! Она на меня вообще не действовала. Вот я и решил: «Нафиг надо?» И все – я к любой наркоте охладел навсегда... Отчего «преподы» в горном институте не чуяли анашу? Возможно, в туалете все запахи путаются! Точно я не знаю. Возможно, мы, студенты, просто были оборзевшими! Ведь еще раньше, будучи школьниками, мы часто спорили с педагогами...

Не могу сказать, что мы конфликтовали со всеми учителями. С Виталием Витальичем мы по сей день общаемся. Он мне говорил – на «ты» называй меня. Но я не могу себя пересилить. С ним отношения были всегда нормальными. Только сейчас (спустя двадцать лет) благодаря возрасту я понимаю: Виталий Витальич нашел ту самую грань. И панибратства не было, и страха перед ним не было. Его никто не боялся, и все его уважали. Никто при нем не позволял себе никаких вывертов... Ну, зато был у нас такой учитель биологии. Есть одна история, которую не знает, наверное, никто. Это десятый или одиннадцатый класс (1990 или 1991 год). Тогда еще был учебный предмет «НВП» (начальная военная подготовка). За глаза военрука звали Коля-Ваня. То есть имя-отчество – Николай Иванович. Был он такой в годах уже дядька. Старшеклассники доканывали его. Стоило только сказать: «Хайль Гитлер!» Если поймает – башку оторвет. Он относился к этому строго. В школьном тире регулярно мы разбирали автоматы... И однажды наш Коля-Ваня на что-то отвлекся. Мы

с Борей, прихватив с собой пару автоматов АК-47, поднялись в кабинет биологии. Ненависть между Борей и биологом началась задолго до этой истории. А после этой истории ненависть стала еще хлеще. Мы с Борей забежали в класс. Там была какая-то практикантка. И наш биолог там же сидел. По идее, шел урок. Но в этом кабинете занятий не было. Поэтому наш биолог мило беседовал с практиканткой. Насколько мне помнится, он «ангажировал» ее... Тут мы влетели с Борей. Из-под пиджаков автоматы вытащили. Смачно клацнули затворами. Прокричали: «Руки вверх!» У биолога глаза сделались огромными. Он чуть не сполз под парту. Практикантка тоже – чуть сознание не потеряла. Когда до биолога дошел весь идиотизм ситуации, он бросился за нами в погоню со всех ног. Ну, попробуй – догони нас тогда! Мы еще крикнули ему: «Козел!» Такие мы были веселые парни. Да-да-да, биолог был тот самый! Что разломал старый скелет и хотел новый вырыть на кладбище. Тот самый биолог, что получил ружье от Брежнева и призывал нас ворон отстреливать... А за эти автоматы нам с Борей ничего не было, вообще обошлось без последствий! Мы же спокойно пришли назад – в школьный тир. Наш Коля-Ваня ничего заметить не успел. Мы всю затею провернули до звонка с урока – очень быстро. То есть все было технично! Военрук не заметил, что мы убегали. А биолог не смекнул, где нас искать. Точно помню – за проделку с автоматами ничего нам не было...

По этой аллеюке (вдоль улицы Титова) мы часто гуляли. Времена, конечно, были беспокойные! Хотя бывало по-всякому. Один пойдешь – тебя отлупят? Я бы не сказал, что всегда так было. Если тебя отлупили – сразу ищется тот, кто это сделал. Такое, конечно, бывало. Про Борю не могу сказать. Могу сказать про себя. Припоминаю, один раз я пошел до киоска вечером. И меня отлупили. Это было уже не в школьную пору (после 1991 года). Потом нашли того, кто отлупил... С того, кто должен, в те времена получали либо здоровьем, либо деньгами. В этот раз обошлось деньгами. Был ли пьян тот тип – я не знаю! На улице Сухоложской имелся тогда «пяточок». Там стоял киоск, где я что-то покупал, будучи уже достаточно «кривым». Слышу голос: «Купи телке моей ликеру!» Я в ответ: «Иди ты в задницу!» И пошел я домой – мимо интерната № 42. Вдруг из двора кто-то швырк! Двинули по морде мне. И пакет вырывать начали. Сильно-то не били, просто отобрали покупки. А я запомнил, что волосы светлые... Немного позднее, идем мы с Борей, если не ошибаюсь. А этот «грабитель» на аллеюке сидит. Я смотрю – вроде он! Слово за слово: «Ты ликер просил для телки?» «Не, не я...» «Приходи в «Тбилиси» вечером! Там с тобой поговорим...» Сергей Лузин тогда работал в ресторане «Тбилиси». К вечеру подтянулись не только мы с Борей, но и «братва» постарше. Ну и все! Допустим, сумма причиненного мне ущерба была сто рублей. Так вот, этот «грабитель» принес пятьсот рублей. Обошлось без битья. Подчеркну, такие ситуации возникали не каждый день... Здесь-то, на Вторчике, мы все друг друга знали. Если ты на Уралмаш поедешь, то, конечно, может быть, п...юлей надают. Вот, например, был магазин «Авто-Вело-Товары» на улице Крылова (за Центральным Стадионом). В то время (1989-1991 годы) это был, по-моему, единственный специализированный магазин на весь Свердловск. Мотались за велотоварами или просто от нехер делать. Туда мы с Борей, однозначно, по одному не ездили! Потому что там можно было огрести...

Как мне кажется, Боря писать стихи – начал уже в институте (после 1991 года). В школе же – где-нибудь на парте мог что-нибудь нацарапать. Увлечаться стихами он начал уже в институте. Это однозначно! Вот насчет пластинок – это было да... Туда, где сейчас «Черный тюльпан» (памятник воинам-афганцам около магазина «Мелодия») мы вместе с Борей ездили часто. Там из-под полы народ менялся пластинками. Один раз нас, говоря по-русски, на...али. Наклейка на диске была «Scorpions», а там совсем не «Scorpions» оказались. Да, мы охотно слушали «Скорпов». Кстати, на любой

пластинке бумажная наклейка имела свободное поле – вдоль самого края. Там было принято расписываться – была такая фишка. Боря писал: «Boris Ryzhy, Big Rat...» К магазину «Мелодия» мы с Борей ездили в каждый выходной. Тянулось это примерно год. А кончилось тем, что нас обманули с пластинкой. Денег-то было у нас, пацанов, не очень много. Изначально мы скинулись, купили один «пласт», вот его и меняли – снова и снова. Нас обманули, менять стало нечего, и все заглохло. Никто за нами не бегал, никто нас там не ловил. Посадить-то не посадили бы! Хотя, конечно, менты гоняли нас. Все это было нелегально...

Еще ездили мы как-то с Борей на Шувакиш. Покупали там аудиокассеты чистые. Их же было не купить в магазине ни за что! Нет, покупали мы не помногу: по одной или по две штуки. Потому как с деньгами было плохо. Нет, за дорогу мы не платили – ездили же на электричке... «Ехал я с Америки – на железном велике! Велик поломался – я у вас остался...» Тогда все это цвело махровым цветом: наперстки, например. «Кручу и верчу – запугать хочу! Этот возьмешь – в кабак пойдешь...» В полный рост это все было. «Деньги есть – сюда заходи! Денег нет – мимо проходи...» Нет, мы с наперсточниками не связывались. С головой-то мы с Борей дружили...

Аудиокассеты, что мы покупали? «Gold Star», «BASF», «Denon», еще что-то. «Sony» – это было очень круто и очень дорого. Я однажды купил себе кассету «BASF» в красной пленке. Счастья – полные штаны! По шестьдесят минут входило на кассету, а то и по девяносто минут. Кроме «Скорпов», слушали Владимира Высоцкого, например! Вот попсу Боря не любил точно. Так мне помнится. Другое дело – тяжелый рок...

Сейчас я сам не помню, как тогда (в 1989-1991 годах) делилась территория. Вторчик-то Вторчиком, но южнее его уже Никаноровка. Там сильно не разгуляешься, но мы с Борей туда и не ходили особо. Нам там делать не фиг было! Где сейчас жилой район Ботаника – там был аэропорт. Вдоль улицы Восьмого Марта тянулся забор, за ним был аэропорт плюс завод гражданской авиации... Автовокзал (перекресток улиц Щорса и Восьмого Марта) – это была однозначно чужая территория. Туда мы с Борей ездили за сигаретами. Именно на автовокзале была в продаже «Магна», сигареты с фильтром. Стоили они около семи рублей за пачку. При этом «Космос», точно помню, стоил семьдесят копеек. «Родопи», которые мы в школе курили, пятьдесят копеек стоили. Сигареты «БАМ» – сорок копеек. Опять же, был на автовокзале мини-рынок с бабушками, у них можно было взять винишко...

Прямо напротив нашей школы был маленький магазинчик. Там, даже во времена дефицита, «Космос» каким-то чудом был. За те же семьдесят копеек! Что я сам, что Боря могли за куревом сбегать через дорогу во время перемены. Не опоздав на урок... В школе мы с Борей курили тоже! В туалете дымили. Физрук если поймает, он голову тебе ногами зажмет – и по жопе, и по жопе, и по жопе! Директриса у нас была – Зыкова Алевтина Ивановна. Она нас пыталась поймать. Возле двери туалета встанет и орет: «Мальчики, я иду!!!» Ну, естественно, мы все бросали сигареты в унитаз. И расстегивали штаны. То есть делали вид, что мы заняты делом...

Школьной знаменитостью Боря не был. У нас имелись такие хулиганы, о которых знали мы все. Это не были отморозки, что колотили каждого, кто под руку попадет. Да, двадцать лет прошло уже (1991-2011) с нашего с Борей школьного выпуска. Помоему, все наши хулиганы закончили не очень хорошо. Кто в бандиты пошел, кто в тюрьме оказался. Одного нашего хулигана я встретил в 2002 году, через одиннадцать лет после нашего с Борей выпуска. У меня тогда была свадьба, и мы приехали, чтобы нарядить машины. Это за зданием бывшей партшколы (нынче Уральская Академия

Государственной Службы – УРАГС)... Один из тех, кто держал в страхе всю нашу школу, тащил в руках ящик с фруктами. Ну, «Газель» он разгружал! Мы встретились глазами. Он сделал вид, что меня не узнал, потому что у нас машины были серьезные. По крайней мере, по тем временам. Один «шестисотый» «Мерседес» и два «сотых» «Лендкрузера». У меня лично с этим хулиганом «терок» не было. И мстить мне ему не за что было. Видимо, ему просто стало неудобно. Был он в школьные годы парень физически крепкий. И в меру отмороженный. А еще двое-трое наших хулиганов ушли из жизни намного раньше 2002 года...

Боря женился в 1991-м, а я – в 2002-м году. Ни я у него, ни он у меня на свадьбе не гуляли. Еще такой нюанс! Боря, хотя бы отчасти, все-таки был интриганом. Кислым интриганом, я бы так сказал. Открылось мне это случайно. Был такой Эдик Рясов – тоже наш одноклассник. У меня с Эдиком отношения были не очень. Однажды где-то на РТИ Эдик и я пьянствовали у кого-то из общих знакомых. И мы с ним впервые разговорились. Что же оказалось? Боря мне говорит, что Эдик гандон, а Эдику он говорит, что я – гандон. После чего Боря ждет результатов... Чем все закончилось? Сейчас не вспомню! Но однозначно не нашим поражением. То ли мы Рыжего пытались отлупить, то ли морально Борю на хер послали. В общем, он понял, что он прилип! Это было летом 1991 года – уже после школы, но перед институтом. Против кого, кроме нас с Эдиком, Боря интриговал? Точно не знаю! Скорее всего, такие случаи были. Но они так и остались тайной. Если бы Боря попадался на интриганстве каждый раз, его бы били регулярно! Несмотря на все его боксерские навыки...

Да, можно сказать, что в институте (в 1991–1997 годах) Боря сохранил свою школьную компанию. Если не в одной группе, то на одном курсе – точно! Костя Милошунас, Артур, Боря начали учиться вместе. Я вместе с ними не поступил, я поступил туда же через год, в 1992 году. Боря, разумеется, не мог не поступить. Даже если бы он был «по самую жопу» деревянным – все равно поступил бы... Думаю, в те времена Боря мог бы даже и на экзамен не ходить. Когда я сдавал экзамены, все было не так, как теперь. Платного обучения, например, не было! Ходили мы на подготовительные курсы. Помню, я кому-то написал задачу по математике на четвертаке¹⁰. Курсы не гарантировали поступления, они просто облегчали подготовку. И позволяли весело провести время... Экзамен выглядел так! Преподаватель: «Сидоров, как называется этот закон? Совсем-совсем не знаешь? А если подумать немного? Закон всемирного чего? Тя-го-те-ни-я! Молодец, садись, три балла...» Бывало такое запросто! Не помню на кого учился Боря, а я поступал на «Разработку нефтяных месторождений». Конкурса как такового не было вовсе. Лишь бы ты что-то сказал... Математику я по-честному решил сам. Физику я списал, причем тот, у кого я списал, получил «четверку». А мне поставили «пятерку». В школе у меня по физике больше «четверки» никогда не было однозначно. Сочинение – самое главное было написать грамотно. А какой ты там бред наговоришь – неважно. Сочинение друг у друга и со шпаргалок списывали мы спокойно. Сейчас бы я постеснялся, а тогда было другое время... Я сижу и пишу, а рядом кто-то, похоже, «блатной» сидел. Тут преподавательница подходит и говорит: «Ну-ка, дай-ка я у тебя посмотрю, проверю...» Посмотрела у него, а я ей сразу: «Подойдите, пожалуйста, сюда! У меня посмотрите, пожалуйста...» А куда ей деваться-то? Создала прецедент – отказаться нельзя! Она у меня проверила. Сказала, мол, все правильно. Сейчас бы я так не решился. А тогда время было особенное...

¹⁰ Купюра стоимостью в двадцать пять рублей.

Вот так и я поступил (в 1992 году) в горный институт. Нам давали дотацию на питание и еще платили стипендию – независимо от того, как ты учишься. Сумму не вспомню, но приведу пример. Получили мы три стипендии – я сам, Боря, еще кто-то – и на эти деньги пятнадцать (!) человек гуляли всю ночь до утра в кабаке. В том самом ресторане «Тбилиси». Это не то, что сейчас – тысяча рублей стипендия! Мы затарились в «Марии» (нынче – гастроном «Купец» в торговом центре «Гринвич») баночным пивом и всем-всем-всем. Приволокли все это в «Тбилиси», там заказали какую-то закуску... Словом, стипендия – это были деньги нормальные. Другой пример – стипендии хватало, чтоб купить билет на самолет до Москвы и обратно. Кстати, Боря в этом не участвовал. Мы с приятелем летели до Москвы. В Лужниках какое-нибудь китайское говно покупали. Везли сюда, здесь продавали. Это была не столько коммерция, сколько тусовка: «В Москву махнем, пивка попьем!» Китайские тапки продадим – поездка себя окупит, и деньги еще останутся. Утром улетим, вечером обратно. Развлекуха, одним словом...

Помню, на первом курсе (в 1992 году) мы собирались ехать в колхоз. Как раз перед этим я вернулся из Москвы. Привез бутылку «Ройяла»¹¹. Это было круто! Боря однозначно участвовал в этой затее. Мы трое – я сам, Рыжий, Костя Милошунас – подошли к нашему ректору: «А можно нам не ехать на картошку?» А мы уже в сапогах, спиртыга, водяра – в мешках-рюкзаках. В колхоз-то ехать нам не хотелось! Ректор в ответ: «Пожалуйста! В институте надо парты красить...» Мы быстренько «распаковали чемоданы», пошли к Артуру, собрали одноклассников. И начали жрать спиртыгу! Мы купили пива, и еще был спирт. Так получилось, что в этот день воду холодную отключили. Разбавлять спирт нам стало нечем. Соответственно, мы его принялись разбавлять пивом. Чем кончилось – не помню! Нет, драки не случилось. Культа бухла у нас не было. Не были мы ни «колдырями», ни алкашами. Ну, встретились, ну, выпили...

Что сказать о домашних заданиях в школьные годы? Иногда мы их готовили, иногда – ложили хер на это дело. Собирались мы либо у Бори, либо у Кости (этажом ниже), чтоб играть в карты. Только не на деньги! Музыка послушаем, о чем-то потрещим, погуляем вместе. Однажды, немного поддавши, мы шли толпой около Мухи (скверик на Вторчермете). Помнится, Боря участвовал. Это был 1990 или 1991 год. Кто-то сказал: «Давайте с кого-нибудь шапку снимем!» Пошли мы следом за одной девкой. Она поняла, что к чему, и убежала от нас. Пошли за мужиком – он нас отmaterил! Короче, обошлось. Видимо, Бог помиловал! А то бы мы прилипли все...

Боря к автомобилям был всегда равнодушен. Если бы он хотел, он бы имел машину уже в восемнадцать лет (в 1992 году). Именно ту самую, какую попросил бы! Ну вот, а Сергей Лузин одно время он в бандиты подался. Ну, так, условно говоря – в бандиты. А мне нужна стала машина. И они (Лузин с «братвой») у кого-то, видимо за долги, отобрали «чебурашку». То есть «москвич горбатый» (в 1995 году). Мне он достался вдвое дешевле, чем стоил на рынке. Когда я чистил кузов, то там нашел патроны. Похоже, забрали «москвич» у кого-то! Это была моя самая первая машина... Когда я учился в институте (1992-1998 годы) у нас всего один студент машину ставил на парковку. Не то 412-й «москвич», не то «москвич» 4121-й. Это был единственный автомобиль на всех студентов вообще. Круче личной машины тогда были только горные лыжи! Это сейчас на парковке у горного института – встать негде. Не сказать, что мой «чебурашка» смотрелся тогда круто. Но стремно он не выглядел – это точно...

¹¹ Марка питьевого спирта.

Эту историю мне Костя Милошунас рассказывал. Кстати, Костя прип...нуть был как бы мастер. Как-то пришел он к Боре (начало 1990-х годов). Выпили они вместе. Костя хотел уйти. И получил удар от Бори! Тот встал в дверях, орет: «Держу оборону!» В итоге Костя и Оля (сестра Бори) связали его. Боря лежал на кровати и плевал в потолок. Однозначно, говорить, что Боря напивался один раз в шесть месяцев – не совсем верно...

Как-то раз меня цапнул клещ. Борина мама, Маргарита Михайловна, работала в санэпидстанции. И Боря с ней договорился, чтобы насчет меня позвонили в травмпункт. Чтобы было все по понятиям. Чтобы поставили укол как следует. Чтобы клеща на экспертизу взяли: энцефалитный он или нет?..

В Питер меня (весна 1991 года) тоже не взяли. Точь-в-точь как Борю. И так же, как его – не по личным мотивам. Хотя директриса наша была бой-баба. Но по-другому было нельзя! Тогда же девчонкам в школе краситься не разрешали совсем! Директриса заходит такая: «Ну!.. Я!.. Говорю!..» Серое казенное полотенце и кусок хозяйственного мыла как е...нет на парту! «Ты, ты, ты – мыться! Бегом...» И все – никто не спорил. Жопы подняли, сорвались с места, пошли мыть морды... Позже у меня была знакомая – в пединституте училась девушка. И я приехал к ней на выпускной вечер. И там я встретил нашу директрису – Зыкову Алевтину Ивановну. Так мы с ней свиделись как лучшие друзья. Не было в ней ни гадости, ни подлости. Она была баба суровая, но лишнего с нас не спрашивала. Если она Борю не пустила в Питер, то за какой-то его вы...бас. Не знаю: хорошо это прозвучит или плохо? Но Боря не был личностью школьного масштаба...

Думаю, Боре армия светить перестала по одной простой причине – папа! Пожалуй, по тем временам было достаточно одного звонка по телефону. Когда нас дернули туда, в военкомат Чкаловского района в первый раз, чтобы дать приписные свидетельства, было нам с Борей по шестнадцать лет (в 1990 году). Тогда в армии не служить было стремно... Из всей нашей параллели «закосили» мы вдвоем. Я сам и Саша Третьяков. Кто-то из знакомых мне сказал: «Заниматься этим надо сейчас, в шестнадцать лет, потом будет поздно!» Поскольку я в детстве болел менингитом, знакомый профессор посоветовал: «Косить выгоднее всего на голову! Или на зрение. То и другое проверить тяжело...» Нас с Сашей отправили в 24-ю больницу на обследование. Где мы благополучно пили самогон. Именно самогон – водки в свободной продаже не было. Кто-то наш «закос» осудил, может быть, тот же Сергей Лузин: «Чуханы и лохи!» Но не факт, что он. Кстати, позднее он же пытался себе руку сломать, чтобы «закосить». Армия в ту пору ему светила – вот-вот, чуть ли не завтра... И еще вот что: наждачной шкуркой натираешь себе лоб, чтобы он кровоточил. И столовой ложкой с Бориной сноровкой бьешь себя по лбу. Возникает огромная гематома. И ты бегом в травматологию! Призвать тебя нельзя. Другие накануне призыва пытались сломать себе пальцы рук...

Боря в военкомате всячески дурковал. Например, вот встает он на весы. А там медсестра – сама маленько е...нутая! Не дурочка вовсе, но простая душа. Она Борю взвешивает, а он за стенку взялся: «Так, так, так! Тридцать четыре килограмма. Рахитизм! Что же делать?..» Все парни вокруг от смеха падают... Кровь у нас брали из вены. А Боря любил показать, что он – чувак продвинутый! Одноразовый шприц был тогда большой редкостью. Маргарита Михайловна для Бори его раздобыла, и в военкомат он пришел со своим шприцом. Пока до крови дело дошло, Боря успел там повы...ваться. А когда ткнули шприцем в вену – Боря в обморок упал. То есть потерял сознание... В кабинет к хирургу Боря заходил тоже по-своему! Дверь открывает,

дурным взглядом окидывает присутствующих. Входит, набычив голову, размахивая прямыми руками, глядя исподлобья. Отворил форточку: «Харк! Тьфу...» Плюнул туда. Сел на стул, сказал хирургу: «Я вас слушаю!» Все время что-нибудь отчебучивал...

У меня до сих пор (в тридцать семь лет) нет военного билета. Я всю жизнь без него прожил. Получилось, что я активно косил от армии как раз накануне выпускных экзаменов в школе. И я подумал: «Почему бы не воспользоваться этим?» И я в больнице начал: то, се, еще что-то. Они спросили прямо: «Слушай, чего тебе надо-то?» Я в ответ: «Экзамены в школе сдавать не хочу!» «Не е...л бы голову, сразу бы сказал, будет тебе справка...» И я ничего не сдавал, но аттестат мне дали – по оценкам в течение года. Дурость, глупость? Хер его знает! Но когда Боря со всеми вместе пошел сдавать экзамены (июнь 1991 года) я там же ходил по коридору и прикалывался над всеми. К примеру, попить приносил кому-нибудь! Они же все на изжоге сидели...

Лежали мы с Сашей Третьяковым в 24-й (военной, значит) больнице. Врать не хочу, но скорее всего, Боря к нам приходил. Костя Милошунас точно приходил! Значит, Боря тоже мог. А времена были лихие. Костя с Борей приносили самогон. Вот была какая жизнь! Мы в палате ставили стол – и в палате садились пить. В открытую! Нам никто не препятствовал. Видимо, разваливалось государственное здравоохранение...

Коли уж Сашу Третьякова я вспомнил – мать у него была директором нашей школы. Сразу после Зыковой. А я и Саша учились вместе с первого по восьмой класс. В 1989 году он ушел из школы и подался в «бандюганы». Не в грабежи, а в махинации. Экономические схемы и все такое. Боря в этом не участвовал, а вот мы – другое дело... Алкоголь делали самостоятельно. Для чего мне «чебурашка» и был нужен! На Парковом оптовом рынке (там сейчас жилой микрорайон) мы нашу «водку» продавали. Контейнеры держали бывшие менты. В принципе, все шло хорошо – пока морозы не ударят! После чего вся наша «водка» замерзала. Потому что градус был не тот, что заявляли на этикетке... Помню, как Саша Третьяков туда подъехал однажды. Подкатил на иномарке, хлебнул рома дорогого, задымил реальной сигарой. Три дня у нас потусовался, потом исчез. Позже (возможно – от денег больших) Саша «подсел на иголочку». И в нашей школе грохнули сторожа. Из кабинета директора вынесли все компьютеры. Директор – Сашина мама, ее сын – наркоман. Не факт, что эти вещи связаны, однако... Затем из директоров ее убрали. Сашу «сняли с иглы» и отправили в деревню. Потом он бухать стал и угодил в какую-то драку. Ему так «удачно» нож в плечо воткнули, что у него сейчас и с речью проблемы, и ходит он с трудом. Я недавно его видел, Саша постарался избежать общения...

Был последний звонок в последнем классе (май 1991 года). У нас ведь как получилось – в девятом классе мы не учились. После восьмого пошли в десятый. После звонка последнего Виталий Витальич пригласил нас (я сам, Боря, еще парни) к себе домой. Открыл бутылочку шампанского. Но что такое – одна бутылка на толпу парней? Виталий Витальич только попросил: «В школе вы этого не афишируйте! Иначе я по башке получу...» Мы не проболтались! Он оказал нам доверие, мы оказались его достойны... Помню, как Марина Скипальская (будущая супруга Виталия Витальича) закончив одиннадцатый класс (июнь 1991 года) получала золотую медаль. Дело было в актовом зале нашей школы. Виталий Витальич вышел на сцену и поцеловал Марину – уже ни как учитель, а как мужчина! И даже наша директриса, бой-баба наша, ни слова против не сказала. Люди-то были уже взрослые... Виталий Витальич в школьные годы (1989-1991) мог запросто поприкалываться. Одно время мы с Борей сидели за одной партой. Виталий Витальич вполне мог, например, написать на моей половине парты: «Рыжий – козел!» И сделал бы это буквами, очень похожими на мой почерк. Или на

Бориной половине Виталий Витальич мог нацарапать: «Ефимов – лох!» Вот такие приколы случались... Когда мы встретились с Виталием Витальичем через десять лет после выпуска (в 2001 году) он мне сказал: «Давай ты будешь звать меня Виталий! Без отчества, по имени...» Я в ответ: «Не могу!» «Почему?» «Я, Виталий Витальич, очень вас уважаю!» «Ну и что?» «Не могу я звать без отчества...»

Когда я узнал, что Боря стихи пишет, я сильно удивился! Виталий Витальич мне сказал: «Борю в «Литературной газете» напечатали!» (февраль 2000 года). И я подумал: «Нифига себе!» Еще раньше я слышал о стихах Рыжего от Милошунаса. Мол, пишет стихи и пишет успешно! Если в школе Боря стихи писал – то в качестве прикола, не иначе. Помнится, дело было в девятом или десятом классе (1989 или 1990 год). Поехали мы в военный лагерь. Там дали нам форму, включая берет. Боря на нем написал ручкой: «Boris Ryzhy – Big Penis». Потому ему, видно, стыдно стало. И он «Big Penis» затер без следа. В общем, стихов я не помню. Но писать Боря любил – это точно...

Не знаю точно, чем они занимались – Сергей Лузин и еще двое. «Братва»! К Боре они отношения не имели, хотя Лузин и Рыжий общались всегда. Сергей очень рано (начало 1990-х годов) купил себе «шестерку». У меня-то «чебурашка» лет на пять позже появилась! Зато я на ней зарабатывал минимум – сто, максимум – двести (!) долларов в день. Не было у меня тогда «ни ребенка, ни котенка». Мне этих денег вот так вот хватало – выше головы... Помню, сидим пьяные, видимо, у Лузина. Я сам, Боря, Лузин, еще кто-то. Лузин сказал: «Сейчас кокаин привезут! Будете пробовать?» Я уже был никакой. Поэтому я выпил еще бутылочку пива, не дождался кокаина и попылил до дому! Позже я услышал, что Лузину свои же «братаны» ногу топором расхерачили. И мы с Борей к нему ездили в больницу, в ту же самую, 24-ю. Только в отделение травматологии... Зрелище было такое: наркоман без ноги! На человека он не был похож. Лузин же ни один раз «под конкретные молотки» попадал. Топором его колбасили – били тыльной частью по голени. Чтобы переломить кость. Кстати, с этими «братанами» Лузин общался с детства. Били его за что-то конкретное. Причем такие люди – увидишь их в лицо, не подумаешь, что они на такое способны! Ангельские глазки. Милые мальчики...

Боря в этом не участвовал, но мог знать обо всем. Вообще-то, Боря мог бы стать и бандитом. С его-то техникой бокса! Но Борис Петрович Борю удержал, так я думаю. Кроме бокса «бандитской» карьере помог бы шрам. Объясню на примере. Дело было давным-давно (начало 1990-х годов). Еще когда все такси были «волгами». И была остановка для таксистов на улице Сухоложской. Мы стоим с Борей и ждем такси... И тут сзади к нам подходит мужик. Боря-то «лысым» не был никогда. А у меня была стрижка «спортыга». И морда такая – куча шрамов еще с детских времен. Слышим сзади голос: «Че, вы, что ли, последние?..» Мы оба молча назад обернулись. Тут мужик сразу убавил громкость: «Пацаны, а че вы изрезанные такие?..» Мы в черных куртках, и морды – в шрамах! Потому мужик и успокоился...

Это уже случалось в институтское время (после 1991 года). Для меня было дико, что Боря курил при своем папе. Ведь я-то гасился от своего папы почти что до свадьбы (до 2002 года). До двадцати пяти лет (до 1999 года) я точно гасился! Папа обещал меня шлангом отп...дить, если поймает с сигаретой. Замечательный папа был Борис Петрович. Боре можно было все! Мне и половины того не позволяли...

10 мая 2001 года. Мне кто-то позвонил, сейчас не помню кто: «Боря повесился!» На кладбище я не попал, день-то выдался рабочий, был я только на Московской Горке.

Когда гроб вынесли из подъезда – там, во дворе, я с Борей и простился. Был там Веня Голубицкий. Он тогда возглавлял комитет по госимуществу Свердловской области. Такие люди знакомы были с Борей! Ему не вешаться, а жить надо было... Журналистов вообще и телевизионщиков, в частности, там был вагон! Веня Голубицкий был не единственной знаменитостью на похоронах Бори. Для меня по сей день (больше десяти лет) нет объяснения для смерти Бори! Борис Петрович и Маргарита Михайловна держались достойно. Помнится, Борис Петрович сказал Виталию Витальичу: «Ведь это ты учил его литературе...» Погода была нормальная. Сухо было однозначно, но не сильно жарко. Я Виталия Витальича давно не видел, Мишу Банникова тоже там встретил. Я вообще эти мероприятия – похороны – не очень люблю. Помню, когда приехал туда, на Московскую Горку, долго машину не мог припарковать. А потом я сорвался сразу...

Мы до сих пор (не каждый день, конечно же) обсуждаем с Виталием Витальичем гибель Бори. И не можем по сей день понять: почему, почему, почему? Я не вижу причин никаких вообще. Переносить кодировку – не так уж это тяжело, я по себе знаю! Вот перед ней – дико хочется выпить. Но если ты принял решение – все, на душе спокойно. А раньше я бухал – каждую пятницу стабильно...

Элегия

... Нам взяли ноль восьмую алкаши –
И мы, я и приятель мой Серега,
Отведали безумия в глуши
Строительной, сбежав с урока.
Вся Родина на пачке папирос.
В наличии отсутствие стакана.
Физрук, математичка и завхоз
Ушли в туман. И вышел из тумана
Огромный ангел, крылья волоча
По щебню, в старушачьих ботах.
В одной его руке была праща.
В другой кастет блатной работы.

Он, прикурив, пустил кольцо
Из твердых губ и сматерился вяло.
Его асимметричное лицо
Ни гнева, ни любви не выражало.
Гудрон и мел, цемент и провода.
Трава и жесь, окурки и опилки.
Вдали зажглась зеленая звезда
И осветила детские затылки.
...Таков рассказ. Чего добавить тут?
Вот я пришел домой перед рассветом.
Вот я закончил Горный институт.
Ты пил со мной, но ты не стал поэтом.

Борис Рьжий, 1997

Алексей Ланцов

«Будут все как дети Божии...»

Традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Изд. Алетейя, 2011, 60 стр.

Монография Алексея Ланцова посвящена выявлению житийных источников последнего романа Ф. М. Достоевского. В центре анализа – жанровые особенности романа, образы святых Феодосия Печерского и Алексия человека Божия, напрямую связанные с главными героями произведения, особенности осмысления Достоевским этических постулатов жизни, христианский подход писателя к разрешению проблемы страдания.

Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой Достоевский был близок к созданию принципиально нового литературного жанра.

Монография адресована специалистам по творчеству Достоевского, преподавателям литературы, аспирантам, а также всем любителям русской классики.

Леонид Корниенко

«Фантом журавлика»

Изд. Алетейя, 2011, 122 стр.

Проза Леонида Корниенко абсолютно не назидательна, он рассказывает случаи из жизни, предлагая читателю возможность сотворчества, возможность предположить: а что же будет дальше, как герои выкрутятся из сложившейся ситуации. Разные люди рассказывают о своей жизни в эмиграции, о том, почему сделали этот выбор, о том, как устроились на новом месте, в Финляндии. Писатель, конечно, не приукрашивает жизнь на родине, но и жизнь за ее пределами райской не называет. Вот что он пишет:

«А за ней (эмиграцией) следует часто ни с кем не сопереживаемый и объективный процесс преодоления в себе ощущения или неполноценности, или невостребованности в новой среде обитания. Об этом в эмиграции никто никогда никому не говорит». И не случайно отдельная глава повести «Биссектриса выбора» называется «Золотая клетка».

Людмила Яковлева
«Моих странствий ветер...»

Изд. Алетея, 2010, 194 стр.

Ветер странствий всю жизнь свистел в ушах автора этой книги. Невозможность реальных поездок в советские времена она компенсировала длинным рядом книг в книжном шкафу. Миклухо-Маклай, Пржевальский, Крузенштерн, Даррелл, Тур Хейердал, да разве всех перечислишь!

И вот теперь, наконец, поездка за рубеж не является чем-то необычным. В книге нет статистических данных о народонаселении, величине территории, промышленности, полезных ископаемых и всего прочего, что можно прочесть в туристских справочниках. В ней рассказывается о том, с чем сталкивается человек во время поездок, о встречах, событиях, недоразумениях и порванных туфлях.

Ольга Сванберг
«Время действия.
Сага о дилетантах»

Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга,
2011, 128 стр.

«Время действия» – вторая книга проживающей в Финляндии Ольги Голубевой-Сванберг. Автор условно назвала свое произведение сагой, хотя жанр его меняется в зависимости от настроения героев и происходящих с ними событий. Сага в переводе со шведского означает «сказка». Это своеобразная притча о творчестве и любви без границ. Действие ее происходит в северных столицах: Хельсинки и Таллинне, а также в Санкт-Петербурге и Москве. В книге использованы стихи поэта Алексея Ланцова, также проживающего в Финляндии.

Мария Розенблит
«Живёт девочка Надюшка»

Повести и рассказы

г. Таллин, 2010, 264 стр.

Книга представляет собой сборник рассказов. Все сюжеты правдивы и почерпнуты из реальной жизни. Рассказы написаны хорошим языком, который, как выразился один из критиков, представляет собой прозу "грубого помола", тем не менее, читается с большим интересом.

